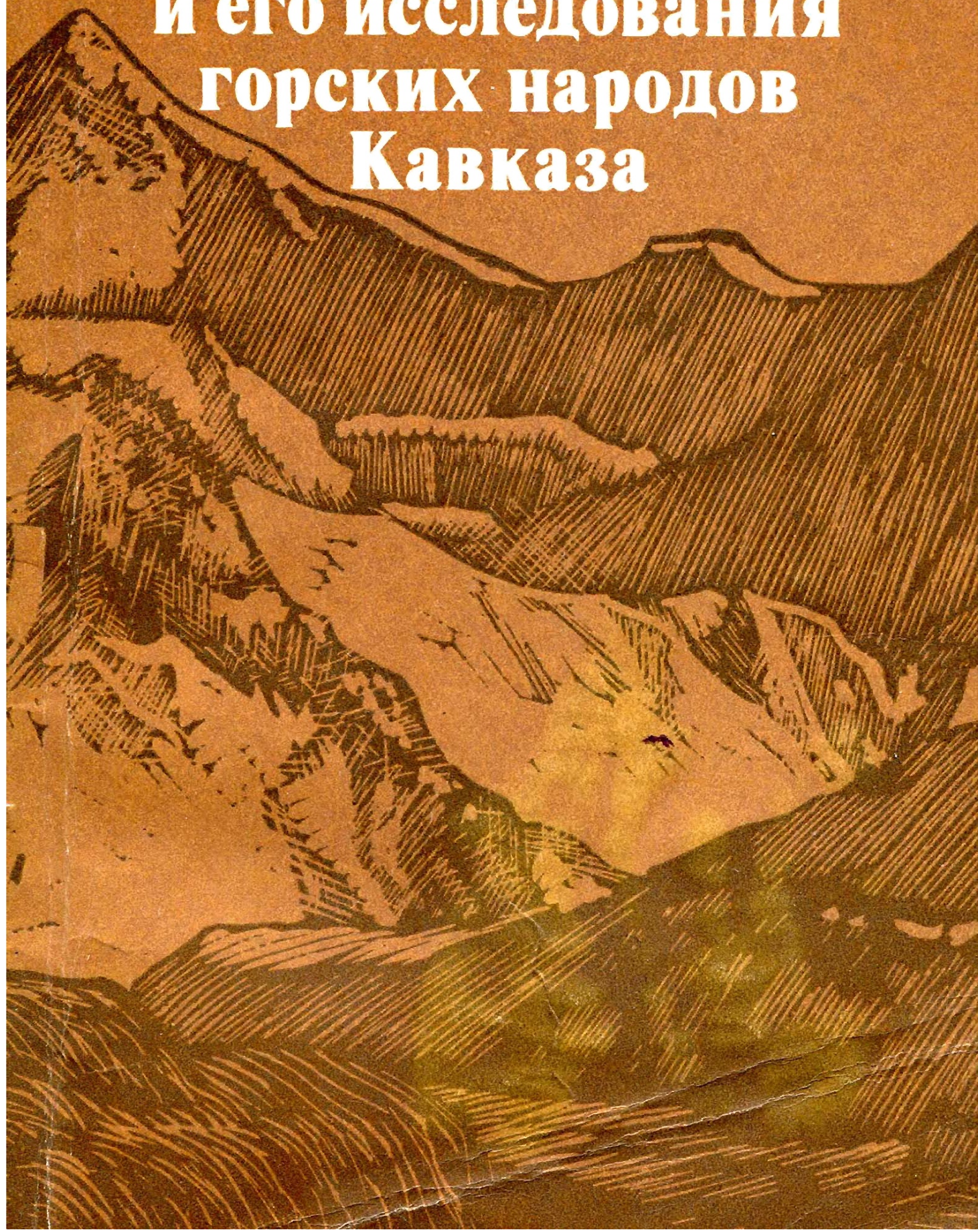

Б.А.КАЛОЕВ

М.М. Ковалевский
и его исследования
горских народов
Кавказа

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Б. А. КАЛОЕВ

М. М. Ковалевский
и его исследования
горских народов
Кавказа

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

902.7
К 17

Ответственный редактор
В. К. ГАРДАНОВ

Монография посвящена жизни и научной деятельности известного ученого — историка, этнографа и социолога — М. М. Ковалевского, уделившего в своих трудах особое внимание исследованию общественного строя горских народов Кавказа. В Приложении публикуются полевые записи М. М. Ковалевского, сделанные во время его поездок по Кавказу, и письма к В. Ф. Миллеру.

К $\frac{10602-057}{013(02)-79}$ 122-78. 0508000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди дореволюционных исследователей горцев Кавказа М. М. Ковалевский занимает особое место. Он одним из первых познакомил ученый мир с укладом жизни многочисленных народов, населяющих этот регион. Ученый с разносторонними научными интересами, М. М. Ковалевский был историком, юристом, этнографом, социологом. Во всех этих областях знаний он оставил множество трудов, снискавших ему мировую славу. Его фундаментальные работы по Кавказу, посвященные обычному праву и общественному строю горских народов, не потеряли до сих пор научного значения и вызывают все больший интерес у исследователей, занимающихся изучением социальных институтов вообще и на Кавказе в частности. Не случайно поэтому еще в 1936 г. было издано специальное постановление Президиума Академии наук СССР о переиздании кавказоведческих трудов М. М. Ковалевского [125, с. 227—228]. Тогда же с целью ускорения этой работы был основан Кавказский кабинет, ныне сектор народов Кавказа в Институте этнографии АН СССР. Однако, к сожалению, ни один из трудов ученого по Кавказу не был переиздан. Нет до сих пор и специального монографического исследования о нем как об ученом-кавказоведе, внесшем большой вклад в изучение многих вопросов социальной истории горских народов Кавказа.

Задача настоящей работы — восполнить этот пробел хотя бы частично. Нами использованы все опубликованные труды М. М. Ковалевского по Кавказу, а также многочисленные данные о самом ученом, почерпнутые из периодической печати. Важнейшим источником послужили и различные архивные документы, хранящиеся в личных фондах М. М. Ковалевского — в Архиве АН СССР, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея и в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Считая, что некоторые из них (полевые записи М. М. Ковалевского в Осетии и Балкарнии, его письма к В. Ф. Миллеру) представляют научный интерес, мы приводим их в Приложении.

В книге делается попытка познакомить читателей с результатами изучения М. М. Ковалевским каждого из горских народов в отдельности, а также с его исследованиями некоторых важных теоретических проблем кавказоведения, касающихся, в частности, общественного строя горцев, их обычного права, горского феодализма и т. д.

Разумеется, работа не претендует на полноту освещения всех затрагиваемых в ней вопросов. Это стало бы возможным в более обширной монографии при участии специалистов смежных наук.

Глава I

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

По отзывам многих современников, М. М. Ковалевский был талантливым ученым с разносторонними научными интересами и огромным трудолюбием. Эти качества выработались в нем уже в юношеские годы. Жизнь и деятельность М. М. Ковалевского охватывает довольно большой период, насыщенный крупными историческими событиями.

М. М. Ковалевский родился 27 августа 1851 г. в Харькове, в семье помещика. Предки М. М. Ковалевского, вышедшие из Польши в середине XVII в. и служившие в слободских полках, имели поместья в Харьковской губернии. Отец его — М. Ковалевский — был полковником, участвовал в Отечественной войне 1812 г., пройдя путь от Москвы до Парижа. «В семье, — отмечал современник, — сохранилась в качестве своеобразного исторического документа его сабля, украшенная выгравированными на ней названиями всех городов, во взятии которых участвовал его полк» [65, с. 7]. М. М. Ковалевский гордился храбростью своих предков. В письме к В. Ф. Миллеру он шутливо писал из Парижа в период своего вынужденного пребывания за границей: «Готовил лекции по-английски, а теперь уезжаю читать их в Оксфорд. Куда только не забрасывает судьба этого выродившегося представителя некогда храброго казацкого войска!» [139, л. 93]. Выйдя из армии, отец Ковалевского занялся хозяйством и добился в этом успехов: применял в полеводстве достижения агрономии, машины, внедрял новые сорта культур, строил заводы и т. д.

В работе «Мое научное и литературное скитальчество» М. М. Ковалевский писал о своих родителях: «Отец мой, бывший воин 1812 года, занятый исполнением обязанностей сперва уездного, затем губернского предводителя дворянства и весьма удачным правлением им же самим приумноженного состояния, возложил все попечение о моем образовании на мать. Эта умная и необыкновенно сердечная женщина, получившая при этом хорошее эстетическое воспитание (она сама занималась живописью, музыкой и пением и была знатоком французской лите-

М. М. Ковалевский — лектор Русской высшей школы общественных наук в Париже (1902)

ратуры), несмотря на свою молодость, красоту и светские успехи, всецело отдала себя заботам обо мне» [34, с. 61]. Лишившись отца, М. М. Ковалевский остался на попечении матери, давшей ему блестящее домашнее образование. Она сама обучала его чтению, русскому правописанию, ей же он обязан удачным выбором первых книг для чтения, рано развившего в нем вкус к истории и этнографии.

Большое внимание было обращено на обучение мальчика иностранным языкам, проходившее под руководством гувернанток и учителей. М. М. Ковалевский вспоминает об этом так: «Немецкому и французскому языку обучали меня в самом детстве при содействии французских и немецких гувернанток. Английскому стал заниматься с 15 лет, а итальянскому и испанскому только на 28-м году жизни. С восьми лет мое воспитание было вверено французскому гувернеру, уроженцу Фрибурга, Изидору Морисовичу Гранжан. Это был молодой, энергичный, весьма независимый и любивший свое дело человек. С ним я прошел на французском языке обстоятельный курс истории, древней и средней литературы, разумеется французской, и мифологии» [34, с. 62]. Заметим, что знание в совершенстве мно-

гих языков народов Западной Европы дало возможность М. М. Ковалевскому выявить в центральных и провинциальных архивах многих стран этого континента немало ценных документов, легших в основу его многочисленных трудов, посвященных различным вопросам истории европейских народов. Знание языков облегчило ему и чтение лекций, которые он вел регулярно во многих университетах Европы и Америки в период вынужденного пребывания за рубежом. Лекции М. М. Ковалевский читал на языке студенческой аудитории [139, л. 93; 141, ед. хр. 221, л. 27].

Он продолжал совершенствоваться в знании языков и тогда, когда был уже известным ученым. По воспоминаниям современников, М. М. Ковалевский свободно владел не только основными европейскими языками, но многими наречиями испанского, итальянского, французского и других языков. К. А. Тимирязев, рассказывая о своей встрече в Италии с М. М. Ковалевским, с которым не виделся, по его словам, лет пятнадцать, писал, как последний в его присутствии разговаривал «без умолку с букинистом-итальянцем совершенно свободно... даже не просто на итальянском языке, а на каком-то миланском наречии». Тот же автор отмечал, что М. М. Ковалевский владел в совершенстве «шестью, а может быть, и большим числом языков» [94, с. 213, 214].

Домашнее воспитание М. М. Ковалевского не ограничивалось изучением языков. Его обучали также музыке и живописи. «Весьма рано стали меня обучать фортепианной игре,— пишет М. М. Ковалевский,— и я настолько увлекся ею, что одно время думал поступить в консерваторию. К живописи у меня никогда не было ни малейших склонностей, и учитель Безнерчин — тот самый, которому Семирадский обязан своими первыми уроками рисования, даже отказался продолжать со мною занятия, говоря, что мальчик прилежен, но совершенно бездарен» [34, с. 62].

Десятилетнего мальчика родители вывозили за границу: они провели продолжительное время в Германии, на водах, в Дрездене, Мюнхене, а затем в Швейцарии. Тогда же он увлекся Шиллером и по возвращении в Россию стал переводить с помощью учителя его историю тридцатилетней войны в Германии.

После смерти отца было решено отдать мальчика в гимназию. Однако он оказался не подготовленным для поступления в нее, ввиду того что не прошел ряда предметов — латинской и славянской грамматики, богослужения и др. В течение зимы тринадцатилетний мальчик самостоятельно изучил эти предметы, блестяще сдал экзамены в пятый класс третьей Харьковской гимназии. Постановка учебного дела в гимназии нуждалась в изменении: она была перегружена многочисленными предметами. «В гимназии,— отмечал М. М. Ковалевский,— я постепен-

но стал забывать языки и историю, плохо обучался латыни и по целым годам слушал изложение былин о богатырях, „Слова о полку Игореве“ и поучения Даниила Заточника». Не все преподаватели гимназии отвечали своему назначению, и прежде всего учитель истории, о котором М. М. Ковалевский писал: «По истории учебник Иловайского считался настолько обстоятельным, что учитель признавал нужным допускать в нем сокращения. Отметками карандашом и ограничивались все его педагогические приемы. По природе своей ленивый и бездарный, он не прочь был вызывать меня к доске. „А ну-ка, Ковалевский, расскажите-ка про Руссо и Вольтера, вас этому, верно, обучил французский гувернер“» [34, с. 62]. Ковалевский рассказывал, и класс не без изумления слушал его. Уже в гимназические годы он поражал и учителей и товарищей своими выдающимися способностями, особенно в изучении языков. В эти же годы проявился его независимый и свободолюбивый характер, что нередко навлекало на него гнев начальства. М. М. Ковалевский рассказывает об этом с юмором: «Позднее отношения с директором обострились, и он уже кричал на меня: „Ваше поведение доведет вас до выведения из заведения!“ — пророческие слова, которым суждено было сбыться двадцать лет спустя, и не в гимназии, а в Московском университете» [34, с. 62].

В 1868 г. способный юноша заканчивает гимназию с золотой медалью и в этом же году, не достигнув еще 17 лет, поступает на юридический факультет Харьковского университета — в одно из старейших учебных заведений России. Выбор Ковалевским этого факультета не был случайным. Здесь читал лекции по международному праву выдающийся профессор Д. И. Каченовский, ставший духовным наставником будущего ученого. М. М. Ковалевский с уважением и похвалой отзывался о своем учителе, посвятив его памяти специальную работу [45]. «Его эрудиция, — писал он, — была обширна и основательна, изложение талантливо и красноречиво. В России я не слушал лучшего профессора... Прелесть его для слушателей лежала в искренней, даже несколько наивной вере в неминуемое торжество принципов международного права и третейского суда над милитаризмом и в несравненно более уравновешенном пристрастии к основам английской политической жизни, примирявшем в его глазах как нельзя лучше, порядок со свободой... Тогда Каченовский по целым месяцам излагал историю отмены торгового неграми, а сотни слушателей в его прозрачных намеках справедливо видели атаку на крепостное право» [34, с. 63].

В работе «Мое научное и литературное скитальчество» М. М. Ковалевский тепло отзывается и о других профессорах юридического факультета, оказавших на него большое влияние: Сокольском, который вел «едва ли не первый в России курс истории политической экономии» и сообщал «массу любопытных сведений и о меркантилистах, и о физиократах, и о

школе Адама Смита, и о зарождении идей социализма и коммунизма». Цитовиче — профессоре по гражданскому праву, которому М. М. Ковалевский обязан «знакомством с курсом положительной философии и с сочинениями Прудона», Стоянове, читавшем курсы по истории законодательств, древних и новых, и, наконец, Гаттенбергере — молодом преподавателе, читавшем курс философии [34, с. 62—63]. С ним Ковалевского впоследствии связывала личная дружба [65, с. 14].

Большое значение для формирования общественно-политических взглядов М. М. Ковалевского имело участие его в кружке магистра физики Я. И. Ковальского, объединявшего радикально настроенную молодежь. Жена Ковальского, известная впоследствии революционерка, писала в 1925 г. о том периоде: «У меня организовался мужской кружок, занимавшийся общественными вопросами. Он не был еще революционным, но был радикального направления. В этот кружок, между прочим, входил молодым студентом М. М. Ковалевский. Рядом с этим кружком я организовала исключительно женский, интересовавшийся социализмом. М. М. Ковалевский, владевший хорошо французским языком, имевший доступ в университетскую библиотеку, помогал мне извлечением из французских источников составлять рефераты о Фурье, Сен-Симоне, Оуэне и других утопистах» [66, с. 478]. М. М. Ковалевский, описывая этот период жизни, характеризовавшийся, по его словам, деятельностью многочисленных кружков, подтверждает, что он часто бывал в доме «Ковальского, магистра физики, женатого на в высшей степени симпатичной молодой женщине, увлекавшейся Лассалем» [34, с. 64—65].

Было отмечено, что лекции проф. Д. И. Каченовского по международному праву и по истории государственных учреждений определили научные интересы М. М. Ковалевского, который уже с третьего курса под руководством своего наставника начал готовиться к преподавательской деятельности. Особое внимание он уделял изучению истории английского местного права, которое продолжал и в последующие годы за границей. В автобиографии, хранящейся в рукописи в Архиве АН СССР, М. М. Ковалевский писал, что по окончании университета, «выйдя кандидатом прав в 21 год, был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по государственному праву европейских держав» и что из-за смерти Д. И. Каченовского (перед самым окончанием М. М. Ковалевским университетского курса) он уехал за границу для продолжения своего образования [137, ед. хр. 311, л. 1]. В течение трех лет М. М. Ковалевский слушал лекции в различных европейских университетах, работал во многих архивах и библиотеках Франции, Англии и Германии, собирая материал для будущих произведений.

На юридическом факультете Берлинского университета в

зимний семестр 1872/73 г. он посещал лекции проф. Г.-Р. Гнейста, лучшего знатока истории государственных и общественных учреждений Англии, а на филологическом факультете — проф. А.-Р. Нитча, развивавшего свое учение об истории городских учреждений в Германии. Здесь же он прослушал курсы лекций К.-М. Бруннера и Адольфа Вагнера. И тем не менее, говоря об этом периоде своих занятий, М. М. Ковалевский писал: «В Берлине я не научился именно тому, чему хотел научиться и чему прежде не сумели научить меня также в России, — приемам самостоятельного исследования. Научился этому только в Париже». В Париже М. М. Ковалевский занимался на юридическом факультете и много времени отдавал работе в архивах и библиотеках. Им были обследованы фонды не только центральных архивов Франции, но и ее департаментов — Руана, Дижона, Экса и т. д. М. М. Ковалевский высоко оценивает постановку архивной работы на местах и отмечает сотрудников архива, прекрасных знатоков своего дела, сделавших многие архивные документы достоянием широких масс читателей. «Отмечу также факт присутствия в провинциальных университетах Франции глубоких знатоков местной историографии, умело группирующих вокруг себя людей, готовых заняться монографической разработкой этой истории. Провинциальные академии и их ученые издания дают возможность обнародования всех подобного рода работ. Образцом таких неутомимых исследователей, истинных знатоков дела и руководителей чужих работ был покойный Жермен в Монпелье, автор истории его торговли, его медицинской школы и т. п. Ему я обязан направлением своих работ в департаментском и городском архиве, а также в богатой рукописями университетской библиотеке» [34, с. 69—70].

После двухлетнего пребывания в Париже М. М. Ковалевский переехал в Лондон, где целый год работал в библиотеке Британского музея и в Центральном архиве. В архивах Лондона М. М. Ковалевский обнаружил много новых документов, легших в основу его фундаментальных трудов, посвященных различным вопросам истории Англии. Одной из весьма ценных находок, например, были материалы об экономическом и социальном строе средневековой Англии, в частности о полицейской администрации в XIII и XIV вв. Материалы эти явились основным источником его докторской диссертации «Общественный строй Англии в конце средних веков».

В Лондоне он познакомился со многими общественными деятелями и учеными Англии. Влияние на М. М. Ковалевского оказал английский юрист и историк права Г. Мэн, с трудами которого он познакомился еще в студенческие годы. Именно по совету этого ученого Ковалевским был написан «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт», вышедший в Лондоне на русском языке в 1876 г. и переведенный тогда же на немецкий язык цюрихским профессором и редакто-

ром «Журнала истории швейцарского права» Висом [137, ед. хр. 311, с. 2]. Г. Мэну М. М. Ковалевский обязан получением доступа в библиотеку «Индийского управления», в которой он собирал материал для своей работы об общинном землевладении в Индии.

В Лондоне же М. М. Ковалевский открыл для себя труды шотландского этнографа Дж.-Ф. Мак-Леннана и американского этнографа и археолога Л. Г. Моргана, которыегодились ему позже при изучении древних форм семьи, главным образом на кавказском материале, собранном в 80-х годах XIX в. во время его путешествий по Кавказу. В своих исследованиях М. М. Ковалевский опередил своих учителей: он убедительно доказывал, что первоначальной формой семьи был не патриархат, как утверждали Мэн и другие европейские ученые, а матриархат, являвшийся универсальным институтом первобытнообщинного строя. Эта точка зрения впервые была высказана М. М. Ковалевским в его лекциях, прочитанных в Стокгольме и Оксфорде, а затем в ряде его работ.

Одна из замечательных страниц жизни М. М. Ковалевского — его дружба с великим Марксом. Первая встреча М. М. Ковалевского с К. Марксом произошла, как можно полагать, летом 1875 г. во время его пребывания в Лондоне [34, с. 71—73], а затем в этом же году они встретились в Карлсбаде, о чем свидетельствует письмо М. М. Ковалевского от 15 сентября к И. И. Янжулу: «В Карлсбаде я провел много приятных часов в обществе Маркса. Это благороднейшая и даровитейшая натура» [136, с. 137].

О близком знакомстве М. М. Ковалевского с К. Марксом уже в это время свидетельствуют письма К. Маркса к Ф. Энгельсу и П. Л. Лаврову, в которых М. М. Ковалевский постоянно упоминается. Так, в письме от 11 декабря 1876 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «Ковалевский вчера был у меня, требовал Хансена¹. Я сказал ему, что он получит его *завтра вечером*; вместе с тем, по его желанию, сговорились посетить тебя в тот же вечер (во вторник)» [1, с. 24]. Этим же годом датируются два письма К. Маркса к П. Л. Лаврову; в первом, от 7 октября, говорится о попытках запрещения французского издания первого тома «Капитала»: «...стараятся изъять книгу с помощью скрытых интриг. ...С другой стороны, у Ковалевского есть русские друзья в Париже, которые готовы засвидетельствовать, что даже в книжном магазине Лашатра им отказали в продаже этой книги» [2, с. 161]. Во втором письме, от 21 октября, К. Маркс писал П. Л. Лаврову по поводу его статьи в газете «Вперед»: «Ковалевский сообщил мне об этом, а также прислал и саму выдержку. Он просил меня дать ему № 42 Вашей газеты...» [3, с. 169].

¹ Имеется в виду книга Г. Хансена «Подворные общины (наследственные товарищества) в Трирском округе». Берлин, 1863 [см. 1, с. 413].

Особенно часто М. М. Ковалевский виделся с К. Марксом во время своего пребывания за границей в 1875—1877 гг. В очерке «Две жизни» М. М. Ковалевский писал, что он с Марксом «встречался чуть не еженедельно в течение двух лет и изредка обменивался письмами» [40, с. 495]. Судя по некоторым другим источникам, и переписка между ними была довольно оживленной. Однако письма К. Маркса к М. М. Ковалевскому, к сожалению, не сохранились. Правда, «одно из них уцелело...— как пишет И. К. Луппол.— Оно на французском языке и хранится в архиве Института марксизма-ленинизма» [74, с. 69].

Письмо это, датированное 1877 г., включенное во второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, представляет значительный интерес в целом для истории русского революционного движения. «Я узнал,— пишет К. Маркс М. М. Ковалевскому,— что одна русская дама (Елизавета Дмитриева.— *Ред.*), оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа (И. М. Давыдовского.— *Ред.*). Я ничего не знаю ни о ее муже, ни о том, виновен ли он или нет. Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь... то было бы чрезвычайно важно помочь найти ему хотя бы защитника... Г-н Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа,— может быть, единственный адвокат в Москве, который возьмется за такое неблагодарное дело. Поэтому Вы меня очень обяжете, если от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга» [4, с. 185].

В эти годы М. М. Ковалевский был свидетелем важных событий в политической жизни России, вызванных выходом I тома «Капитала» К. Маркса в переводе на русский язык. В письме К. Марксу Н. Даниельсон писал из Петербурга 9 ноября 1878 г. о том, что в книжных магазинах нет больше ни одного экземпляра «Капитала» и стоит вопрос о выпуске второго русского издания; он просил К. Маркса подготовить такое издание [см. 5, с. 459]. Благодаря М. М. Ковалевскому К. Маркс был осведомлен и об острой полемике в русской печати вокруг «Капитала», в которой принимали участие видные русские ученые и публицисты. В письме Н. Даниельсону от 15 ноября 1878 г. К. Маркс писал: «Находящийся здесь профессор Ковалевский говорил мне, что „Капитал“ вызвал довольно оживленную полемику» [5, с. 277]. Сохранилось еще одно письмо К. Маркса к М. М. Ковалевскому, правда без начала, которое также свидетельствует об огромном интересе его автора к научной жизни России и роли Ковалевского в пропаганде русской науки на Западе. В письме, посланном в апреле 1879 г., К. Маркс благодарит М. М. Ковалевского за присланную ему книгу Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в послед-

ней четверти XVIII в.» (М., 1879). Книга эта была подвергнута К. Марксом обстоятельному критическому анализу [6, с. 286—287].

В письме к Н. Даниельсону от 19 сентября 1879 г. К. Маркс пишет: «Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он один из моих „научных“ друзей, который приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея» [7, с. 323]. Речь идет о книге М. М. Ковалевского «Общественное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», из которой, как из некоторых других произведений русских авторов, например Н. И. Кареева, К. Маркс сделал выписки, оставшиеся после его смерти у Ф. Энгельса. По словам Ковалевского, Ф. Энгельс показывал ему тетради К. Маркса с этими выписками [34, с. 73], хранящимися ныне в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В библиотеке К. Маркса несомненно были и другие произведения молодого русского ученого: «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт» (1876), «Опыт по юрисдикции землевладения в кантоне Ваадт» (1876), «Опыт по юрисдикции налогов во Франции с XIV в. до смерти Людовика XIV», «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III» (1877). В одном из писем к В. Ф. Миллеру (№ 12) М. М. Ковалевский писал: «Маркс и Зибер до сих пор не имеют моего „Общественного строя Англии“. Вышлите им, пожалуйста...» [139, ф. 451, ед. хр. 229, л. 14]. Это была докторская диссертация Ковалевского, которая подверглась критике со стороны К. Маркса, и поэтому М. М. Ковалевский решил ее не издавать.

Известно также, что некоторые работы М. М. Ковалевского («Закон и обычай на Кавказе», «Очерк происхождения и развития семьи и собственности») были использованы Ф. Энгельсом при переработке четвертого, вышедшего в 1891 г. издания его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». При этом Ф. Энгельс считал большой заслугой М. М. Ковалевского открытие им на Кавказе семейной общины, подобной югославской «задруге» [8, с. 60, 61, 63 и сл.]. В другой работе, вышедшей в 1892 г., Ф. Энгельс писал: «Я оставил текст в его первоначальном виде, не касаясь гипотезы, недавно выдвинутой Максимом Ковалевским, согласно которой разделу пахотных и луговых земель между членами марки предшествовала общая совместная обработка их большой патриархальной семейной общиной, охватывающей несколько поколений (чему примером может служить еще существующая южнославянская задруга); впоследствии же, когда община разрослась и стала слишком громоздкой для совместного ведения хозяйства, произошел раздел земель общины. Ковалевский, вероятно, вполне прав, однако вопрос еще находится в стадии обсуждения» [9, с. 298].

К. Маркс, в свою очередь, посылал свои произведения М. М. Ковалевскому. Есть свидетельство, что в библиотеке ученого имелись французские издания «Капитала», «Нищеты философии», брошюры, направленной против М. А. Бакунина и его последователей, «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих», написанной вместе с Ф. Энгельсом, с дарственной надписью К. Маркса. К. Маркс и Ф. Энгельс ценили Ковалевского за его конкретные исторические открытия и выводы и видели в нем крупного ученого, обладавшего ценнейшей научной информацией [86, с. 86].

Знакомство с К. Марксом и Ф. Энгельсом, под влиянием которых определилось направление научной деятельности Ковалевского, имело для него громадное значение. «Очень вероятно,— писал М. М. Ковалевский,— что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более что такие темы прямо отвечали преподаваемому мною предмету. Маркс знакомился с моими работами, откровенно высказывал о них свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и, в частности, о юрисдикции налогов в ней, то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом». В работе «Две жизни», вышедшей в 1909 г., М. М. Ковалевский писал о Марксе: «На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности» [40, с. 22]. Историк П. Г. Виноградов вспоминает, как М. М. Ковалевский говорил ему, что «из всех политических мыслителей, каких приходилось когда-либо встречать, Маркс произвел на него самое глубокое впечатление по силе и смелости ума» [137, ед. хр. 311, л. 1]. «Доброе и теплое воспоминание о своем учителе и друге он сохранил и до конца своей жизни»,— писал о М. М. Ковалевском его личный секретарь П. Сорокин [88, № 15529]. Чувство глубокого уважения Ковалевский сохранил и к семье Маркса, к его родным и близким.

В 1877 г. М. М. Ковалевский возвратился в Россию и сдал экзамен на звание магистра не в Харьковский университет, откуда был послан за границу, а в Московский. Причина этого оставалась до недавнего времени неясной. О ней умалчивал, по-видимому, сознательно и сам М. М. Ковалевский. «Прибыв в Москву с напечатанной уже диссертацией, я без труда выдержал экзамен на магистра и получил искомую мною степень»,— пишет он в одной из своих работ [40, с. 18].

В автобиографии, хранящейся в Архиве Академии наук СССР, также отмечалось: «В 1877 г. выдержал в Москве магистерский экзамен, после чего был приглашен преподавателем

государственного права европейских держав на юридический факультет» [137, ед. хр. 311, л. 10]. В действительности же М. М. Ковалевский вернулся, как выяснено теперь, в Харьковский университет, куда он представил «сочинение по вопросам конституционного права на соискание ученой степени магистра, но там отказались допустить его к защите по соображениям полицейским». Лишь после этого он уехал в Москву, где начался новый, весьма плодотворный период в его научной и преподавательской деятельности, продолжавшийся около десяти лет. Начав читать лекции в Московском университете, через год, в 1878 г., он защищает здесь публично диссертацию на степень магистра, для чего была представлена им его «История полицейской администрации» с приложением особых материалов, собранных в архивах и вышедших отдельным томом в Лондоне. Два года спустя (в 1880 г.) он защищает в Московском университете докторскую диссертацию «Общественный строй Англии с конца средних веков».

За это время были опубликованы следующие работы М. М. Ковалевского: «Историко-сравнительный метод в юриспруденции», «Английская конституция и ее историк Стеббс», «Общественное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (одна из лучших его работ по данному вопросу). Одновременно под редакцией М. М. Ковалевского увидели свет в русском переводе «Очерки по истории английской конституции» Фримана и Стеббса и «Древний закон и обычай» Мэна (в переводе Дерюжинского). Одним из достижений М. М. Ковалевского было издание им совместно с В. Ф. Миллером «Критического обозрения», журнала, содержащего научно-критические статьи, посвященные опубликованным трудам по общественным и политическим вопросам. Журнал этот сразу же приобрел широкую популярность среди научных кругов не только в России, но и за границей. По свидетельству М. М. Ковалевского, К. Маркс, например, был «в числе наиболее внимательных читателей „Критического обозрения“ в Англии» [40, с. 22]. В журнале печатались лучшие работы сотрудников двух факультетов (историко-филологического и юридического) Московского университета, ученых других вузов Москвы и Петербурга, а также зарубежных авторов. Полемика, развернувшаяся между противниками такого издания — славянофилами — и М. М. Ковалевским, привела к резкому сокращению подписки на журнал и в конечном счете к его закрытию после двух лет существования. «Критическое обозрение, — писал М. М. Ковалевский, — прошло, однако, не бесследно; ему обязаны мы хотя бы тем, что все наши толстые журналы с этого времени завели на своих полях критико-библиографический отдел и стали давать, смотря по вкусу, объективные и субъективные отзывы о новых книгах» [34, с. 77].

В 1880 г. М. М. Ковалевский после защиты докторской диссертации на два года уехал в заграничную командировку. Он

проводит часть времени в Италии и Испании и уезжает затем в Соединенные Штаты Америки. В Италии М. М. Ковалевский работает в городских архивах Флоренции, Форли, Сиены, Перуджии, Ассиги, Болоньи, Фаэнцы, а также в библиотеках Флоренции и Рима. В Испании же он исследовал документы в архивах Барселоны, Толедо, Эскурима и в рукописном отделении Исторической академии в Мадриде [137, ед. хр. 311, л. 1]. О его работе в архивах свидетельствует одно из писем к В. Ф. Миллеру из Испании. «В Барселоне,— пишет он,— я нашел два архива: архив Арагонии и архив города Барселоны, оба в отличном порядке. К тому же в окрестных городах, как, например, в Героне, два, три архива... Вероятно, пробуду еще два месяца в Испании. Для средних веков архивы в Мадриде представляют, как мне говорят, довольно мало, а в других городах почти все выкрали французы» [139, ед. хр. 229, л. 61]. Не менее ярко характеризует огромную работоспособность М. М. Ковалевского другое его письмо тому же автору, но уже из Италии: «Я так порядком устал от архивных занятий в знойное время, что не мешает мне исповедовать полное довольство результатом моих розысков. Как ни богаты библиотеки Рима, но все же в них нельзя найти столько нетронутого и никому не известного материала, как в архивах маленьких городков Умбрии или Тосканы. Я объездил их немало, находя всюду радушный прием и страдая в то же время от жары, блох и скверной жизни. Вожу теперь целый чемодан выписок. Работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому» [141, ф. 323, оп. 1; ед. хр. 221, л. 21].

Из писем видно, что М. М. Ковалевский, по своему обыкновению, выявлял материал не по одной определенной теме, а по многим, касающимся истории не только западных стран (на чем были сосредоточены тогда его научные интересы), но и России. «А пока скажу Вам, что и для России,— писал он В. Ф. Миллеру,— собрано в Испании немало материала: и о русских рабочих на Средиземноморском побережье, и о пребывании Петра в Париже, и о первых замыслах России... Сегодня для Англии нашел три итальянских и испанских диплом[атических] донесения, которые дадут мне возможность сделать то же по истории общественного быта Англии в XVI в., что сделано мною для XV в. А какое богатство по части „реляций“ об Италии, Фландрии, Голландии...» [139, ед. хр. 229, л. 97]. В Соединенных Штатах Америки М. М. Ковалевский обстоятельно занялся изучением положения американских негров. Материал для этого ему давали не только архивные документы, но прежде всего личные наблюдения. «В Ричмонде,— писал он тому же В. Ф. Миллеру,— я весь вошел в изучение современного положения негров. Они составляют здесь чуть ли не половину населения (35 из 80 тысяч)... Вообще белые и черные отделены стеной веками сложившихся предрассудков. Белые имеют свои

школы, черные свои... белые и черные большие, белые и черные помешанные и преступники размещены в особых госпиталях, тюрьмах и сумасшедших домах. Черные имеют свои пивные и свои гостиницы». Из этого письма мы узнаем также, что М. М. Ковалевский изучал и деятельность американского конгресса, устанавливал контакты со многими учеными и научными учреждениями этой страны. «В Вашингтоне,— пишет он,—я несколько раз был в Конгрессе, но не слышал ни одной маломальски выдающейся речи. Посредственность господствует...» [139, л. 61]. Собранный в этот период материал М. М. Ковалевский использовал для одного из своих известных сочинений — «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», в частности для глав, посвященных истории землевладения и цеховой организации в средневековых Италии и Испании [137, ед. хр. 311, л. 6].

Возвратившись в Россию, М. М. Ковалевский, профессор Московского университета, читал лекции, принимал активное участие в работе многих научных обществ, а также увлекся благодаря В. Ф. Миллеру изучением Кавказа, что дало ему ценный материал для решения ряда теоретических проблем, главным образом истории доклассового общества. Огромные знания и эрудиция позволили М. М. Ковалевскому вести в университете несколько курсов лекций по самым различным темам: конституционному праву, истории государственных учреждений в Европе, истории американских учреждений, политических порядков на Западе, сравнительной истории семьи и собственности, истории сословий на Западе и в России, истории древнейшего уголовного права и процесса. Особой популярностью пользовались его лекции по конституционному праву, на которые стекались студенты почти со всех факультетов. Поэтому, как отмечают современники, М. М. Ковалевскому приходилось читать эти лекции в актовом зале, так как ни одна из аудиторий университета не вмещала всех его слушателей. По отзывам тех, кто слушал его, у Ковалевского была прекрасная манера чтения: «Он говорил очень громко, отчетливо, лекции его отличались блестящим изложением, серьезным научным содержанием и строгой объективностью; он умел вводить в свои лекции остроумные замечания, полные неистощимого юмора» [65, с. 22].

Приведем еще одно свидетельство, также характеризующее манеру чтения Ковалевским публичных лекций. В данном случае речь идет о лекциях в Высшей русской школе общественных наук в Париже. Слушателями этой школы была эмигрантская русская молодежь с различными политическими взглядами. «Дискуссии,— пишет очевидец,— закипали во всех уголках, жесты, слова и речи — повышенного тона и характера. Этот котел не сразу успокоился, когда показалась и направилась к кафедре монументальная фигура Максима Максимовича. Встретили его

сдержанно — аудитория была отрицательно настроена к предстоящей лекции... То была единственная лекция Ковалевского, которую довелось мне слышать, и в то же время это была первая прослушанная мною профессорская лекция. Он читал небольшой курс истории политических учений Западной Европы... Звуки его могучего голоса сразу покрыли все еще не улегшийся шепот и разговоры слушателей. Спустя несколько минут, впрочем, в аудитории царила глубокая тишина напряженного внимания и интереса... Самым замечательным в них (лекциях. — Б. К.) было то, что, затронув какой-либо вопрос, Ковалевский сразу группировал вокруг него множество однотипных данных из истории ряда государств Европы... охватывая главный вопрос во всей полноте. Я чувствую, что не в состоянии передать здесь сжатую выразительность этой манеры, с которой, или хотя бы подобной ей по мастерству, я впоследствии уже не встречался» [58, с. 190].

Блестящее чтение М. М. Ковалевским лекций сочеталось с большой требовательностью к слушателям. Он требовал от студентов на экзаменах глубоких ответов и серьезного знания предмета. В своих воспоминаниях о Московском университете М. М. Ковалевский высказал интересные мысли, касающиеся взаимоотношений студентов и преподавателей, роли последних в воспитании студенческой молодежи. «Я вынес из своего продолжительного общения со студентами то впечатление, что они ценят в профессоре труд, затрачиваемый им при исполнении своих обязанностей, что они ценят простоту и товарищеское отношение» [41, с. 220]. Сам М. М. Ковалевский был доброжелательным наставником студенческой молодежи, относился к студентам с вниманием и заботой. «Помимо того что его любили как талантливого профессора, — пишет Б. А. Щетинин, — в нем ценили необыкновенную отзывчивость и доброту, которые он систематически проявлял по отношению к беднейшей части студентов» [99, с. 485].

М. М. Ковалевский выступал на диспутах чаще всего в качестве оппонента, относясь с принципиальной строгостью к работам соискателей. Он был беспощаден к научной бездарности и благожелателен к талантливым авторам — претендентам на ученую степень. Эти выступления Ковалевского, превосходного оратора с необычайно широкой эрудицией, всегда поражали слушателей глубоким содержанием, отточенностью и остроумием.

Выдающийся талант Ковалевского как ученого гармонически сочетался с поразительной работоспособностью. Помимо чтения лекций и исследований различных проблем он участвовал в работе многих научных обществ, и особенно плодотворно — в деятельности Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и Московского археологического общества. Интерес к этнографии пробудился в М. М. Ковалевском еще в Лондоне.

Но настоящим этнографом М. М. Ковалевский стал в Москве, и этому во многом содействовал В. Ф. Миллер, который привлек его к работе Этнографического отдела и пригласил в совместную поездку по Осетии и Балкарии. Эта поездка пробудила в Ковалевском интерес к изучению кавказского этнографического материала. М. М. Ковалевский становится сначала секретарем, а затем товарищем председателя Этнографического отдела.

Следует отметить, что до появления трудов М. М. Ковалевского обычное право и общественный быт народов России оставались наименее изученными в этнографической науке. Он положил начало обстоятельному изучению обычного права русского и других народов России и привлек к работе в отделе выдающихся московских юристов: А. И. Чупрова, С. А. Муромцева, Ю. С. Гамбарова, Н. О. Нерсесова, а также многочисленных студентов-юристов, которые в экспедициях собирали материалы по обычному праву и докладывали их на заседаниях отдела. В результате усилий М. М. Ковалевского в Этнографическом отделе вопросами обычного права стала заниматься группа специалистов, среди которых выделялся Н. Н. Харузин [102, с. 117], оставивший ряд ценных исследований по обычному праву некоторых народов России, в том числе Северного Кавказа [132; 116, вып. III, с. 174—175].

После смерти Н. Н. Харузина в 1900 г. и отъезда М. М. Ковалевского из России исследования по обычному праву в Этнографическом отделе продолжались, хотя и не в таких широких масштабах. Как отмечает В. В. Богданов, московский кружок этнографов — «обычников» — своей деятельностью по изучению обычного права вызвал широкий интерес на местах к народному быту, в результате чего в Этнографический отдел стали поступать ценные материалы и сообщения. Деятельность М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, А. И. Чупрова в этом отделе, а также в Московском юридическом обществе оказала влияние на известного этнографа Е. И. Якушкина, создавшего наряду с другими этнографическими работами четырехтомный библиографический труд «Обычное право».

В формировании научных интересов М. М. Ковалевского значителен вклад В. Ф. Миллера. «Еще до приезда в Россию, — говорит М. М. Ковалевский, — я по совету Миллера стал заниматься библиографией Якушкина... и собирать материал для древнейшей истории семьи, брака, отношений родителей и детей, родовых племенных порядков, родовой и сельской общины... В то же время я печатал на столбцах издаваемого вместе с Миллером „Критического обозрения“ статьи о том сравнительно-историческом методе, которого я старался держаться в моих работах. При выборе самих приемов исследования беседы с Миллером принесли мне величайшую пользу. Он был для меня кладом премудрости по всем вопросам, связанным с древне-

арийской и иранской культурой, которыми он специально занимался в это время» [44, с. 365]. «В. Ф. Миллеру я обязан,— писал М. М. Ковалевский,— не только многими указаниями, позволившими мне расширить круг моих чтений по вопросам первобытной культуры и первобытного права, но и первым моим знакомством с бытом кавказских горцев» [41, с. 181].

Как уже было отмечено, В. Ф. Миллер познакомил М. М. Ковалевского с Кавказом, ставшим для него важнейшим этнографическим объектом изучения в течение ряда лет. Уже после первой поездки в этот край, к осетинам, в 1883 г. совместно с В. Ф. Миллером, М. М. Ковалевский выступает на заседании Этнографического отдела с первым своим докладом — «О древних видах судебных доказательств на основании изучения обычного права осетин». Последующие две поездки на Кавказ завершились еще тремя докладами — «О некоторых архаических чертах права осетин», «Об обычном праве горских татар и его отношении к осетинскому», «Об обычном праве сванетов» [50, с. 12]. Как будет показано в следующей главе, поездки по Кавказу дали М. М. Ковалевскому огромный материал, легший в основу его монументальных исследований, посвященных обычному праву и общественному строю горских народов этого края. Достаточно отметить, что появление в 1886 г. его двухтомной монографии «Современный обычай и древний закон», посвященной осетинам, явилось, по замечанию Н. Н. Харузина на заседании Этнографического отдела, одним «из самых крупных явлений за последний год в нашей юридической литературе» [129, с. 22].

Крупным достижением М. М. Ковалевского было создание на Кавказе школы этнографов — «обычников» — из местной интеллигенции. К ним, в частности, относятся Н. Л. Абазадзе, Б. К. Далгат, С. А. Егiazаров, С. В. Кокиев, А. С. Хаханов и Х. С. Самуэлян [115, с. 244], каждый из которых внес вклад в изучение этнографии своего народа.

Нужно отметить также, что полевые этнографические исследования на Кавказе М. М. Ковалевский сочетал со сбором различных предметов быта горских народов специально для московских музеев, и особенно для только что открывшегося Исторического музея. Так, например, в 1886 г., находясь в горах Грузии, он писал В. Ф. Миллеру: «Кое-что будет небезынтересно и для тебя, как заведующего Этнографическим музеем. Я купил, между прочим, полный мужской и женский костюм хевсуров, набрал черепов, купил три шашки с лазьинскими надписями. Теперь еду в Дагестан, где, вероятно, проведу весь август» [108, с. 163]. Историческому музею М. М. Ковалевский подарил много археологических находок, собранных им при раскопках в Балкарии во время своих поездок. О них мы скажем ниже. О русских музеях М. М. Ковалевский не забывал и находясь за границей. Д. Н. Анучин вспоминает о том, как он прислал ему

через В. Ф. Миллера из Соединенных Штатов Америки для Антропологического музея «несколько каменных орудий, найденных в знаменитой мамонтовой пещере в штате Кентукки» [50, с. 14].

Во время поездок на Кавказ М. М. Ковалевский проявлял интерес не только к этнографии, но и к археологии, которой он всегда придавал большое значение. По словам С. Котляревского, археология так его увлекала, что он «проводил часы перед витринами археологических и этнографических музеев» [65, с. 135].

Уже во время своей поездки на Кавказ в 1883 г. М. М. Ковалевский участвовал в раскопках, проведенных В. Ф. Миллером в могильниках близ балкарских сел Чегем и Баксан, а также изучал следы и памятники христианской религии предков современных осетин — алан. «Способ погребения, — писал Миллер, — обнаруживаемый этими могильниками, тождествен с таковым же в древних могильниках осетин, исследованных гг. Антоновичем и Беренштамом... Чегемские могилы принадлежат предкам нынешних осетин, которые были известны византийским, армянским и восточным писателям под именем кавказских алан» [104, с. 171].

30 апреля 1885 г. М. М. Ковалевский был принят в действительные члены Московского археологического общества по рекомендации В. Ф. Миллера, С. Н. Усова, Д. Н. Анучина, В. И. Снарса. Став членом общества, М. М. Ковалевский получил право проводить самостоятельные археологические изыскания, которые осуществлялись им впоследствии преимущественно на Северном Кавказе. Большое значение имело, в частности, изучение М. М. Ковалевским в 1885—1886 гг. пещерных погребений у балкарского селения Хасаут. Одна из пещер располагалась на высокой отвесной скале, в ней было обнаружено восемь склепов с одеждой и вещами. Кроме многочисленных предметов одежды, украшений, орудий труда и др. из пещеры были извлечены мужские скелеты, на которых сохранилась одежда. Все находки были отправлены Ковалевским в Москву и принесены в дар Историческому музею. Позже М. М. Ковалевский писал: «Одна витрина в Историческом музее занята результатами моих собственных исследований в горных пещерах, прилегающих к аулу Хасаут, расположенному на недалеком расстоянии от Эльбруса. Один из консерваторов музея, покойный Сизов, говорил мне, что содержащиеся в этой витрине куски материи, в какие облечены были найденные мною скелеты, принадлежат к числу интереснейших материалов для истории древнего орнамента, какие содержит в себе Исторический музей в Москве» [41, с. 201]. В свою очередь, мы можем отметить, что все эти предметы и до сих пор хранятся в Археологическом отделе Государственного Исторического музея в «Фонде М. М. Ковалевского» [105, с. 392, 393]. Здесь имеется около 40 предметов раз-

личного вида и назначения: бронзовые украшения, орудия труда, ткани и т. д.

Не меньший интерес вызывает и научная характеристика этих предметов, данная М. М. Ковалевским. По его словам, они имеют много общего с подобными вещами, найденными В. Ф. Миллером в могильниках по рекам Баксан и Чегем.

Во время переездов по Хевсуретии и Тушетии М. М. Ковалевский обратил внимание на древние кладбища хевсур и отметил, например, такой любопытный факт: хевсуры периодически очищают усыпальницы от костей и хоронят в них новых покойников. У тех же хевсур Ковалевский находил своеобразные старинные клинки с надписями и знаками. Такие же клинки встречались ему и в других районах Кавказа. В докладе, сделанном М. М. Ковалевским в 1885 г. на заседании Археологического общества, он высказал мнение, что эти клинки появились на Кавказе благодаря «заносам с запада, хотя бы посредством гегуэзских колоний».

При чтении доклада М. М. Ковалевский продемонстрировал предметы, привезенные им из Дагестана, в том числе сосуд из темно-синего стекла с изображением святых и латинской надписью христианского содержания начала XVII в., а также медный подсвечник с армянской надписью. По мнению М. М. Ковалевского, эти предметы свидетельствуют о существовании в Дагестане христианства до недавнего времени. Из других предметов, найденных в могильниках, вызвали интерес куски шелковых тканей с изображениями, мотивы которых относятся по времени к эпохе Сасанидов. Позже такие ткани стали изготавливаться в Византии, а затем в Египте. «Торговля с этим отдаленным краем по Черному морю,—отмечает М. М. Ковалевский,—производилась с XIII в. Опираясь на общий характер вещей в погребениях, М. М. Ковалевский датирует их X—XI вв.» [25, с. 12]. Далее в протоколе заседания говорится, что Археологическое общество приносит М. М. Ковалевскому благодарность «за его крайне интересное сообщение» [25, с. 17].

Одновременно с этнографическими и археологическими исследованиями М. М. Ковалевский занимался выявлением памятников обычного права. Благодаря его деятельности изучение юридических древностей настолько далеко шагнуло вперед, что в 1884 г. на археологическом съезде в Одессе была открыта даже специальная секция «Памятники юридические», которую он же и возглавил. На этом съезде М. М. Ковалевский выступил с двумя докладами: «Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» и «Древности уголовного права и, в частности, вопрос об ордалиях» [127, с. 27]. По словам М. М. Ковалевского, указанная секция сразу же привлекла к себе внимание многочисленной публики и вызвала «своим успехом даже некоторое соревнование в руководителях других ранее открывшихся отделов» [41, с. 201].

После увольнения из Московского университета и переезда за границу М. М. Ковалевский не прерывал связи с Археологическим обществом. Когда открылся очередной археологический съезд в его родном Харькове, он прислал туда обширный доклад «К ранней истории Азова», основанный на извлеченном им из венецианских архивов материале [139, ф. 104, ед. хр. 24, л. 5].

В московский период жизни М. М. Ковалевский был знаком со многими прогрессивными учеными, писателями, театральными деятелями, участвовал в различных кружках и встречах. Одним из таких кружков был кружок П. И. Танеева, известного московского адвоката, выступавшего на многих политических процессах. В состав кружка входили такие ученые, как К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, И. М. Сеченов, П. Н. Лебедев, С. С. Корсаков, С. А. Муромцев, А. И. Чупров, писатели и композиторы И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. И. Чайковский, С. И. Танеев и др. Кружок собирался раз в месяц в ресторане «Эрмитаж» на так называемых «академических обедах» [90, с. 334]. Здесь происходили оживленные дискуссии по различным политическим и общественным вопросам. Впоследствии К. А. Тимирязев вспоминал о своей встрече с М. М. Ковалевским. «Это было в общей обеденной зале Эрмитажа,— писал он,— я только что принялся за свой обед, когда он вошел и подсел к тому же столику... Сближение наше произошло на почве назревшей тогда светской борьбы между старой и начавшей кристаллизоваться молодой профессорской партией в Московском университете, группы из молодых, либерально настроенных профессоров, куда входил и Ковалевский вместе со своими близкими друзьями-юристами: Чупровым, Муромцевым, Янжулом» [94, с. 215].

Такие же встречи устраивал и сам Ковалевский по четвергам у себя дома. На них собирались преподаватели не только Московского университета, но и других высших учебных заведений, журналисты из редакции «Русских ведомостей» и «Русской мысли», а также приезжие русские и иностранные ученые и путешественники. Из писателей здесь бывали И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Глеб Успенский, Н. К. Михайловский и др.

В работе М. М. Ковалевского «Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века» приводятся интересные сведения, свидетельствующие о его знакомстве с обширным кругом ученых и писателей, в том числе с Л. Н. Толстым. Что касается И. С. Тургенева, то с ним М. М. Ковалевский был связан давними приятельскими отношениями, впоследствии перешедшими в настоящую дружбу. Живя за границей, в частности в Париже, М. М. Ковалевский, как видно из его переписки [41, с. 298], встречался с И. С. Тургеневым почти ежедневно, а после смерти последнего стал русским представителем в Париже.

Каждый из ученых, связанных с ним, в той или иной степени внес долю влияния в жизнь молодого ученого. С юристами А. И. Чупровым и И. И. Янжулом М. М. Ковалевский познакомился еще раньше, за границей. В давних дружеских отношениях находился М. М. Ковалевский с экономистом и историком профессором Петровской земледельческой академии И. И. Иванюковым, с которым он входил в «кружок либеральных профессоров». Он совершил с ним в 1885 г. путешествие по Кавказу и написал в соавторстве две статьи, посвященные народам этого края [17; 18]. И. И. Иванюков был автором известной книги «Падение крепостного права», выдержавшей несколько изданий. «Покойника,— писал М. М. Ковалевский в своем некрологе об Иванюкове,— знала вся Россия как стойкого борца за интересы народных масс и сторонника „необходимых вольностей“» [43]. Другой близкий товарищ М. М. Ковалевского по Московскому университету, проф. Ю. С. Гамбаров, разделивший его судьбу и вместе с ним проживший долгие годы за границей, был известен как один из активных организаторов и руководителей Парижской русской школы общественных наук [140, ф. Ю. С. Гамбарова]. О нем М. М. Ковалевский писал, что он был «один из наших образованнейших юристов, очень строгий к себе и другим и потому все еще поправляющий корректуры своего трактата о гражданском праве, трактата, который потребует по крайней мере трех томов» [41, с. 216]. В 1905 г. Ю. С. Гамбаров вернулся вместе с М. М. Ковалевским в Россию и вел преподавательскую работу в ряде высших учебных заведений Петербурга.

Одним из близких друзей М. М. Ковалевского был В. Ф. Миллер. О его роли в формировании научных интересов М. М. Ковалевского уже говорилось. Хотелось бы подчеркнуть, что дружба между этими учеными сохранилась до конца их жизни. Находясь семнадцать лет за границей, М. М. Ковалевский постоянно переписывался с В. Ф. Миллером и встречался с ним как в России во время своих кратковременных приездов, так и за рубежом. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в разных архивах письма М. М. Ковалевского, адресованные на имя В. Ф. Миллера. Особенно много их обнаружено нами в Отделе рукописных источников Государственного Исторического музея. Вот некоторые выдержки из них: «Вы писали, что собираетесь за границу. Скоро ли? Без преувеличения, но, если мне здесь чего и недостает, так это наших ежедневных свиданий, наших споров, особенно в первый год моего пребывания в Москве, когда я занимался археологией права, а Вы историей Востока». В другом письме мы читаем: «Что тебе сказать о своей жизни? Ты, кажется, и так хорошо помнишь ее: утром библиотека, днем писание, вечером театр или чтение, изредка званые обеды, вечера в обществе и французов, и англичан, и русских. И так день за днем, без сердечных при-

ключений, ибо стар и толст». И, наконец, еще одно сообщение: «Ты пишешь о промахах в моей книге (речь идет о книге „Современный обычай и древний закон“. — Б. К.), их, вероятно, многое множество, так как я уже таков... Ты оказал бы мне дружескую услугу, обратив мое внимание на эти погрешности. Я делаю теперь французское издание моей книги, первого тома... рад бы был избежать этих погрешностей, но здесь... о Кавказе посоветоваться не с кем. Не поленись же, дружище, и черкни страничку-другую» [139, ф. 451, ед. хр. 229, л. 103, 118]. В письме от 17 мая 1889 г. М. М. Ковалевский признается В. Ф. Миллеру: «А ты знаешь, что я тебя сердечно люблю; да думаю, что и ты меня не вполне не одобряешь» [141, ф. 323, ед. хр. 221].

Говоря о московском периоде деятельности М. М. Ковалевского, К. А. Тимирязев писал, что он «был одной из центральных фигур не только того тесного университетского кружка, о котором я уже упомянул, но и вообще московских научно-литературных кружков» [94, с. 221].

В конце 80-х годов реакция была напугана подъемом революционного движения, в частности массовыми студенческими выступлениями, и обрушила репрессии на представителей либерально настроенной интеллигенции.

Из университетов были изгнаны свободомыслящие преподаватели, наставники молодежи, представители либеральной профессуры, в том числе И. И. Мечников, С. А. Муромцев, А. С. Постников, В. И. Семеновский и др. [87]. В 1887 г. по распоряжению министра народного просвещения И. Д. Делянова М. М. Ковалевский был уволен из Московского университета.

«Дело» М. М. Ковалевского началось с доносов на «конституционные идеи», проповедовавшиеся им с кафедры при изложении государственного права западноевропейских держав. В одном из доносов попечителя Московской губернии на имя И. Д. Делянова говорилось: «Ныне мне сделалось положительно известно, что при сравнении государственного права России с государственным правом западноевропейских держав проф. Ковалевский относится к русскому государственному строю с величайшим порицанием и пренебрежительностью».

Сохранилась переписка по поводу увольнения М. М. Ковалевского, из которой видно, что местная администрация была напугана критической направленностью лекций М. М. Ковалевского. От него старались скорее избавиться, заменить его хотя бы самым посредственным преподавателем. Однако найти такую замену оказалось нелегкой задачей. «Едва ли можно найти, — писал попечитель Московской губернии, — кандидата, настолько подготовленного, чтобы он немедленно мог занять кафедру в Университете, и, кроме того, мера эта (т. е. удаление Ковалевского. — Б. К.) может оказаться вредной». На это по-

следовал ответ И. Д. Делянова: «Не лишним считаю присовокупить, что если Вы имеете в виду заместить эту кафедру посредственностью, то, по-моему, лучше иметь преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающе» [93].

Уволенному из университета М. М. Ковалевскому было запрещено читать лекции и в других высших учебных заведениях России. И хотя он продолжал издавать свои книги в московских издательствах, печатался в различных журналах и газетах, выходящих в Москве и Петербурге, М. М. Ковалевский решил уехать за границу.

Заграничный период жизни М. М. Ковалевского (с 1887 по 1905 г.) представляет большой интерес и нуждается в более детальном изучении, чем это было сделано до сих пор.

Уже через несколько месяцев после увольнения из университета по инициативе знаменитого русского математика С. В. Ковалевской М. М. Ковалевский был приглашен в Стокгольм для чтения лекций в открывшемся там университете.

Говоря о пребывании М. М. Ковалевского за границей, следует упомянуть о его дружбе с С. В. Ковалевской, оказавшейся по воле судьбы на много лет раньше, чем М. М. Ковалевский, на чужбине. Дочь адмирала русского флота, С. В. Ковалевская, с юных лет обладая незаурядными математическими способностями, не могла получить высшего образования на родине. Заключение фиктивного брака, она в 1878 г. смогла уехать за границу и в течение двух лет слушала лекции в немецких университетах. Еще раньше отцовский дом покинула ее старшая сестра Анна Васильевна, получившая высшее образование во Франции. Она стала женой одного из деятелей Парижской коммуны, Виктора Жаклара, сражалась вместе с ним на баррикадах. Как свидетельствуют новые архивные документы, полученные после войны из Чехословакии, участниками Парижской коммуны были и Софья Васильевна и ее муж — известный ученый-палеонтолог В. О. Ковалевский, находившийся в это время в Париже. Более месяца они находились в рядах сражавшихся коммунаров и участвовали в боях вместе с ними [66].

Участие в событиях Парижской коммуны оставило глубокий след в мировоззрении С. В. Ковалевской. Вернувшись на родину, она была в отчаянии, не имея возможности применить свои знания: как женщина она не могла читать лекции в университетах России. В 1883 г., после смерти мужа, С. В. Ковалевская уехала в Стокгольм, где получила кафедру математики в открывшемся здесь университете. Спустя четыре года в это учебное заведение по ее инициативе был приглашен и М. М. Ковалевский, уволенный из Московского университета. «Я был единственным профессором,— писал

М. М. Ковалевский в своих воспоминаниях о С. В. Ковалевской,— призванным открыть преподавание по общественным наукам в Стокгольме».

С этого времени началось близкое знакомство этих двух выдающихся русских ученых. «Для меня центром интереса,— пишет М. М. Ковалевский,— была, разумеется, моя знаменитая однофамилица. Я проводил время в ее обществе» [66]. Это был период, когда оба ученых приобрели мировую славу, достигнув вершин науки. В 1888 г. С. В. Ковалевской была присвоена первая премия Парижской Академии наук за открытие новых математических формул; через год она была избрана в члены-корреспонденты Российской Академии по разряду математических наук. Об этом в «Записках Императорской Академии наук» (1889, т. 62) было написано как о необычайном происшествии. «Непременный секретарь,— говорится там,— довел до сведения отделения, что в одно из отделений Академии было внесено предложение об избрании в число членов-корреспондентов Академии русской женщины, приобретшей себе своими трудами громкую известность в ученом свете не только в России, но и за границей». Далее отмечается, что так как до сих пор в Академии наук не было случаев избрания «особ женского пола», то вопрос этот выносится на рассмотрение общего собрания Академии. К чести ученых, С. В. Ковалевская была избрана подавляющим большинством голосов. Известно, что Софья Васильевна была не только выдающимся ученым-математиком, но и поэтом и прозаиком [67].

Переезд М. М. Ковалевского из Стокгольма во Францию не помешал ему сохранить дружбу с Софьей Васильевной и чувство глубокого к ней уважения. Привязанность этих ученых друг к другу находит отражение в их воспоминаниях, письмах, а также в ряде работ мемуарного характера. Вместе с тем в литературе нередко дается противоречивая характеристика взаимоотношений ученых. Из всех авторов, писавших об этом, особого внимания заслуживает высказывание племянника М. М. Ковалевского Е. П. Ковалевского, относящееся к 1916 г.: «Пребывание в Стокгольме закрепило и углубило его отношения к С. В., в начале только дружеские, а позднее чуть не приведшие к браку. Этот союз не состоялся, и вряд ли он даже мог быть особенно счастлив: слишком самобытны и крупны были обе личности. Однако теплота отношений М. М. к этой замечательной женщине сохранилась и пережила ее на 25 лет... Письма ее к М. М., многочисленные и интересные, были им сохранены до конца жизни и переданы мне как душеприказчику» [141, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 119, л. 39].

М. М. Ковалевский с большой тщательностью готовил курс лекций для чтения в Стокгольмском университете. В письме к В. Ф. Миллеру от 3 января 1888 г. он писал: «Все это время был занят подготовкой курса, написал двадцать лекций,

еще остается половина, а в конце января надо быть в Стокгольме. Работаешь поэтому долго за полночь» [141, ф. 323, ед. хр. 221, л. 5]. Из этого курса, прочитанного на французском и немецком языках, двадцать лекций были посвящены истории семьи и собственности, три — матриархату, остальные — истории русского права. В своих лекциях по матриархату М. М. Ковалевский подверг «резкой критике патриархальную теорию и с большой силой сосредоточился на доказательстве существования матриархата в прошлом у индоевропейских и семитических народов» [113, с. 234]. Стокгольмские лекции М. М. Ковалевского вызвали огромный интерес слушателей. «Тебе будет приятно,— писал М. М. Ковалевский В. Ф. Миллеру,— что вместо ожидаемых свистков я удостоился настоящей овации... аплодисменты, шумные и продолжительные, отзывы в газетах». В Стокгольме он получил приглашение Оксфордского университета, выехал в Оксфорд и прочитал там курс лекций по истории русского права.

В последующие периоды М. М. Ковалевскому не раз приходилось читать курс лекций в различных университетах Европы и Америки. В одном из писем к В. Ф. Миллеру он писал из Франции, что «подготовил лекции по-английски» и теперь «уезжает читать их в Оксфорд» [141, ф. 323, ед. хр. 221, л. 3, 27]. Прочитанные лекции были опубликованы тогда же на английском языке под названием «Современный обычай и древний закон в России». В Оксфордском университете, так же как в Парижском и Брюссельском, он читал лекции и по другим проблемам этнографии народов России и Кавказа, например о проникновении элементов иранской духовной культуры на Кавказ. Популярность М. М. Ковалевского как крупнейшего ученого и талантливого преподавателя была очень велика. Несколько раз его приглашали в Чикагский университет [137, ф. 103, ед. хр. 311, л. 5—7].

Таким образом, как отмечает А. Ф. Конн, «там — в Англии, Франции, Швейцарии и даже Америке — для русского ученого нашлись и кафедры, и успехи, и заслуженное уважение» [69, с. 26].

В 1889 г. М. М. Ковалевский окончательно поселился во Франции, на берегу Средиземного моря, в Бельвю, на приобретенной им вилле, где он целиком отдался научной деятельности. По нашему мнению, четкую оценку мировоззрения М. М. Ковалевского и мотивов его отъезда за границу дал П. Д. Боборыкин: «...может быть, иной считал его (М. М. Ковалевского.— Б. К.) также изгнанником или настоящим эмигрантом. Но это неверно. Он не переставал быть легальным русским обывателем, который по доброй воле (после удаления из состава профессоров Московского университета) предпочел жить за границей, в прекрасном климате, и работать там на полной свободе. Для него как для ученого, автора ря-

да больших научных трудов, это было в высшей степени благоприятно. Но никогда за границей он не отдавался никакой пропаганде революционера или вообще политического агитатора: это стояло бы в слишком резком противоречии со всем складом его личности» [53, с. 342—343].

М. М. Ковалевский сам признавал, что после вынужденного ухода из университета «он попал в условия, несравненно более благоприятные для бесстрастной научной деятельности» [34, с. 78]. В Бельвю, в окрестностях Ниццы, он проводил обыкновенно зимние месяцы, обрабатывая собранные им в прежние годы материалы, летом же он объезжал архивы и библиотеки Италии, Испании, Франции и т. д., пополняя свои материалы новыми находками.

Значительные материальные средства, которыми располагал М. М. Ковалевский, а также вынужденный досуг позволяли ему подолгу работать в архивах, в том числе в таких знаменитых книгохранилищах, как Национальная библиотека в Париже или Британский музей в Лондоне. Он вновь и вновь возвращается в архивы, уже ранее обследованные им, выявляя в них все новые документы, причем собирает материалы не по одной определенной теме, а по самым различным. Одновременно со сбором архивного материала М. М. Ковалевский приобретал очень много книг для своей библиотеки [63—65]. Все это помогло М. М. Ковалевскому создать огромное число научных трудов по различным проблемам истории европейских народов, их этнографии и социологии.

Живя за рубежом, М. М. Ковалевский вел большую научно-просветительскую деятельность в различных аспектах. В письме к А. Н. Веселовскому от 1 сентября 1903 г. М. М. Ковалевский писал: «И за границей я продолжаю жить русскими интересами» [141, ф. 323, ед. хр. 221]. Немаловажное значение имела пропаганда отечественной науки, которую он проводил не только чтением лекций, но и изданием трудов русских ученых на европейских языках. В письме, адресованном В. Ф. Миллеру, он сообщает, что у него возник план издания всеобщей истории в двенадцати томах вместе с другими русскими учеными. Этот план «встретил сочувствие в Петербурге». Для осуществления его требовалось участие В. Ф. Миллера, как одного из лучших знатоков истории древнего Востока [139, ф. 451, ед. хр. 229, л. 103].

Много времени М. М. Ковалевский уделял и налаживанию контактов между зарубежными и русскими учеными, ознакомлению иностранных ученых с достижениями русской науки, с жизнью народов России. В письме к тому же В. Ф. Миллеру от 1 января 1890 г. он писал: «Профессор Морфилг, имя которого тебе, конечно, хорошо известно, едет в Москву... Он желает познакомиться с тобой и через тебя с русскими славистами и историками. Пожалуйста, снабди его всеми нужными

рекомендациями и дай ему возможность убедиться, что русское гостеприимство не уступает английскому» В другом письме к тому же ученому от 4 августа 1892 г. М. М. Ковалевский просил напечатать в «Этнографическом обозрении» статью этнографа Ф. К. Волкова «О болгарских свадебных обрядах» и прислать ему программу для сбора материала по обычному праву. О стремлении М. М. Ковалевского познакомить русских читателей с бытом других народов свидетельствует его письмо от 11 июня 1902 г. к книгоиздателю Л. Ф. Пантелееву, в котором он обращается с просьбой опубликовать книгу профессора Брюссельского университета «О быте австралийцев»¹. «Книга будет снабжена моим предисловием,— пишет М. М. Ковалевский,— и могла бы войти в состав библиотеки по общественным знаниям». В ней, по словам автора письма, приводятся основные выводы Л. Моргана, которые являются «в высшей степени желательными... для распространения в русском обществе здоровых этнографических представлений» [141, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 221, л. 11; ф. 1691, ед. хр. 269, л. 1].

Знакомство с видными иностранными учеными и политическими деятелями, доброжелательность позволили М. М. Ковалевскому еще больше расширить контакты между деятелями науки и культуры России и Запада. В какую бы страну он ни приезжал, он везде находил радушный прием и верных друзей. В письме к А. Н. Веселовскому М. М. Ковалевский писал: «В Барселоне я сблизился с одним филологом, который так пришелся мне по вкусу, что я пожертвовал ему целых десять вечеров в надежде обучить его читать по-русски, и поэтому сделайте мне одолжение, вышлите русскую грамматику на французском или немецком языке, словарь русско-французский, французско-немецкий». В этом же письме М. М. Ковалевский сообщает о других встречах с испанцами: «В Барселоне я со многими лицами сошелся совершенно дружески. Особенно грустно мне было расставаться с директором здешнего архива, симпатичнейшим и почтеннейшим стариком, который полюбил меня почти отеческой любовью. Еще сегодня пишет мне, что с моим отъездом он как-то осиротел и что ему тем тяжелее мой отъезд, что возраст едва ли позволит ему увидеться со мной снова. На обратном пути непременно заеду снова в Барселону, хотя бы для того, чтобы обнять старика» [141, ф. 8, ед. хр. 119, л. 61—62].

Большой заслугой М. М. Ковалевского было открытие им в 1901 г. в Париже Русской высшей школы общественных наук, сыгравшей важную роль не только в пропаганде достижений русской науки, но и в установлении более широких контактов между русскими и иностранными учеными. Особенно необходима была эта школа для обучения русской эмигрант-

¹ В письме фамилия автора не указана.

ской молодежи: «Множество русских молодых людей,— пишет К. Арсеньев,— не могло найти место в русских университетах или прямо выбрасывалось за пределы государства. Сам читая целый ряд курсов, М. М. умел привлекать лекторов, солидарных с ним во взглядах на высшее образование» [51, с. 8].

Остановимся на истории основания рассматриваемой школы, пока еще совершенно не освещенной в литературе. Созданию этой школы предшествовала в 1900 г. деятельность так называемой русской группы при Международной школе-выставке в Париже, куда входили такие же группы от Франции, Англии, Америки и Германии. Школа-выставка была открыта по инициативе министерства народного просвещения Франции. Русскую группу, объединявшую большое число русских ученых, в том числе из разных университетов России, приехавших сюда на время, возглавлял знаменитый русский натуралист И. И. Мечников, работавший в это время во Франции. Главной задачей школы было ознакомление посетителей выставки не только с природными богатствами представленных на ней стран, но и с историей народов, их занятиями, бытом и культурой. Поэтому в состав русской группы, например, входили представители самых различных отраслей науки — юристы, экономисты, историки, ботаники, этнографы, археологи и т. д. Ими читались лекции по многим вопросам, в том числе по этнографии отдельных народов и регионов России. Русскими учеными была прочитана 51 лекция. Причем некоторые из них, по словам М. М. Ковалевского, «сопровождались объяснениями отделов выставки, в других лектор иллюстрировал читаемое графическими изображениями и волшебным фонарем».

М. М. Ковалевский указывает на решение о продолжении деятельности групп школы и после закрытия выставки [37, с. 295, 300]. Во всяком случае, мы полагаем, что Русская высшая школа общественных наук была создана на базе русской группы Международной школы-выставки, ибо для ее создания опять-таки по инициативе М. М. Ковалевского были уже реальные предпосылки.

В источниках отмечается, что все организационные вопросы, связанные с открытием Русской высшей школы, решались комитетом из видных русских ученых, заброшенных судьбой во Францию. Наконец в ноябре 1901 г. школа эта была открыта, и директором ее стал М. М. Ковалевский. Секретарем ее был назначен уже известный нам Ю. С. Гамбаров. Последний в письме в ноябре 1901 г. к редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву обращался, между прочим, с такими просьбами: «Во-первых, школа ищет огласки и хочет быть пропечатанной в „Русской мысли“, а также в „Русских ведомостях“ и в „Курьере“; во-вторых, школа просит Гольцева устроить чтение курса лекций, а также регулярно информировать читателей его журнала о делах этой школы» [140, ф. В. А. Гольцева,

д. 23, л. 15]. Главная задача Русской высшей школы состояла в том, чтобы познакомить русскую молодежь, заброшенную судьбой из России в Париж, с различными общественными науками. «Каждому станет ясно,— писал М. М. Ковалевский,— что профессора русской школы не могли ставить себе иной задачи, кроме ознакомления с методами отдельных наук об обществе и иллюстрации этих методов на частных вопросах, избранных ими темой для своих курсов. Эти вопросы, впрочем, никогда не носили характера чрезмерной специальности». По мнению автора, преподавателям надо исходить из недостаточного уровня знаний слушателей, прибывших в своем большинстве издалека, «с берегов Волги и Камы столько же, сколько с берегов Терека¹ и даже Енисея». М. М. Ковалевский сетует и на плохое знание ими иностранных языков, что причиняло руководству школы лишние хлопоты и заботы. «...Молодежь, прибывающая к нам,— пишет он,— благодаря скверной постановке в русских классических гимназиях и реальных школах преподавания новых языков решительно не способна следить за курсами, читанными иностранцами. Нам пришлось ввести в нашей школе добавочное преподавание французского, английского и немецкого языков» [36, с. III—V].

Большие усилия М. М. Ковалевский прилагал и для привлечения к преподаванию в школе высококвалифицированного преподавательского состава. В этой школе читали лекции выдающиеся политические деятели и ученые. В. И. Ленин читал в ней лекции весной 1902 г. К чтению лекций был привлечен Г. В. Плеханов. Об участии К. А. Тимирязева в чтении лекций в Русской школе общественных наук мы узнаем из его воспоминаний. «В апреле 1903 г.,— пишет он,— я был приглашен прочесть курс лекций Лондонским королевским обществом... Он (Ковалевский.— Б. К.) прочел в газетах о моей лекции и пригласил меня повторить в его школе. Через несколько дней мы были в Париже; нашел я М. М. в крайне скромном отеле... напминавшем студенческое убежище... Это была, по-видимому, обычная квартира, которую он занимал, приезжая в Париж по делам школы... Сначала я отказывался, указывая на специальный предмет моей речи, но он и слышать не хотел об отказе и сказал, что уже объявил о моей лекции и вслед за ней назначил свою, но не курсовую, а также отдельную лекцию. Это, конечно, была только деликатная форма обеспечить мне полную аудиторию. Пришлось уступить — и зато я был награжден, попав на лучшую из его лекций, какую только привелось мне слышать. Это была, собственно, даже не лекция, а горячая, блестящая парламентская или, скорее, митинговая речь на злободневную тему» [94, с. 222].

¹ Как любезно сообщил нам В. И. Абаев, одним из слушателей этой школы в 1902 г. был известный осетинский просветитель Цоцко Амбалов.

Наряду с приглашенными в школе были постоянные лекторы. Ф. К. Волков, например, читал лекции на тему «Антропологические особенности славянского населения в Европейской России»; сам М. М. Ковалевский — на тему «История русских государственных учреждений», «Современное учение о государстве»; Ю. С. Гамбаров — «Имущественное право»; В. М. Тамашев — «Магомет и ислам», «Знакомство и сношения России с Грузией и армянами до Петра» и т. д. Читались лекции по самым различным вопросам истории, экономики, литературы России, значительное место в учебной программе школы занимали этнография и фольклор, в том числе специальный курс В. М. Тамашева по этнографии народов Кавказа. Особенно разнообразными по тематике были лекции самого М. М. Ковалевского по истории конституционных учреждений европейских стран и Америки [140, ф. В. А. Гольцева, д. 23, л. 17]. Довольно ярко характеризует Русскую высшую школу А. Чеботарева, обучавшаяся в ней в числе многих других русских эмигрантов. Она отмечает: «Каждый из профессоров (имеется в виду русских.— Б. К.), заглядывающий в Париж, считает своим долгом прочесть нам хоть несколько лекций... Мы довольны, мы счастливы... У Ковалевского я защищаю работу на получение диплома по истории русской общины... защита превращается в форменный диспут» [97, № 15164].

Таким образом, Русская высшая школа общественных наук в Париже содействовала получению образования русской молодежью, оказавшейся за границей, и внесла значительный вклад в знакомство европейцев с бытом и культурой народов России. Школа эта прекратила существование в 1905 г., после возвращения М. М. Ковалевского в Россию.

Подводя итог зарубежному этапу научной деятельности М. М. Ковалевского, нужно отметить, что, несмотря на близкое общение с К. Марксом и Ф. Энгельсом и сильное влияние их на формирование его научного мировоззрения, М. М. Ковалевский не воспринял идей марксизма и оставался выразителем интересов либеральной буржуазии, противником революционной борьбы и сторонником реформ, за что его неоднократно критиковал В. И. Ленин [10, с. 360; 11, с. 157; 12, с. 245]. Как ученый, М. М. Ковалевский стоял на буржуазно-позитивистских позициях [126, с. 357].

Возвратившись в Россию, М. М. Ковалевский активно включился в политическую и научную жизнь. В 1906 г. он был избран в 1-ю Государственную думу, а в 1907 г. стал членом Государственного совета от академической курии, выполняя эту обязанность почти до конца жизни. Он принимал участие в основании конституционно-монархической партии демократических реформ и ее органа — газеты «Страна», которая вскоре была закрыта. Однако это не помешало М. М. Ковалевскому взять на себя издание «Вестника Европы» (с 1909 г.), где он

поместил немало содержательных очерков и статей. Последние годы жизни в России М. М. Ковалевский отдавал много сил и времени научной и общественной деятельности: вел большую научно-просветительную работу, председательствовал в Вольном экономическом и Юридическом обществах, руководил кружками имени Льва Толстого и имени Герцена, заведовал кафедрами в высших учебных заведениях, участвовал в публичных чтениях на политические, философские и литературные темы. «Можно без преувеличения сказать,— писал А. Ф. Кони,— что весь день и, вероятно, часть ночи были у него заняты трудовым образом, и нельзя не удивляться, когда он находил возможность еще следить за текущей печатью и научными новостями, редактируя в то же время и издавая вновь свои многочисленные труды» [69, с. 25].

Благодаря огромному вкладу в различные области знаний М. М. Ковалевский завоевал огромную популярность в научном мире и пользовался заслуженным авторитетом. Он был избран членом-корреспондентом французской Академии нравственных и политических наук, членом Академии законодательства в Тулузе, сначала членом-корреспондентом, а затем действительным членом русской Академии наук (1914) [137, ф. 103, ед. хр. 311, л. 18].

Вся жизнь этого выдающегося ученого была отдана науке. Научные интересы Ковалевского не замыкались в какой-либо одной области, а отличались, как уже говорилось, многогранностью. М. М. Ковалевским оставлено колоссальное научное наследие — более пятисот печатных трудов, в основном монографических. Среди них такие многотомные исследования, как «Происхождение современной демократии» (пять томов), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (семь томов) на немецком языке, «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (три тома), посвященные социальной истории западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции и Италии. М. М. Ковалевский первым в русской науке начал заниматься изучением средневековой истории Англии. Он одним из первых исследовал общественный строй горцев Кавказа, дал свое толкование горскому феодализму, вызвав тем самым интерес ученых-кавказоведов к этой проблеме.

Для пропаганды русской науки за рубежом немаловажное значение имело издание произведений М. М. Ковалевского на европейских языках, главным образом на французском, немецком и английском, в том числе упомянутых многотомных, а также ряда других работ, касающихся непосредственно России и ее народов. Так, в 1891 г. на французском языке был опубликован один из фундаментальных трудов М. М. Ковалевского — «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». На евро-

пейских языках был издан и курс лекций, прочитанный М. М. Ковалевским в Стокгольме, «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1890) — сначала на французском, а затем на русском (1895) и испанском (1913). Лекции, читанные им в Оксфорде, были опубликованы на английском языке под названием «Современный обычай и древний закон в России».

М. М. Ковалевский был одним из основателей русской социологической школы. Однако основные его социологические произведения («Этнография и социология» [46] и «Социология» [47]) были изданы только после возвращения в Россию. В издании братьев Гранат «История нашего времени» отдельным выпуском вышла его работа «Социология в XIX в.», а в «Итогах науки» (издание «Мир») — два выпуска под названием «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии». Такая огромная научная продуктивность М. М. Ковалевского объясняется не только его глубокой эрудицией, колоссальной работоспособностью и материальной независимостью, но и совершенной методологией его работы.

Применение им историко-сравнительного метода позволило ему при тогдашнем состоянии этнографической науки решать многие важные проблемы. Этот же метод применялся М. М. Ковалевским и в его кавказоведческих работах, особенно в труде «Современный обычай и древний закон». Работа эта может служить образцом историко-сравнительного метода исследования. М. М. Ковалевский обладал удивительным умением быстро находить и подбирать нужные архивные и полевые этнографические материалы и незамедлительно готовить их к публикации. Отличительная черта трудов М. М. Ковалевского — обилие в них первоисточников.

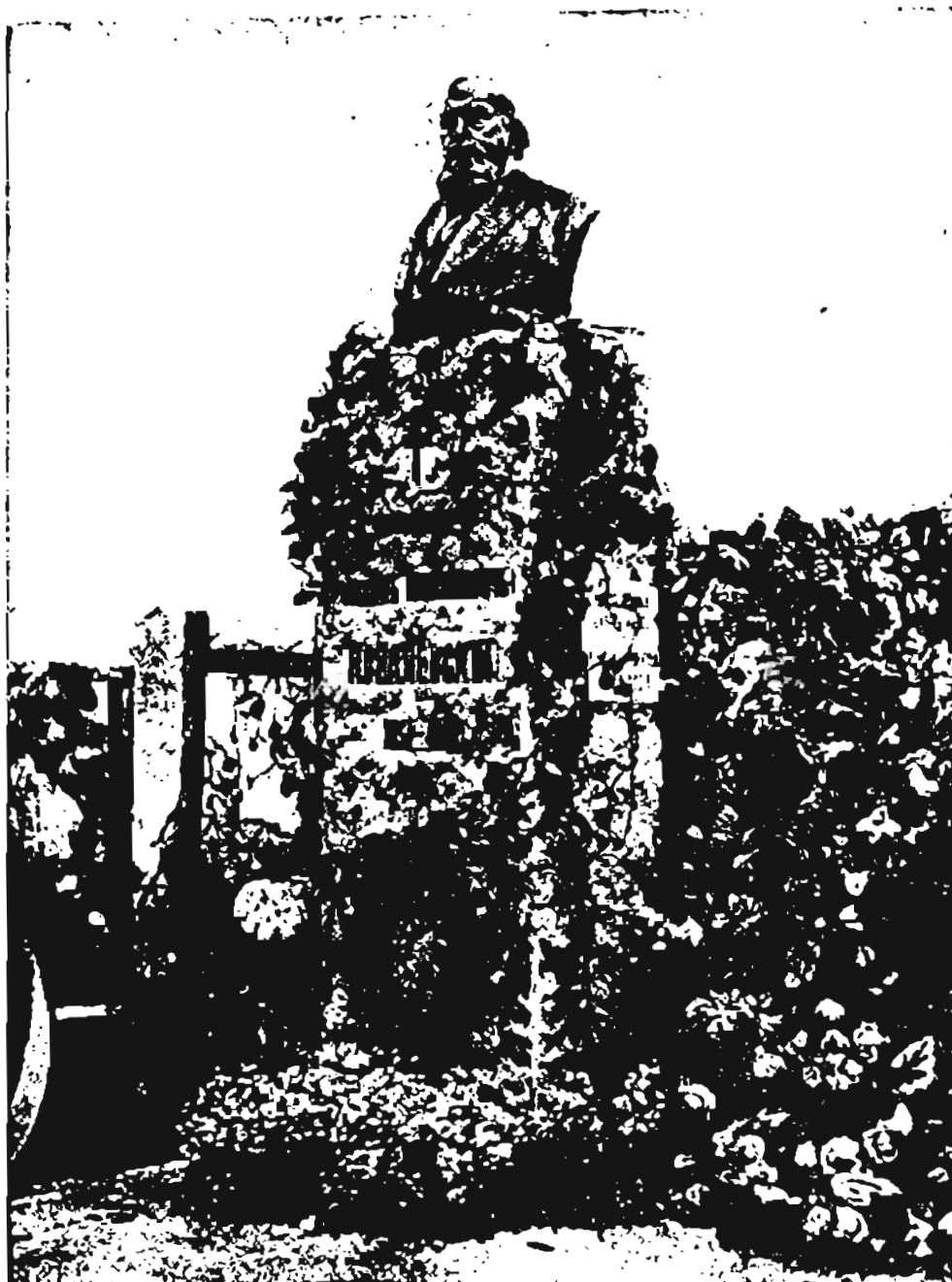
Повседневный упорный труд, безукоснительное соблюдение распорядка рабочего дня были неотъемлемыми чертами М. М. Ковалевского как ученого. Один из близких родственников ученого писал по этому поводу: «Все утро до раннего обеда уходило на занятия наукой. После отдыха работа продолжалась до ужина. Работая в кабинете, он имел обыкновенные иногда громко разговаривать сам с собой. На всякий случай просил домашних не беспокоиться и не принимать его за сумасшедшего» [95, с. 64].

Отличаясь колоссальным трудолюбием, не считая зазорной никакую черновую работу, М. М. Ковалевский служил ярким примером для своих учеников. Своей работоспособностью он приводил в восхищение многих ученых. К. А. Тимирязев, например, отмечал, что Ковалевский не уклонялся «от самого тяжелого, усидчивого, казалось бы, скучного специального труда, а представлял собой редкое явление в рядах научных деятелей всего мира» [94, с. 221]. Так же упорно трудился М. М. Ковалевский и во время полевых исследований в горах

Кавказа, где, несмотря на тяжелые условия работы, вызванные бездорожьем, дождями, отсутствием нормальных бытовых условий, он записывал у местных жителей очень много материала, касающегося разных сторон жизни горцев. Сидя в архивах месяцами, Ковалевский переписывал от руки такое количество документов, что потом ему приходилось перевозить их целыми чемоданами. В одном из писем В. Ф. Миллеру он писал: «Вожу теперь целый чемодан записок. Работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому» [141, ф. 323, ед. хр. 221, л. 21].

М. М. Ковалевскому были присущи прекрасные душевные качества — простота, общительность, желание прийти на помощь советами и деньгами. Еще в Московском университете он помогал многим нуждающимся студентам, а также издавал на свои деньги книги П. Л. Лаврова и ряда других ученых. Много средств затратил М. М. Ковалевский и на Русскую высшую школу общественных наук в Париже, где он не только бесплатно вел несколько курсов лекций, но и оплачивал приглашенных профессоров. М. М. Ковалевского любили за оптимизм, остроумие и доброжелательность. Об этом очень красочно говорит Д. Н. Овсяннико-Куликовский, близко знавший его в течение многих лет. «Много было в нем,— пишет он,— здоровой жизненной силы, которая на всех его знавших действовала животворящим образом. Как-то легче, бодрее жилось в его обществе. Его появление было событием, праздником; его отъезд оставлял пустоту, и тусклее казались будни жизни. „Вот скоро приедет Максим Ковалевский!“ „Максим приехал!“ — говорили оживленно и радостно. „Уехал наш Максим“, — говорили с грустью. Максим Ковалевский очаровывал искрящейся веселостью, блеском ума и волшебством разговора. Это был настоящий мастер и виртуоз остроумной и всегда интересной беседы с меткими характеристиками, добродушным задором, саркастическими выходками под аккомпанемент доброго смеха, каким обычно смеются толстяки». «„Был здесь (в Париже) проездом Ковалевский (толстый), — читаем в одном из писем И. С. Тургенева. — Этот по-прежнему умен и зол“. Он действительно был „зол“ на язык. Его „злые“ отзывы были чрезвычайно забавны, и, казалось, тот, к кому они относятся, сам расхохотался бы веселым смехом. Максим был мастер иронии — колючей, но не обидной и только сдобривавшей беседу. В его общении, манерах, речи было что-то своеобразно общительное и заразительное. Когда он говорил, а другие слушали с улыбкой и смехом, это не производило впечатления монолога: казалось, будто все участвуют в „творчестве“ его речи» [79, с. 162].

Таким образом, в М. М. Ковалевском счастливо сочетались превосходные качества и ученого и человека, которые привлекали к нему людей и снискали ему мировую славу.

Памятник М. М. Ковалевскому на кладбище
Алекса́ндро-Невской лавры

М. М. Ковалевский умер 22 марта 1916 г. в Петрограде и был похоронен на кладбище Алекса́ндро-Невской лавры. Смерть не застала его врасплох. Он умирал в полном сознании, отдав через своего родственника Е. Ковалевского соответствующие распоряжения о наследовании имущества. Большую сумму денег М. М. Ковалевский оставил Московскому университету: часть этих средств предназначалась для выплаты премий за лучшие сочинения по сравнительной истории права и по всеобщей истории, а другая — для учреждения семи стипендий (четырех — на юридическом и трех — на историко-философском факультетах). Кроме того, М. М. Ковалевский передал Московскому университету свою петроградскую библиотеку,

состоявшую из 15 тысяч томов на исторические, политические и юридические темы. Большие денежные средства он оставил и Харьковскому университету для учреждения семи стипендий. Свою обширную библиотеку, собранную в течение многих лет и находящуюся во Франции, в Бельвю, он завещал Российской Академии наук. Смерть М. М. Ковалевского была встречена в кругах научной общественности в России и за рубежом как большая утрата и отзывалась глубокой скорбью в сердцах его многочисленных друзей, знакомых, учеников и почитателей. В различных газетах и журналах появились некрологи, написанные видными учеными и общественными деятелями, был издан ряд специальных брошюр и сборников, посвященных памяти ученого.

«Смерть Максима Максимовича Ковалевского,— писал И. И. Мечников,— является тяжелой утратой для всей науки. Немного ученых, которые обладали бы такой, как он, полнотой знаний в области наук политических и моральных. Мы оплакиваем не столько политического деятеля, сколько ученого. Я теряю в покойном старинного испытанного друга, к которому питал самую горячую привязанность. Я любил его возвышенный характер, ценил его неутомимую деятельность и легкую успешность в работе» [65, с. 15].

Глава II

ПОЕЗДКИ ПО КАВКАЗУ

Кавказ занимал особое место в научном творчестве М. М. Ковалевского. Собранные им материалы явились ценнейшим источником для ряда важных теоретических работ. Данные, особенно касающиеся семейной общины или большой нераздельной патриархальной семьи, получили, как известно, высокую оценку в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [8, с. 60, 61, 63 и сл.]. Изучая обычное право осетин, балкарцев, сванов, хевсур, народов Дагестана и других, М. М. Ковалевский в то же время исследовал и ряд других вопросов, относящихся к их хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, религиозным воззрениям и т. д. Известно также, что наряду с собиранием этнографического и архивного материала ученый производил археологические раскопки, изучал памятники материальной культуры. Делалось это не только с целью выяснения этногенеза того или иного народа, но прежде всего для определения древности юридических институтов горцев. Из всех кавказских народов наибольшее внимание М. М. Ковалевский уделил осетинам, посвятив им двухтомную монографию [20].

Начнем с рассмотрения экспедиционных поездок ученого по различным районам нагорного Кавказа. Эти поездки, как и некоторые другие вехи научной биографии М. М. Ковалевского, почти не исследованы. Для освещения поездок мы привлекаем весь имеющийся у нас материал, и прежде всего отдельные указания, содержащиеся в его опубликованных работах, а также в полевых записях, хранящихся в Архиве Академии наук СССР, и письмах, адресованных разным лицам. Полевые записи М. М. Ковалевского, представляющие значительную научную ценность, написаны довольно разборчиво и читаются с большим интересом. Записи эти, многие из которых приводятся в конце книги в качестве Приложения, содержат самые разнообразные этнографические сведения, касаю-

щиеся многих сторон жизни горцев. Полевой же дневник ученый вел во многих случаях весьма небрежно. В нем часто отсутствует описание маршрута, особенно по Дагестану и некоторым горным районам Грузии; зачастую нет не только фамилий информаторов, но даже названий населенных пунктов, где проводилась работа.

Выше уже говорилось, что изучением Кавказа М. М. Ковалевский начал заниматься благодаря В. Ф. Миллеру, с которым он совершил в 1883 г. первое свое путешествие в Северную Осетию и Балкарию. Эта поездка дала Ковалевскому ценный материал для написания ряда важных работ, посвященных осетинам и балкарцам. Еще в 1881 г. после первого посещения В. Ф. Миллером, Осетии, где он присутствовал на заседании местного суда, В. Ф. Миллер указал на необходимость изучения обычного права горцев. «Я любопытствовал, — писал он, — на другое утро заглянуть в книгу судебных решений, постановляемых по обычному праву (адату). Не будучи сам юристом, могу уверить лиц, занимающихся обычным правом, что они нашли бы много любопытного материала в этих книгах, которые хранятся при каждом сельском правлении» [121, с. 74—75].

В. Ф. Миллер не только указал М. М. Ковалевскому на необходимость собирания такого материала, но и помогал практически: постоянно консультировал по многим вопросам, в частности осетиноведения, а также предоставил ему собранный им полевой материал по обычному праву осетин и других народов Северного Кавказа.

М. М. Ковалевский, изучая осетин, смог побывать лишь в некоторых населенных пунктах равнинной части Северной Осетии; исследуя другие районы, он, несомненно, пользовался миллеровским материалом и, конечно, данными письменных источников. То, что большая часть территории Осетии не была обследована Ковалевским лично, существенно сказывалось на его работах, посвященных исследованию различных сторон быта и социальной истории осетинского народа.

Приехав во Владикавказ летом 1883 г., М. М. Ковалевский сразу же отправился в сельские районы для сбора полевого материала. Такая работа проводилась им в основном в трех населенных пунктах: Алагире, Ардоне и Новохристиановском (ныне г. Дигора). В этой поездке его сопровождал известный осетинский этнограф С. В. Кокиев, автор «Записок о быте осетин» и ряда других работ, бывший учитель Владикавказской реальной гимназии [см. о нем 116, вып. III, 1962, с. 168]. Он сообщил ценные сведения по многим вопросам осетинского быта. В полевом дневнике М. М. Ковалевского сохранился раздел под названием «Осетины», записанный им от С. В. Кокиева. Об этом пишет сам М. М. Ковалевский: «Все сообщенное в тексте о родстве и свойстве — результат личных расспро-

сов, сделанных мною как в Алагире, так и во Владикавказе у стариков, местных священников и учителей — родом осетин. Многими сведениями на этот счет я обязан, в частности, г. Коккиеву, родом из Дигории». Работая в сел. Новохристиановском, М. М. Ковалевский наряду с полевыми материалами широко использовал данные архива сельского управления, в частности по вопросам имущественного права. «Оба проведенные решения, — говорит он, — списаны мною с книги, в которой имелись жалобы жителей и решения христиановского сельского суда» [20, т. 1, с. 311, 336].

Не менее интересный материал собран М. М. Ковалевским в Алагире. Текст, записанный им здесь, обозначен в его полевом дневнике под названием «Алагир — аул Салугардан». Он содержит много интересных сведений и по туалеской этнической группе осетин, сообщенных М. М. Ковалевскому, в частности, Битаром Сикоевым родом из сел. Зарамаг¹. Основным же информатором и помощником М. М. Ковалевского в Алагире был священник А. Г. Гатуев, известный своими этнографическими работами по осетинам. От него М. М. Ковалевский записал обширный и разнообразный материал, особенно по народным религиозным верованиям осетин, а также по свадебным обрядам. Немало людей, хорошо знавших быт своего народа, М. М. Ковалевский нашел и в Ардоне — одном из крупных культурных центров дореволюционной Осетии. Всестороннюю информацию по различным вопросам осетинского быта и культуры дали Ковалевскому братья Шанаевы (Гацыр и Гуцыр), проживавшие во Владикавказе, известные уже в то время своими публикациями. По словам самого ученого, наряду с устной информацией он пользовался и рукописью Гацыра Шанаева [20, т. 1, с. 50, 229]. Находясь во Владикавказе, М. М. Ковалевский не упустил возможности поработать в архиве канцелярии начальника Терской области, где им был обнаружен ряд важных документов по обычному праву осетин. Так в Осетии закончилась первая часть экспедиции М. М. Ковалевского.

Вторая ее часть проходила уже на территории современной Кабардино-Балкарии; в июне М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер переехали из Владикавказа в Нальчик. Поездка эта оказалась утомительной и тяжелой, поскольку ехать приходилось в основном по труднодоступным горным районам Балкарии. Целью поездки был не только сбор данных по обычному праву балкарцев, но и прежде всего выявление следов осетинского быта на исторической территории алан — предков осетин. Этому вопросу было уделено в работе ученых большое внимание. Спутником М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера в поездке по Балкарии оказался известный собиратель

¹ Находится в верховьях р. Ардон в Туалетии.

балкарских нартских сказаний Сафар-Али Урусбиев, «занимавшийся также составлением грамматики родного языка и применивший русскую азбуку к выражению его звуков» [130]. В то же время Сафар-Али был одним из представителей богатого и знатного рода Урусбиевых, широко известных по всей Балкарии. «Имея по всем аулам родственников, аталыков или кунаков, Сафар-Али,— писали М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер,— мог открыть нам самый широкий доступ к горскому гостеприимству и поместить нас в наиболее богатые кунацкие». Однако не только это входило в обязанности Сафара-Али как проводника и переводчика, а главным образом оказание помощи ученым в их работе по сбору материала.

Проехав из Владикавказа до ст. Котляревской поездом, а оттуда до тогдашней слободы Нальчика на тройке, М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер остановились здесь в доме дяди Сафара-Али — Хамзата, члена горского суда, начитанного, образованного человека. О нем они писали: «Хамзат — представитель нового типа среди горцев, типа реформатора. Проведя несколько лет в военной службе, он уехал за границу и в Швейцарии изучил правильное сыроварение. Запасшись этими сведениями и швейцарцем, он устроил на Баксане сыроваренный завод». В Нальчике М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер ожидали приезда отца Сафара-Али — Измаила Урусбиева, «чтобы расспросить его о горцах, которых он знал вдоль и поперек, как наиболее уважаемое лицо во всех этих обществах» [15, с. 540, 542, 543] (т. е. в пяти балкарских обществах). Они занялись изучением горских евреев, живших обширной колонией недалеко от Нальчика. Но все мужчины в это время находились на базаре в Нальчике, и единственным информатором у них оказался местный раввин, от которого они записали некоторые сведения. Важным объектом изучения явился и нальчикский горский словесный суд. «Прежде чем расстаться с Нальчиком,— писали ученые,— отметим, что для юридического быта окружающего местного населения эта слобода (т. е. Нальчик.— Б. К.) имеет особое значение, как местопребывание горского словесного суда. Немалый процент шатающихся по улицам и площади горцев является сюда по тяжёбным делам и проживает здесь по неделям». Попутно отметим, что в ряде своих работ М. М. Ковалевский подробно характеризует горский словесный суд, давший ему ценный материал для изучения многих вопросов, касающихся обычного права горцев [15, с. 543, 544, 547].

Наняв лошадей, М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер выехали верхом в сопровождении проводника из Нальчика в направлении Хуламского общества Балкарии. Начался самый тяжёлый маршрут экспедиции по высокогорным балкарским ущельям. «Мы двигались,— писали они,— крайне медленно: по крутым спускам лошади скользили и приходилось идти пеш-

ком... Вследствие этих трудностей мы потеряли надежду за-светло приехать в Хулам и, спустившись к берегам прелестной речки Карасу, впадающей в Терек, решились ночевать под открытым небом... Нашему непривыкшему слуху вечный шум горной речки представлялся как бы шумом проливного дождя, и, просыпаясь по временам ночью, мы выглядывали из шалаша, со страхом ожидая ливня. Мы проснулись на заре и не нашли нашего проводника. Часа через полтора он явился с приятной ношей — пятью только что пойманными им форелями. Конечно, мы приступили немедленно к изготовлению завтрака и можем смело сказать, что нашему пиру на берегах Карасу позабывали бы европейские гастрономы». Прибыв в сел. Хулам, они остановились в доме старшины таубия Джарахмата Шакманова. В течение нескольких дней ученые познакомились с бытом балкарцев, особенностями их общественного и семейного строя, религиозными верованиями, основными занятиями и т. д. При этом у балкарцев они находили много сходных черт с осетинами: в обычном праве, в домусульманских религиозных верованиях, в архитектуре, в типе боевых и оборонительных сооружений, обычаях, нравах и т. д. «Башни по кладке камней и по типической четырехугольной форме,— писали они,— напоминают совершенно башни, виденные нами в горной Осетии. Вероятно, строителями их были предки нынешних осетин. По крайней мере целый ряд топографических названий и местных преданий указывает на то, что татары-горцы¹ застали в этих местах осетинское поселение, исповедовавшее христианскую религию. Смешением с этим населением и объясняется осетинский тип, часто попадающийся в лицах горцев. Осетинские местные названия тянутся по всем горам Северо-Западного Кавказа от Дигории до Эльбруса» [15, с. 547—548, 550].

Продолжая путь, М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер распрощались со своим гостеприимным хозяином и уехали из Хулама в Чегем, где нашли приют в доме старшины Али-Мурзы Балкарукова, который, по их словам, являлся одним из «самых состоятельных и уважаемых, несмотря на молодость, людей в ауле. Бараны его,— отмечают они,— считаются тысячами, а по земле его мы ехали несколько часов». Пребывание ученых в Чегеме оказалось для них весьма плодотворным. Они сделали много различных записей, в том числе записали народные предания, сохранившие сведения о заселении Балкарии, зарождении в ней социальных групп, а также повествующие о многих сторонах общественного и семейного быта балкарцев, их хозяйственной деятельности, древних религиозных верованиях и т. д.

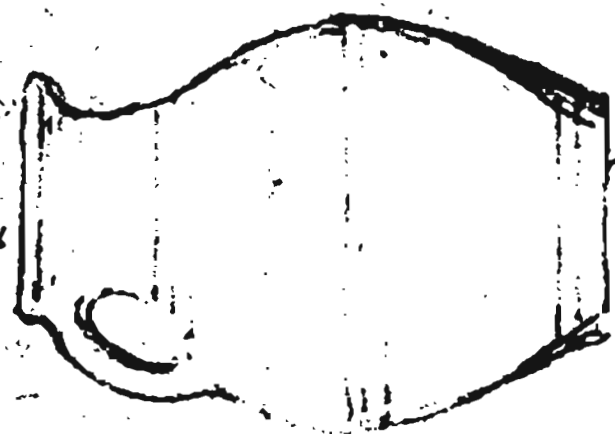
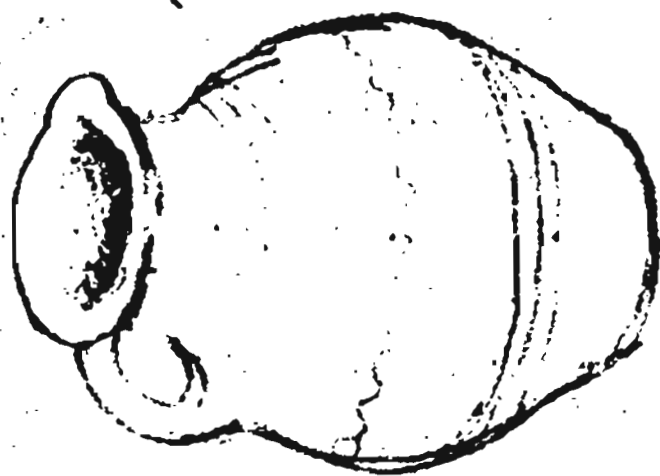
¹ Так в русской дореволюционной литературе называли представителей тюркоязычных народов Кавказа, в том числе балкарцев.

Полевые исследования проводились одновременно и для изучения этногенеза осетин. С этой целью В. Ф. Миллером была начата и археологическая работа. М. М. Ковалевский еще не имел права самостоятельно заниматься раскопками, не являясь членом Московского археологического общества, в которое был принят позднее, перед второй своей поездкой на Кавказ. В. Ф. Миллером были вскрыты несколько древних могильников и катакомб, а также обследован ряд пещерных захоронений. «Чегемцы принесли к нам,— пишут ученые,— довольно много вещей из прежних раскопок, так что мы могли составить порядочную коллекцию. Большинство вещей совершенно того же типа, как вещи из комунтских могильников в горной Осетии. Конечно, большая часть предметов украшения не местного происхождения, а получились путем торговли или набегов. Здесь вы находите в изобилии бусы из египетской пасты, египетские скарабеи, разные камни с иероглифами, бусы из золоченого стекла, опала, сердолика и т. д.» [15, с. 558, 560—561].

Экспедиционная поездка М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера завершилась в кабардинском селении Атажукина, где наряду с археологическими раскопками в предгорных районах Баксанского ущелья ими были сделаны интересные наблюдения над бытом кабардинцев. К сожалению, из-за дождливой погоды они не смогли посетить Урусбиевское общество на Баксане. Не было обследовано ими и самое интересное с точки зрения этнической истории балкарцев Черекское ущелье.

Однако этот пробел в значительной мере был через год восполнен М. М. Ковалевским, всесторонне описавшим Урусбиевское общество. Он посетил Баксанское ущелье в 1885 г., во время своей второй поездки на Кавказ, посвященной исследованию обычного права сванов. Маршрут экспедиции начался с Кисловодска, где М. М. Ковалевский проводил перед этим курс лечения. В это же время здесь находились уже известный нам И. И. Иванюков, а также директор Московской консерватории композитор С. И. Танеев¹ и писатель Г. Успенский. Все они жили в доме художника Н. А. Ярошенко, совершая поездки по окрестным горским селам. «Ездим кататься,— писал С. И. Танеев 10 июля 1885 г. своему приятелю композитору А. С. Аренскому,— причем к нам часто присоединяются и некоторые другие знакомые. Были на празднике в одном ауле, где нас угощали разными восточными кушаньями (причем баранину мы ели руками), пели и танцевали. Пение было очень однообразно и состояло каждый раз из повторения одного или двух тактов. Впрочем, это было пение не самостоятельное, а в качестве сопровождения танцам. Восточных песен я еще не слышал. После этого была скачка, жители аула хва-

¹ Ему принадлежит исследование музыкального фольклора балкарцев [см. 90].

1. Кувшин из раскопок
 2. Кувшин из раскопок
 3. Кувшин из раскопок
 4. Кувшин из раскопок

Зарисовки кувшинов (из археологических раскопок М. М. Ковалевского и Балканина)

тали с земли положенные на нее деньги, для чего повисали ногами на седле, а телом нагибались до земли. Этот аул от Кисловодска верстах в 20».

В этом же письме С. И. Танеев упоминает и об археологических разысканиях М. М. Ковалевского. Эти сведения не менее любопытны в этнографическом отношении. «По дороге к аулу,— пишет С. И. Танеев,— Ковалевский усмотрел несколько курганов, к которым мы через день поехали, чтобы разрыть их, взяв с собой шесть человек рабочих. Таким образом, мне удалось увидеть, как археологи копают землю. Раскопал Ковалевский один курган, на что потребовалось два дня. Были найдены человеческие части на двух высотах... Первый день с нами ездили несколько дам... На второй день на кургане было пять человек: Ковалевский, Иванюков, Богословские и я... Подъезжая на второй день к раскапываемому кургану, мы увидели толпу кабардинцев, которые хотели помешать раскопкам, так как земля, на которой находился курган, принадлежит одному из них — Тамбиеву. Чтобы их успокоить, Ковалевский прочел им бумагу от Этнографического общества, в котором он состоит вице-председателем и которое командировало его производить разные исследования на Кавказе. Хотя эта бумага не имела прямого отношения к настоящему случаю, но слово „Императорское общество“ произвело свое действие, и хозяин земли сейчас же разрешил продолжать раскопки. Ковалевский сказал, что он не ищет никаких драгоценностей и что, если найдутся какие-нибудь золотые вещи, то предоставит их в его, хозяина, распоряжение (в здешних курганах не находят никогда золотых вещей), и предложил ему оставить при раскопках человека, чтобы смотрел, что будут выкапывать. Приглашал нас этот кабардинец пить чай к нему в аул, но мы не поехали, потому что нельзя было оставить рабочих без надзора, да и с нами много было разной провизии (на все наши большие прогулки берется самовар, вино, яйца, масло и т. д.). Два раза брали с собой сырой баранины, из которой на месте приготавлился шашлык» [90, с. 129].

Однако главной целью в этой поездке М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова было посещение, как они писали, «малоизвестного народца — сванетов». Проникнуть к сванам со стороны Северного Кавказа можно было двумя путями: по Военно-Грузинской дороге и через Балкарию, по Баксанской долине, к восточной стороне подошвы Эльбруса и оттуда ледниковым перевалом через знаменитую гору Донгузорун. «Заманчиво было проникнуть в неведомую страну через Донгузорун,— пишут ученые,— проехать ее всю в направлении с северо-запада к юго-востоку и Латпарским перевалом, вниз по течению Риона, спуститься в Кутаис». Этот путь обещал им много интересного: они увидели бы дикую природу и своеобразие этой части Главного Кавказского хребта. Не хватало только

одного — проводника, которого они не могли найти в Кисловодске. Им мог быть только местный балкарец из жителей урусбиевского аула, хорошо знавший перевальную дорогу. М. М. Ковалевский стал склоняться к выбору, по совету отставного полковника Аглинцева — старого кавказца, первого варианта пути — через Владикавказ — Тифлис — Кутаис.

Однако прибытие в Кисловодск известного балкарского князя Исмаила Урусбиева решило вопрос в пользу второго варианта. Исмаил Урусбиев любезно согласился помочь М. М. Ковалевскому и его спутникам перебраться через Донгузорун в Сванетию. «Кто выбьется из сил, — заметил князь, — того мы перенесем на бурках». «Могучая, как бы из железа скованная фигура Исмаила Урусбиева, — писали М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков, — внушала нам бодрость и уверенность в успехе предприятия». «Ваше путешествие начинается под счастливой звездой: лучшего путеводителя трудно найти на всем Кавказе» [18, с. 88], — заверил ученых полковник Аглинцев.

Началось снаряжение экспедиции: запасались теплым бельем, полушубками, бурками, сапогами, различными продуктами питания и напитками. В состав экспедиции входили кроме М. М. Ковалевского, И. И. Иванюкова, С. И. Танеева и их сопровождающих англичане Емс, Смит и известный тифлисский фотограф Д. И. Ермаков, которые, добравшись только до Эльбрусского глетчера Азау, должны были вернуться обратно в Кисловодск. 19 июля перед самой отправкой экспедиции С. И. Танеев писал А. С. Аренскому: «Пишу карандашом, потому что все вещи уложены и мы (я, Ковалевский и Иванюков) сейчас уезжаем в большое путешествие. В дороге будем дней 20... Едем через Кавказский хребет. Перевал сделаем близ Урусбиевского аула, недалеко от Ельбруса. Будем идти и ехать по ледникам. Перейдя хребет, попадаем в Сванетию, страну дикую. Все время верхом. Отсюда только едем 40 верст в коляске до горы Бермамут. Наше путешествие будет сделано со всевозможными удобствами... Кроме того, что всего важнее, с нами едет владелец Урусбиевского аула — Исмаил Урусбиев, который проводит нас через перевал и сдаст потом своему племяннику — князю Дадешкельяни... Едет еще фотограф Ермаков, очень известный, будет снимать виды по дороге. До перевала едут еще двое знакомых Урусбиева — англичане, из которых один женат на дальней родственнице Ковалевского. От перевала еще присоединится к нам сын Урусбиева, окончивший только что курс в реальном училище» [90, с. 129].

Итак, начался весьма тяжелый и продолжительный маршрут экспедиции, изобиловавший различными приключениями. Проезжая по намеченному маршруту к Эльбрусу, участники экспедиции были гостеприимно встречены в балкарском селении Хасаут. Здесь М. М. Ковалевский не упустил возможности

провести археологические раскопки. При помощи населения им были исследованы пещеры, находившиеся на высокой отвесной скале в 12 км от этого селения. Чтобы попасть в пещеры, потребовалась лестница, которая была тут же сделана — два длинных бруса, связанные веревкой, с поперечными перекладинами. По этой лестнице при общем восхищении окружающих полезли в пещеру несколько смельчаков-балкарцев. Пещера эта была, по мнению М. М. Ковалевского, семейной усыпальницей, «в которой захоронено несколько поколений» христиан. В Хасаутской пещере были обнаружены многочисленные предметы, которые ныне составляют фонд ученого в Историческом музее (см. с. 20 данной книги).

После завершения работы экспедиция продолжала свой путь в сопровождении Азамата — аталыка Измаила Урусбиева, родом из Карачая, выполнявшего эту миссию по поручению последнего. Сам Измаил Урусбиев вынужден был задержаться в Кисловодске. Путь экспедиции проходил по труднодоступным горным районам, приходилось преодолевать различные препятствия, в том числе опасные водные преграды. Вот как описывают М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков переправу через бурную многоводную реку Малку: «К полудню мы были на дне ущелья и остановились перед бешено скачущей через камни рекой. Азамат отыскал место для переправы. Он сел на самого сильного коня, принадлежавшего одному из наших товарищей с наибольшим весом (явный намек на самого Ковалевского.— Б. К.), и, собираясь ехать вброд, просил нас внимательно следить за тем, как он переправится. Он поставил лошадь против течения, опустил свободно поводья и все время переправы сильно хлестал ее плетью. Лошадь то выходила совершенно из воды, становясь на большие камни, то опускалась в воду по самое седло. Переправившись, Азамат положил на берегу камень и сказал нам, чтобы при переправе не смотреть вниз, иначе закружится голова, и пробираться в направлении положенного им камня. Поодиночке переезжали мы бурную реку при неистовых криках Азамата: „Держи вправо, вправо, бей лошадь, не смотри в воду, не тяни лошадь, пускай ее, пускай“. Стоящие на берегу испытывали некоторую ажиотацию, и не без основания. М-р Емс, не сумев удержать указанное направление, едва не погиб. Это была первая переправа через большую горную реку». Две ночи участники экспедиции провели под открытым небом в наспех сделанном шатре около приютившегося на горе пастушеского коша. «Ночь провели беспокойно. Сон прерывался прыгавшими на шатер и на нас овцами,— писали они,— сырой холод с земли, проходивший сквозь бурку, заставлял выходить из шатра и греться у пылавшего всю ночь костра. Пастухи и погонщики спали так близко от огня, что мы боялись, как бы они не сгорели» [18, с. 89, 90].

Наконец экспедиция достигла сел. Урусбиева, расположенного на восточной вершине Эльбруса, на высоте 5200 футов. Гостей принял брат Измаила Урусбиева, Магомет, а через два часа прибыл и сам хозяин дома; М. М. Ковалевский и спутники сидели уже за обильным ужином. Дожди вынудили Ковалевского и других участников поездки задержаться в доме Измаила Урусбиева на четверо суток, и это время он посвятил всестороннему изучению Урусбиевского общества. Наиболее ценные сведения они получили от самого Измаила Урусбиева — прекрасного знатока быта, обычаев и нравов своего народа. Мы уже отмечали выше, с какой теплотой говорил М. М. Ковалевский об Измаиле Урусбиеве, как высоко ценил душевные качества этого горца. Хотелось бы привести еще одно высказывание ученого об этом чудесном человеке. «Исмаилу Урусбиеву 54 года, — пишет М. М. Ковалевский, — но он смотрится гораздо моложе. Князь не помнит, был ли он когда болен. Вся жизнь его прошла на Кавказе. Ни в какой школе князь не учился, читает только по-арабски и тем не менее имеет весьма обстоятельные сведения по истории. Книги читают ему сыновья, когда приезжают в аул. Князь отлично знает народные предания и легенды, и голова его кишит гипотезами о заселении Кавказа и об его прошлых судьбах. Память князя феноменальная: однажды, беседуя с нами о русской литературе, он, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова. У горских татар нет имени более популярного, как имя Исмаила Урусбиева. „Кто может сделать лучше?“ — выражения, которые мы обыкновенно слышали от татар, когда речь заходила о князе. Он первый джигит, первый танцор, первый музыкант, первый кузнец, первый сапожник, столяр и токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары перед его находчивостью и умом. Князь любит горских татар и несколько идеализирует их. В отношении его к народу — необычайная простота. Двери его дома всегда настежь открыты, и в день перебивает в нем несколько десятков человек для совета с князем по самым пустым житейским делам».

Благодаря Исмаилу Урусбиеву и непосредственно от него были записаны этнографические данные, характеризующие жизнь балкарцев, а также фольклорный материал, в том числе музыкальный и хореографический, который очень интересовал С. И. Танеева. Ему удалось записать от Измаила Урусбиева двадцать старинных народных песен, редко исполнявшихся и исчезавших из памяти народа. «Теперь почти не существует людей, которые могли бы петь их со словами. Мелодии этих песен князь играл на кабузе, подпевая при этом, без слов» [18, с. 94, 95]. Описывая песни, танцы и музыкальные инструменты балкарцев, С. И. Танеев выяснял не без помощи Измаила Урусбиева сходство их с песнями, танцами и музы-

кальными инструментами соседних народов, и прежде всего осетин и кабардинцев, что он объяснял не только заимствованием, но и этническим родством этих народов.

Одним словом, в результате четырехдневного труда были собраны данные о различных сторонах жизни Урусбиевского общества, описаны занятия урусбиевцев, их поселения и жилища, общественный и семейный быт, обычное право, домусульманские религиозные верования и т. д. Большое внимание было обращено М. М. Ковалевским на изучение пережитков первобытнообщинных институтов, в частности большой патриархальной семьи, кровной мести, левирата, выкупа за невесту, умыкания и т. д. Особенно подробно были изучены вопросы обычного права балкарцев. Однако М. М. Ковалевский не ограничивался и здесь сбором только одних этнографических данных. Им проводились археологические разыскания.

Закончив работу в сел. Урусбиева, М. М. Ковалевский и его спутники И. И. Иванюков и С. И. Танеев стали готовиться к самому сложному, заключительному этапу своего путешествия — переходу через Донгузорунский перевал. Они наняли несколько верховых и вьючных лошадей и мулов; сопровождать их должны были проводники во главе с Измаилом Урусбиевым, его сыном и аталыком Азаматом. Наконец наступил день отъезда. Не доходя до перевала Донгузорун, экспедиция остановилась на ночлег. Рано утром начался подъем по ледниковому перевалу, покрытому густыми туманами. «Мы вступили, — писали Иванюков и Ковалевский, — в зимнюю природу. Снег покрывал лед выше колена. Впереди шли с князем сваны и, ударяя кольцами в снег, разведывали трещины», балкарцы же «вели лошадей, пробиравшихся с большим трудом, нежели люди. Нередко сбегалось несколько человек, чтобы поставить на ноги упавшую и барахтавшуюся в снегу лошадь. Медленно ползем по ледяной горе и, как долго придется еще ползти, не видим: вершина Донгузоруна все время в облаках». Наконец перевал был преодолен. Начался не менее опасный и трудный спуск в сторону Сванетии. Проходил он под сильным проливным дождем. Выбившись из сил, продрогшие путешественники сели на лошадей, которые с большим трудом преодолевали каменные глыбы. Стемнело, и все остановились на ночлег под огромной навесной скалой. «Пещера оказалась столь низкой, — писали они, — что приходилось сидеть сгорбившись. Князь хлопотал, чтобы возможно скорее разложили костер... Все думали, как бы скорее осушиться и согреться. Вода с бурок образовала целые лужи, и, чтобы не сидеть в воде, мы руками скатывали ее со дна пещеры... Как только запылал костер, разведенный на краю пещеры, начали сушиться... Дым наполнял пещеру и разъедал глаза в такой степени, что трудно было держать их открытыми» [17, с. 576, 577]. Утром Измаил Урусбиев распрощался со своими гостями и вернулся в

Балкарию; они же отправились в сопровождении Азамата в Сванетию.

Начался новый этап путешествия, также получивший подробное отражение в очерке «В Сванетии», написанном М. М. Ковалевским в соавторстве с И. И. Иванюковым. Отряд постепенно спускался в долину реки Ингури, к сванским селам и остановился в сел. Эцери, где жили князья Дадешкелиани. Однако они оказались в отъезде. Тем не менее М. М. Ковалевский и его спутники И. И. Иванюков и С. И. Танеев при помощи управляющего записали от вызванных им десяти стариков множество различных сведений, характеризующих хозяйственную деятельность сванов, их обычаи, нравы, общественный и семейный быт, религиозные верования и т. д. Внимание было обращено и на изучение архитектурных и культовых памятников. Больше всего путешественников заинтересовали знаменитые сванские башни, отличавшиеся, как известно, от других горских башен архитектурным обликом. Башни эти очень древнего происхождения. «Народная молва,— писали путешественники,— считает возраст башни более 1000 лет. Вероятно одно, что башни существовали уже лет 300 назад» [17, с. 589].

Продолжая путь, экспедиция по приглашению бечоиских князей Дадешкелиани переехала из сел. Эцери в сел. Бечо. Здесь в средневековом замке, служившем местом обитания князей, в честь гостей был дан обед. В этом же селении М. М. Ковалевский, распрощавшись со своим верным «колонновожатым» Азаматом и другими сопровождавшими экспедицию урусбиевцами, нанял новых проводников из числа сванов. Один из них, Демент, немного знавший русский язык, был назначен старшим. В сел. Мести, одном из крупных населенных пунктов сванов, С. И. Танееву удалось записать основные сванские танцы и песни, а также их мелодии. Особое внимание было обращено на запись исторических и эпических песен. «Дика музыка сванов,— писали И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский,— но голоса у них замечательны. Редкий сванет не обладает звучным баритоном или низким тенором. Приятно слушать их разговор: мужественные звуки свободно вылетают из груди беседующих. Сванеты говорят очень громко... объясняется, может быть, жилищными условиями. Сопель (селение.— Б. К.) от сопеля часто отстоит не далее полуверсты, и дети разных сопелей переговариваются между собой на таком расстоянии» [17, с. 47].

Не обошлось и без происшествий. М. М. Ковалевский был человеком высоким и полным, и ему нужна была сильная лошадь. У лошади, которая была найдена для него в сел. Бечо, оказалась стертой спина, и ее пришлось заменить. Начались поиски новой. Обратились к одному из абхазских князей, гостившему в этом селении, с просьбой продать его лошадь.

3Y

4*

Тот согласился, но потребовал 170 руб. Лошадь была куплена, но пригодилась очень ненадолго; в первом мегрельском населенном пункте Цагери ее пришлось продать [17, с. 50]. Переночевав здесь в доме уездного начальника Раздевича, М. М. Ковалевский и его спутники уехали в Кутаиси, а оттуда в Тбилиси и Москву. Так закончилась вторая поездка М. М. Ковалевского по Кавказу, продолжавшаяся около месяца.

Третья и последняя, самая продолжительная поездка М. М. Ковалевского на Кавказ была совершена в 1886 г. Однако эта поездка, в отличие от других, почти нигде не отражена. Имеются лишь некоторые свидетельства Ковалевского, отчасти в его работах, отчасти в полевых записях, хранящихся в Архиве АН СССР, из которых мы узнаем, что в этой поездке им изучались пшавы, тушины, хевсуры и закатальцы, а также народы Дагестана. Из пшавских сел М. М. Ковалевский побывал в Твагиви, Магораскари, Орцхане, Борисахи, Гули, Хохмаиме, Шатели, Омачи, Дидгварди. В сел. Магораскари им были записаны пшавские свадебные обряды и песни, а также некоторые сведения, касающиеся их обычного права (усыновление, уголовное право, имущественные отношения, судопроизводство и т. д.), и дохристианские религиозные верования. Почти те же сведения М. М. Ковалевский записал и у семидесятилетнего пшавы Урдзмука Бадрашвили из сел. Лебойскари. Значительный материал собран им в тушинских и хевсурских селах. Среди хевсурских информаторов М. М. Ковалевский упоминает священника Разикашвили из сел. Еонтио, от которого он записал немало ценных данных о быте хевсур [137, ед. хр. 311, 341, 347].

В поездке по Грузии М. М. Ковалевского сопровождал ряд лиц, в том числе известный этнограф-кавказовед Хатисов, оказавший ему большую помощь. «Во время моей третьей и последней поездки,— писал М. М. Ковалевский,— имевшей целью посещение стран пшавов и хевсур, мне посчастливилось найти в г[осподине] Хатисове, председателе суда, не менее надежного путеводителя, вполне владевшего грузинским языком» [31]. Посетив некоторые селения Нижней Кахетии, Ковалевский переехал в Закаталы, а оттуда в Дагестан, где он, судя по его отрывочным упоминаниям [27], побывал почти во всех основных районах. Обследование им этого района началось с лезгинских сел Ахты, Кураха, Касумкента и др. М. М. Ковалевский побывал, по-видимому, также в Кумухе, Хунзахе, Гунибе, а также в ряде даргинских и кумыкских сел. Наряду с записями устных преданий он собирал документальные материалы — выдержки из местных адатов, различные судебные постановления и решения [27, с. 550—551; 137, ед. хр. 343—345]. Им, в частности, широко использован сборник адатов кайтагского уцмья Рустема (нач. XVII в.), хранившийся в Дербентском музее. «Этот сборник,— писал он,— является од-

ним из интереснейших памятников кавказского права, памятником, заслуживающим не меньшего внимания, чем армянский Кодекс Мехитарегаша¹ или законы грузинских царей» [29, т. 2, с. 234].

В статье «Поклонение предкам у кавказских народов» М. М. Ковалевский подводит итог своим трем поездкам на Кавказ, отмечая, что везде, особенно в Осетии, Балкарии и Грузии, его сопровождали представители коренных народностей, хорошо владевшие русским языком. Это были иногда его ученики в Московском университете, иногда местные учителя и священники, получившие образование «в духовных семинариях в Тифлисе, Владикавказе и Кутаиси». «Расположившись в жилищах, в коих обитали семейства бывших моих учеников, или у школьных учителей и священников,—пишет М. М. Ковалевский,—я свободно производил свои наблюдения. Часто посещал я также сходки старшин, на которых разрешали наиболее важные законные дела, и при помощи разъяснений местных уроженцев собирал я данные о местных нравах и обычаях. Другим источником для меня служили в различных случаях протоколы и приговоры, которые в иных местах составлялись на русском языке, в других на грузинском или на армянском». Он еще раз с особой душевной теплотой вспоминает об Измаиле Урусбиеве, оказавшем ему «неисчислимую помощь». М. М. Ковалевский пишет, что именно благодаря ему он и его спутники глубоко изучили быт балкарцев Баксанского ущелья, смогли перейти через величайший Кавказский хребет в Сванетию и везде встречали радушное гостеприимство. С большой похвалой он отзывается и о Хатисове, сопровождавшем его по пшавским и хевсурским селам [29, т. 2].

За три поездки, совершенные М. М. Ковалевским на Кавказ, им был собран огромный материал, легший в основу его многочисленных трудов, посвященных исследованию различных сторон семейного и общественного быта, социальной истории горских народов этого края. Большой интерес представляют разработанные М. М. Ковалевским на кавказском материале общие теоретические проблемы, не утратившие своей научной значимости и до сих пор.

¹ Имеется в виду армянский судебник Мхитара Гоша.

Глава III

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРЦЕВ НАГОРНОГО КАВКАЗА

1. ЭТНОГЕНЕЗ ОСЕТИН И БАЛКАРЦЕВ

Из всех народов Кавказа, исследовавшихся М. М. Ковалевским, наибольшее внимание, как уже отмечалось выше, он уделил изучению осетин, посвятив им двухтомную монографию [20] и ряд весьма содержательных статей [14; 16; 13 и др.]. Монография в свое время была признана лучшим исследованием в юридической литературе России. Работы М. М. Ковалевского основаны главным образом на собственном полевом материале, собранном во время его поездок по нагорному Кавказу и равнинной Северной Осетии. Однако отсутствие полевых данных по ряду районов Северной и Южной Осетии сказывается при освещении вопросов, касающихся некоторых важных сторон осетинского быта.

Как видно из прилагаемых текстов записей (см. с. 157—176), М. М. Ковалевский записывал материал не только от местных стариков, знатоков быта, но и от осетинских этнографов — А. Г. Гатуева¹, С. В. Кокиева и братьев Шанаевых, давших ему немало ценных сведений. Наряду с полевым материалом Ковалевский широко использовал архивные документы и данные литературы. Во времени пребывания М. М. Ковалевского на Кавказе имелось более пятидесяти этнографических работ, посвященных осетинам. Их авторами были в основном представители местной осетинской интеллигенции. Привлекая из этих работ нужный материал для исследования, М. М. Ковалевский ввел его в научный оборот.

Неоценим вклад М. М. Ковалевского в разработку важнейших вопросов социальной истории осетинского народа — изучение обычного права и пережитков древних родовых институтов осетин, а также проблемы этногенеза этого народа. По-

¹ А. Г. Гатуев (1840—1909) — известный осетинский этнограф; после окончания Тифлисской духовной семинарии работал учителем в селах Северной Осетии, в том числе в сел. Салугардан; был также священником.

что все его работы, посвященные осетинам, написаны с учетом этой проблемы. Этногенез осетин рассматривается им при освещении обычного права, древних институтов, религиозных верований и т. д.

Во вступительной части монографии об осетинах М. М. Ковалевский рассматривает имеющиеся в литературе точки зрения о происхождении осетин, в частности, справедливо подвергает критике выдвинутую этнографом В.-Ф. Пфафом антинаучную семитскую теорию происхождения осетин. «Пфаф остановился на несчастной мысли,— пишет М. М. Ковалевский,— видеть в осетинах какое-то смешение арийского народа с семитским. Своей догадке о том, что корень осетинского народа составило колено еврейского народа — Гамер или Джимер, имя которого якобы уцелело в названии горы и аула Джимара в центре Осетии, Пфаф старался найти прочное обоснование в сопоставлении осетинских обычаев с обычаями и обрядами древнееврейскими». К числу таких обычаев Пфаф относил почитание старшего младшим, проживание сына при отце, существование института номылус¹, левиратный брак и т. д.

Одним из ярых последователей теории происхождения осетин «из готских и других германских племен» был немецкий ученый А. Гагкстгаузен, точка зрения которого была основана на сходстве некоторых осетинских слов и терминов с немецкими. «Ссылка на медленную речь осетин, на тон и каданс голоса как на нечто, устанавливающее сходство их с северными немцами,— основание настолько шаткое, что едва ли нужно останавливаться на развитии этой мысли» [20, т. 1, с. 12—15, 17],— считает М. М. Ковалевский.

В то же время весьма высокую оценку он дает исследованиям об осетинах В. Ф. Миллера, давшим прочное обоснование теории иранского происхождения этого народа. «Иранство осетин,— отмечает он,— обосновано Вс. Миллером лингвистическими данными, находит подтверждение в археологических находках и письменных источниках». При этом, говоря об осетинских склепах как об исторических памятниках, также подтверждающих «иранство» осетин, М. М. Ковалевский обратил внимание на следующий интересный факт. «В Осетии,— пишет он,— встречаются гробницы, построенные над землей, в которых трупы стоят на подставках, не касаясь самой почвы. Обычай этот, по мнению гр. Уваровой, стоит в прямой связи с тем религиозным воззрением древних иранцев, по которому труп оскверняет собой землю, иначе трудно было бы объяснить обращение к такому способу погребения» [20, т. 1, с. 16]. И далее: «По всем этим данным можно прийти к заключению, что в современных осетинах мы должны видеть не более

¹ Вторая жена феодала, принадлежавшая к низшему сословию; дети от этого брака считались незаконными (кавдасарды).

как уцелевший остаток тех многочисленных иранских поселений, какие расположены были некогда в Южной России, что предки этого народа согнаны были наплывом новых кочевников с первоначально занятых ими мест жительства и, удалившись в горы, нашли в них благоприятные условия для сохранения своей независимости».

Отметим, что, рассматривая вопрос об иранском происхождении осетин, М. М. Ковалевский допускает ту же ошибку, что и В. Ф. Миллер. Он считает предками современных осетин лишь пришлое ираноязычное население, не учитывая, что последнее обосновалось не на пустом месте, а на землях, уже занятых местными кавказскими племенами, с которыми пришлое население в течение времени смешалось, в результате чего и возникла осетинская народность.

Исследование этногенеза осетин осуществлялось М. М. Ковалевским по нескольким направлениям. Он изучал осетинскую топонимику на исторической территории Западной Алании, населенной ныне балкарцами и карачаевцами, записывал предания у балкарских стариков о заселении современной Балкарии, производил здесь, как и в Карачае, археологические раскопки аланских могильников, изучал обычное право балкарцев в сравнении с осетинским, а обычное право осетин — в историко-сравнительном плане с другими иранскими народами, сопоставлял обычаи, религиозные верования и т. д. При этом он считал, что «изучение осетинского быта призвано пролить яркий свет на правовые порядки той ветви арийской (индоевропейской.— Б. К.) семьи, от которой дошло до нас наименьшее число древних источников права» [20, т. 1, с. 19].

Большой интерес для этногенеза осетин представляет исследование М. М. Ковалевским и В. Ф. Миллером топонимики горной Балкарии, проведенное во время их поездки по этой стране. «Осетинские местные названия,— писали они,— тянутся по всем горам Северо-Западного Кавказа от Дигории до Эльбруса. Множество речек у горских татар содержат осетинское слово „дон“ (вода) в виде дан и дон (Карадан, Шаудан, Курондан, Гардон, Шакдон); осетинское название для ущелья „ком“ повторяется у них в виде кам (Шаукам, Кирекам); гроты в скалах называют они, как и осетины, дорбун („под камнем“). Перевалы называются „вчик“ из осетинского „авцэк“». Ученые отмечают сохранение у балкарцев, как и у осетин, искаженных имен христианских святых: Никколай, Тотур (Феодор), Элиа-ай (Илий), Башилай (Василий) и т. п.; имен осетинских богов: Биа-Ашкирги соответствует осетинскому Уаскерги (св. Георгий), Апсаты — бог охоты — осетинскому Афсати, Байрэм происходит от осетинской святыни Мады-Майрам («мать Мария»); осетинской системы счета парами: дууэ (два), чуппар (четыре), ахсаз (шесть), аст (восемь), дас (десять) [15, с. 550—551] и т. д.

Немало осетинских черт обнаружено В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским и в материальной культуре балкарцев, в их оборонительных сооружениях, в планировке жилища и во внутреннем его убранстве, в пище и напитках. Говоря о балкарских башнях, имеющих весьма близкое сходство по укладке камней и форме с осетинскими, они полагают, что строителями этих башен «были предки нынешних осетин», т. е. аланы. Наличие таких памятников, например в верховьях Кубани, еще в раннесредневековый период подтверждается археологическими раскопками в аланских поселениях [123, с. 300], а в ряде мест горной Северной Осетии сохранились остатки развалин подобных оборонительных сооружений [110, с. 145—148]. Словом, обширный сравнительный материал, собранный в балкарских ущельях В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским, позволил им сделать вполне обоснованное заключение, что предки современных балкарцев застали на своей новой родине в горах Центрального Кавказа «осетинское население, исповедовавшее христианскую религию». «Смешением с этим населением,— пишут они далее,— и объясняется осетинский тип, часто попадающийся в лицах горцев» [15, с. 550].

Заселение территории Западной Алании предками современных балкарцев находит яркое отражение и в фамильных преданиях, записанных М. М. Ковалевским в горах Балкарии. Некоторые из них, малоизвестные в литературе, мы даем в Приложении. Этот вид устного народного творчества, при всей его тенденциозности, в какой-то степени отражает реальные исторические события и вполне может при критическом подходе помочь решению рассматриваемой проблемы.

Предания позволяют установить, в частности, что первоначально предки современных балкарцев — половцы — поселились в Черекском ущелье, более доступном, чем, например, Чегемское с его чрезвычайно узким скалистым проходом. «Все предания,— писали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский,— указывают на то, что эта местность, некогда заселенная осетинами-дигорцами, раньше других приняла татарское население и что из нее уже пошло дальнейшее движение в ближайшие долины на северо-запад» [15, с. 553]. В преданиях упоминаются названия некоторых осетинских родов (Саута — «Черные», Мысаковы, осет. Масуг, и др.), сталкивавшихся с пришлыми тюркоязычными племенами. Когда в густонаселенное Черекское ущелье вторглась огромная масса половцев, значительная часть коренных жителей — алан — ушла в районы современной Осетии, в частности в Дигорское ущелье. По нашим данным, например, многие носители дигорских фамилий [110, с. 34—41] считают своими предками выходцев из Балкарии.

Судя по народным преданиям, половцы двигались с востока, из Черека, на запад, постепенно проникая в ущелья Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Они повсюду сталкивались

с местным аланским населением, большей частью подчиняя его своему влиянию. Однако следует отметить, что аланы, попавшие в тюркоязычную среду, ассимилировались медленно и еще долго сохраняли свое этническое своеобразие. Об этом, как говорилось, свидетельствует большое количество осетинских топонимических названий, сохранившихся до настоящего времени в горах Балкарии, а также данные фольклора, в частности фамильных преданий, языка и этнографии. Одно такое предание, в котором рассказывается о заселении Чегемского ущелья, было записано М. М. Ковалевским, но опубликовано им только частично. Приводим полный текст этого предания из его полевого дневника. «Предание, дошедшее до нас,— пишет он,— не восходит далее появления множественного рода Балкаруковых, пришедших с севера, из абазехов (адыгское племя.— Б. К.). Их предок происходит из семейства Болотуковых, до сих пор существующего среди абазехов. Из этого семейства некто, Анфако, не ужившись с братьями, решил выселиться: прибыл прежде всего в Баксанское ущелье у верховьев реки Баксана, где в то время жили сванеты. В стычках с ними он был убит, оставив после себя двух сыновей — Бай-Мурзу и Джан-Мурзу. Приблизительно это будет десять поколений назад (более 350 лет). Дети эти из Баксана переправились в Чегемское ущелье. Они направились в аул, который уже тогда назывался Чегем, в котором жил какой-то народец с князем Берды (Берды-бей — князь Берды). Рассказчик предполагает, что народец этот был осетины (т. е., по-видимому, аланы.— Б. К.). Возле аула имеется камень, доселе называемый камнем Берды-бея. Когда братья прибыли в Чегем, они были приняты радушно Берды-беем. Как умные люди, они понравились ему. По смерти Берды-бея остался малолетний сын Рачкау. Благодаря малолетству Рачкау оба брата успели снискать расположение аула и захватили власть в свои руки. От народца, здесь жившего, остался ли кто до нашего времени — неизвестно. Народец, здесь живший, распался на два поселка. На левой стороне Чегема жил Берды-бей, у подножия скалы — Бетичогер. Сохранились следы башен, в которых они жили, башен, сложенных с помощью цемента. На правой стороне Чегема был другой поселок, который до сих пор называется Берды-бей. Оба поселка принадлежали Берды-бею» [137, ед. хр. 329, л. 35].

Как видно из приведенного текста, следы алан на территории современной Балкарии еще хорошо сохраняются примерно в XVI в. По-видимому, дольше всего аланы сохранили свою этническую самостоятельность в Черекском ущелье, примыкающем к Дигории. Здесь сохранилось особенно много осетинских топонимических названий и памятников материальной культуры алан. В 1966 г. только в сел. Каспарты («Солнечная сторона»), на левом берегу Черека, нами были зафиксированы следующие топонимы: шаудан (осет. шаудон) — «родник», дар-

бун (осет. дорбун) — «пещера», Байрэм (осет. Мады-Май-рам) — «мать Мария» и т. д. До сих пор здесь помнят названия уже исчезнувших сел: Куройят (осет. Курой уат) — «Место, где находится мельница», Зилга (осет. Зилча) — «Крушение»; здесь было озеро с водоворотом, Сауты (осет. Саута) — «Черные», в этих местах — черный песок и т. д. О длительном сосуществовании в Верхней Балкарии (Черекском ущелье) тюркоязычного и аланского населения и их общении с жителями Дигорского ущелья говорит предание о происхождении родоначальников балкарских (Басиат) и дигорских (Бадила) феодальных фамилий: Басиат и Бадила считаются родными братьями. Покинув хазарский город Маджар на Куме, они сначала поселились в Дигорском ущелье, а затем Басиат, поссорившись с младшим братом Бадилой, ушел в верховья Черема [15, с. 535].

Наличие аланского субстрата в балкарском этническом массиве особенно убедительно доказывается исследованиями на территории исторической Западной Алании, проведенными В. И. Абаевым еще в 20-х годах. Ученым выявлено, в частности, свыше 200 осетинских слов, воспринятых предками балкарцев и карачаевцев в средневековый период; среди этих слов есть и такие, которые «в самом осетинском языке уже мало или вовсе не употребляются» [15, с. 553]. «Этот материал,— пишет В. И. Абаев,— вновь подтвердил, что осетинские элементы в балкаро-карачаевском ни в коем случае не могут объясняться распространением из нынешней Осетии. В этом случае количество таких элементов резко убывало бы с востока на запад и в таком отдаленном от Осетии районе, как Баксанский, не могло быть сколько-нибудь значительным. В действительности баксанский насыщен „осетизмами“ не меньше других говоров и, что особенно показательно, в нем встречаются такие осетинские элементы, которых нет в более близких к Осетии говорах — чегемском и верхнебалкарском. Вывод ясен: осетинские элементы в балкаро-карачаевском — не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий от Терека до верховий Кубани» [101, с. 283].

Этническое родство рассматриваемых народов довольно ярко проявляется, как видно из данных М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера, а также наших исследований, в их хозяйственной деятельности, в материальной и духовной культуре, в религиозных воззрениях. Несомненно, половцы, попавшие в непривычные для них горные условия, унаследовали аланские сельскохозяйственные орудия, в том числе и пахотные, а также некоторые навыки и приемы хозяйства. Это положение подтверждается сравнительным изучением традиционных сельскохозяйственных орудий у осетин, балкарцев и карачаевцев.

Балкаро-карачаевское пахотное орудие сабан почти идентично горному осетинскому пахотному орудью дзыбыр. Две части этого орудия — ручка и дугообразная стойка — имеют осетинское название: первая называется гулос, а вторая — гина. Общими у осетин и балкарцев были своеобразная самодельная коса и деревянные грабли с вертящимися вокруг оси зубьями. Наконец, многие балкаро-карачаевские названия процессов уборки урожая и заготовки сена, а также связанные с ними предметы и орудия труда сходны с осетинскими. Они вошли в язык указанных народов. Вот некоторые из этих терминов: гэстэ (осет. дастаг) — «полная горсть колосьев при жатве»; дис (осет. идас) — «сноп»; хастан (осет. хуасдон) — «место, куда свозят копны сена»; куф (осет. куф) — «большая корзина для перевозки навоза в поле»; балас (осет. билас) — «плетенка из ветвей молодых березок, на которой волокут сено с гор»; толан (осет. толун) — «скатывание с горы массы сена»; бардух, уадах (осет. уардах) — «скрученный прут»; гэркэ, гэрка (осет. гарка) — «деревянное кольцо для натягивания веревки» и т. д. [101, с. 279].

На колхозных животноводческих фермах у балкарцев до сих пор применяется осетинский парный счет, по словам местных жителей очень удобный. «У балкарцев, — говорят они, — не было другого счета, кроме осетинского». Как отмечал В. И. Абаев, этот счет у балкарцев ведется «по старой иранской десятичной системе, в то время как у самих осетин десятичная система замещена двадцатичной по примеру соседних яфетических языков».

Очень близок у осетин, балкарцев и карачаевцев и способ приготовления молочных продуктов, в частности сыра и масла. Для приготовления масла применялась маслобойка одного типа, представляющая собой целый деревянный ствол. В качестве маслобойки и у балкарцев и у карачаевцев использовался еще и бурдюк, который носит дигорское название [101, с. 282] и воспринят, по-видимому, также у алан.

Сходство культуры рассматриваемых народов не менее ярко проявляется в их архитектуре, на что указывали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский. Встречающиеся на территории Балкарии и Карачая сторожевые, оборонительные, жилые башни, а также замки типа осетинского галуана относятся по времени постройки к аланской эпохе или несколько более позднему периоду (позднее средневековье).

В настоящее время уцелели только некоторые из этих памятников. Все башни, как правило, одного типа. Исключением составляет хорошо сохранившаяся трехэтажная сванская башня в Верхнем Чегеме, построенная сванскими мастерами не позднее XVIII в. Балкарские башни очень сходны с осетинскими, что отмечали вслед за М. М. Ковалевским и В. Ф. Миллером и другие исследователи. «Следует отметить, — писал

В. Ф. Миллер, — башни, встречающиеся в этих местах не менее часто, чем в Осетии, в большинстве совершенно сходные с осетинскими по наружному виду. Некоторые из этих массивных сооружений, расположенные на удобных в стратегическом отношении местах, представляют целые крепости, как, например, близ аула Хулам. Здесь на высоком, почти коническом холме виднеются величественные развалины замка длиной около шести, шириной более двух саженей, с остатками башен. Кто построил эту некогда неприступную крепость, сложенную весьма правильно из тесаного местного камня, неизвестно, об этом не сохранилось даже предания. На противоположной стороне долины виднеются развалины башни, которая должна была одновременно с первой защищать ущелье, так что неприятель подвергался перекрестным выстрелам. Обе башни по типической четырехугольной форме, суживающейся кверху, совершенно совпадают с осетинскими» [122, с. 73]. По мнению автора, башни эти, как и другие оборонительные сооружения, были воздвигнуты до появления в горах тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев. Сохранение целого комплекса крепостных сооружений аланского периода подтверждается и другими исследователями [106, с. 105; 107, с. 115]. Сооружения позднего времени также имеют большое сходство с осетинскими; в них продолжают традиции средневековой архитектуры. Поскольку наиболее искусными в строительстве башен и замков подобного рода были осетинские мастера, то, по-видимому, именно они воздвигали многие крепости на территории Балкарии [120].

Сходны также и склеповые сооружения осетин, балкарцев и карачаевцев. Особого внимания заслуживает «городок мертвых» в верховьях Черека, состоящий из множества полуподземных склепов, построенных, по-видимому, еще до водворения здесь тюркоязычных племен. Во всяком случае, проведенные М. М. Ковалевским исследования подобных памятников в ряде мест Балкарии свидетельствуют об этом. Большой интерес представляет собой и группа надземных склепов в Верхнем Чегеме, относящихся к XVI—XVIII вв. Многие из них аналогичны подобным склепам в Дигории, особенно в селениях Дзинага и Хазнидон. Это позволяет высказать предположение о том, что пришлые тюркоязычные племена, смешавшись с аланами, унаследовали существовавшую у них форму погребения.

Значительную роль в общественной жизни как балкаро-карачаевского, так и осетинского села играл ныгыш (осет. ныхас) — место, где собирались мужчины, в особенности сельские старшины. На ныгыше мирили поссорившиеся семьи, решали вопросы о постройке или ремонте дорог, мостов, найме общественных пастухов и т. д. Здесь же устраивали спортивные игры, пели песни, играли на музыкальных инструментах. В Осетии, так же как в Балкарии и Карачае, существовали

сходные правила поведения в подобных местах. Дела решались главным образом стариками. Мужчины помоложе никогда не садились в их присутствии. Молодежь не имела права голоса, а женщины даже не могли пройти мимо ныгыша во время мужских собраний. Возникновение ныгыша, как и осетинского ныхаса, уходит своими корнями в аланскую эпоху [119].

Участие алан в этногенезе балкарцев и карачаевцев, по данным М. М. Ковалевского, прослеживается на материалах их жилых построек и убранства домов. «Дом, в котором живет князь (имеется в виду Измаил Урусбиев, у которого Ковалевский находился в гостях.— Б. К.),— писал ученый,— разделен на два отделения: мужское и женское. В женской половине мы не были; мужское отделение состоит всего из двух комнат, украшенных низкими диванами, коврами, оружием и турьими рогами» [18, с. 99]. В той же работе М. М. Ковалевский описывает дом простого балкарца. «Татарский двор,— говорит он,— подобно осетинскому, представляет собой ряд построек, плотно соприкасающихся одна с другой. У зажиточных лиц одна из них отводится под кунацкую для гостей; у бедных ее нет. Центральную часть составляет общая кухня. Она состоит обыкновенно из довольно просторного помещения с отверстием наверху для выхода дыма. С переброшенного через отверстие бруска спускается железная цепь (сынжыр), к которой привешивается медный котел для варки пищи, под ним очаг, где печется хлеб. Помещение с очагом является одновременно и кухней и столовой; в нем каждому отведено свое место: прислуге — налево от очага, хозяйке — направо, хозяину же посередине. Это же помещение служит залом для увеселений: если танцы не происходят на воздухе, перед саклей, то для них нет другого места, кроме столовой. Фамильные торжества, как общее правило, справляются исключительно здесь; наконец, и в семейном культе общая кухня играет главную роль: в ней производятся все поминки по мертвецам и приносят в их честь всякого рода жертвоприношения. Эти поминки часты, как у осетин» [18, с. 554].

Приведенное описание подтверждает поразительное сходство балкаро-карачаевского главного помещения дома и по размерам и по назначению с осетинским [18, с. 150—152]. Один из передних углов кухни балкарского дома отгораживали и превращали в кладовую (гуму), куда вел низкий вход. Такое же назначение имела и кладовая (къабиц) в осетинском доме. Старшая женщина (юйбийче, осет. афсин) всегда носила при себе ключи от кладовой. Без ее разрешения никто из членов семьи не мог войти в гуму. В кухне выкапывали яму (уруз, осет. уарм) для хранения зерна. Характерно, что многие важные элементы жилища балкарцев и карачаевцев имеют алано-осетинские наименования. Среди них такие термины, как хэрэк (осет. аххараг) — «большая продольная балка», эзлмэ (осет.

анзалм) — «хворост, которым покрывают плоскую крышу дома», чидинзди (осет.-дигор. сагинза) — «столб» и т. д. В Балкарии и Карачае существует немало осетинских названий предметов домашней обстановки и утвари: тэрхэк (осет. тархаг) — «каменная скамья», чэпдэк, чиндик (осет. сынтаг) — «скамья», «кресло», «кровать», кучтел (осет.-дигор. кустела) — «кадка», чолпи (осет. солпи) — «ковш», «черпалка» и т. д. [101, с. 279].

Особую роль в семейной жизни описываемых народов играли очаг и надочажная цепь, расположенные в центре помещения или у стены при выходе. Вот что писал М. М. Ковалевский об очаге и надочажной цепи у балкарцев и осетин: «Культ предков стоит в тесной связи с поклонением домашнему очагу... Тлеющий огонь постоянно должен быть поддерживаем на алтаре... Осетины ставят ее (надочажную цепь.— Б. К.) в таинственную связь с Сафою, духом-покровителем семейного очага. Татарам она известна под названием сынжыр. И те и другие окружают ее одинаковым почетом. Продать цепь... считается у татар позором; то же по отношению к цепи встречаем у осетин. Если кто осмелится выкинуть цепь из дома, все равно с целью похищения или нет, его неминуемо ожидает месть всего двора, так как он считается оскорбителем его чести. Та же цепь играет немаловажную роль в свадебном ритуале. Прикосновение к ней невесты считается с ее стороны заявлением готовности слиться воедино с ее новой семьей, точь-в-точь у древних римлян или греков прикосновение к домашнему очагу считалось символом приобщения к семейному очагу... надочажная цепь играет в быте татар ту же роль, какая принадлежала некогда в греческом, римском и индусском обществах зажженному на очаге пламени» [18, с. 557].

На основании изложенного М. М. Ковалевский делает весьма важное заключение о том, что «в среде горских татар религиозная сторона семейной общины сохранилась гораздо ярче, нежели у осетин», и обычаи их в этом отношении служат не только иллюстрацией, но и восполнением осетинских.

Общность обнаруживается и в традиционной пище осетин и балкарцев. Наиболее распространенным и любимым блюдом являются пироги с мясом и пироги с сыром (у балкарцев и карачаевцев — хэчэн, у осетин-дигорцев — ахсин); такие же пироги делаются с начинкой из картофеля, капусты, фасоли и т. д. Общие блюда для этих народов — чэрна (осет. зерна) — своеобразная каша, гырджын (осет. карзын) — «хлеб», «чурек», а также распространенное, особенно у осетин, блюдо — дзыгка — кашлица из свежего растопленного сыра с добавлением небольшого количества муки.

Из национальных напитков балкарцы до недавнего времени предпочитали пиво с хмелем — хумеллек (осет. хумаллаг). В путевых записках М. М. Ковалевского по Балкарии довольно часто упоминается пиво. Так, в одном из фамильных преда-

ний, записанных в Чегемском ущелье, говорится: «Когда кто-нибудь варил пиво, братья, собрав буйную молодежь, отправлялись с нею распивать сваренное пиво. Напившись допьяна, они делали метку на котле» [18, с. 566]. Напиток этот был хмельной, и приготавливали его в больших котлах. По рассказам балкарских стариков, в старину пиво действительно варили в огромных медных котлах, особенно по случаю свадеб и других семейных и общественных торжеств. Как и у осетин, пиво наливали в деревянные пивные бокалы различной формы, изготовлявшиеся местными мастерами, а также в воловь и турьи рога. Можно полагать, что культура пива, принесенная на Северный Кавказ древними иранцами, была воспринята балкарцами и карачаевцами от их аланских предков.

Этнокультурная общность осетин, балкар и карачаевцев проявляется и в семейных обрядах, в частности свадебных, а до принятия балкарцами и карачаевцами мусульманства сходство существовало и в похоронных обычаях.

Свадебные обряды, по наблюдениям М. М. Ковалевского, поразительно похожи на осетинские. «Представленные подробности свадебного ритуала являются буквальным воспроизведением тех, какие доселе представляют собой осетинские свадьбы» [18, с. 566]. Сходство проявляется во всем: в сватовстве, в заключении брака, в умыкании, в подборе дружков и т. д. Один из них (у балкарцев и карачаевцев он называется улан югер) играет такую же роль во всей свадебной церемонии, как в осетинской свадьбе къухылхацаг (букв. «державший за руку»). Схожи у балкарцев и карачаевцев некоторые осетинские свадебные обычаи: домаконд — отправление невестки по воду и хызисаг — снятие платка с ее головы. При совершении этого обряда около очага молодой желали иметь девять мальчиков и одну девочку [110, с. 214]. Можно упомянуть и о некоторых обычаях избегания, соблюдавшихся молодыми и их родственниками, но они характерны и для других народов Кавказа. Отметим лишь один из них: у балкарцев, карачаевцев и осетин молодая не могла разговаривать со своим свекром и старшими родственниками мужа до совершения обряда «раскрытия рта невесты» и вручения ей соответствующих подарков [110, с. 221, 222; 135]. Весьма близкие аналогии в балкарской свадьбе с осетинской М. М. Ковалевский видел и в следующих обычаях избегания. «Первое время после свадьбы, — пишет он, — муж может жить с молодой не иначе, как в чужом доме, доме приятеля, который отныне становится для него лицом столь же близким, как и аталык или воспитатель. В супружеские права жених также вступает не иначе, как тайком и ночью, скрываясь от всех и преследуемый аульной молодежью, которая, взобравшись на крышу, спускает в трубу камина всякого рода птиц и домашних животных, бросает папахи и делает выстрелы, пока не истратятся все заряды» [18, с. 566].

Рассматривая развод у балкарцев, М. М. Ковалевский отмечает, что он совершался по осетинскому образцу — по воле одного из супругов. Причем, если муж прогонял жену, он обязан был вторично выплатить калым, если же жена оставляла мужа, родные ее вынуждены были, по обычаю, возвратить вдвое более того, что было взято ими в счет калыма [18, с. 569]. Интересные сведения М. М. Ковалевский сообщает и о древней форме брака у балкарцев — о левирате, который был здесь, по его словам, на грани вымирания, но имел также аналогии с осетинским левиратом. «До последнего времени,— пишет он,— вдова у балкарцев, как и у осетин, обыкновенно вступает в брак с кем-либо из рода покойного, чаще всего с его неженатым братом». Автор особо подчеркивает: «О вдове (балкарцы.— Б. К.) говорят, что она „тул“, т. е. собственность семьи покойного, которая поэтому с прочим наследством должна перейти к оставшимся по его смерти членам двора» [18, с. 568].

Этнографический материал, в том числе данные М. М. Ковалевского, свидетельствует о том, что до принятия ислама балкарцами и карачаевцами они хоронили покойников, соблюдая многие архаические обряды, аналогичные осетинским и уходящие корнями в древнеиранский мир. К таким обычаям относятся оплакивание покойника, устройство в его честь соревнований по стрельбе в цель, скачек, посвящение покойнику коня и т. д.

М. М. Ковалевским описывается, в частности, один из интереснейших поминальных обрядов осетин — «ночь мертвецов» (марты ахсав). В эту ночь у балкарцев, как у осетин, готовили чучело из дерева и тряпок, которое одевали затем в платье недавно умершего родственника. Чучело это сажали вместе с членами семьи у очага, плакали и горевали около него, жалуясь ему на свои несчастья. Затем подносили ему угощение, после чего все вставали со своих мест и выходили из дома, чтобы дать покойнику поесть. По возвращении снова садились и съедали все приготовленное [18, с. 556].

Большой интерес представляют и домусульманские верования балкарцев и карачаевцев. У них, как отмечалось, много общих с осетинами святых. Характерно, что до сих пор во многих селах Балкарии и Карачая сохранились святилища в честь Байрэм, куда еще не так давно приходили женщины, которые не имели детей, с приношениями. Среди языческих божеств у балкарцев и карачаевцев особенно почитался Апсаты (осет. Афсати), обитавший, по поверью, высоко в горах и зорко охранявший свои стада. Осетины представляли это охотничье божество в образе старика с длинной белой бородой, а балкарцы и карачаевцы — в виде белого тура. Убить это животное считалось большим несчастьем для охотника. По преданию, балкарские старики, бывалые охотники, стреляли семь раз в белого тура и ни разу не попали. Несмотря на разный облик карачаево-балкарского Апсаты и осетинского Афсати, все поверья,

связанные с этим божеством, очень схожи [134; 110, с. 92, 93]. Вот один из магических приемов карачаевских и балкарских охотников, сходный с осетинским. Охотники приносили в район охоты три продолговатые лепешки. После молитвы старшего, обращенной к Апсаты, эти лепешки съедали. Охотники пели специальные, охотничьи песни, посвященные этому божеству. У него выпрашивали хотя бы одного тура или козла. По обычаю, старшему охотнику всегда предоставляли право стрелять первым¹. При разделе добычи ему оставляли голову и шкуру. Наконец, у балкарцев и карачаевцев существовал еще охотничий обычай, аналогичный осетинскому, отдавать «встречную долю» первому, кто встретился охотникам, возвращающимся с добычей.

Один из интересных пережитков языческих верований, сохранившийся у осетин, балкарцев и карачаевцев,— это стрельба в небо во время лунного затмения. По сведениям стариков, в этот день в карачаево-балкарских селах стреляли в луну из всех видов оружия, чтобы разбудить охрану и отогнать дракона, который якобы собирается ее проглотить. Похожее поверье существовало и у осетин. Вот как описывал его очевидец в середине XIX в.: «Вся ночь под Новый год проходит в подобной стрельбе без умолку. Осетины стреляют вверх, прицеливаясь в луну, с убеждением, что в эту ночь, раз в год, луна находится в крайней опасности от какого-то дракона».

Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и осетин, по данным М. М. Ковалевского, доказывается поразительным сходством их обычного права. «Все институты,— пишет он,— гражданского и уголовного права, а также процессуальные правила построены у татар буквально на тех самых началах, что и у осетин». На основании полевых исследований автор заключает, что и у балкарцев и у осетин главнейшим видом доказательства признавалась присяга. Медиаторы, по трое с каждой стороны, по своему усмотрению назначали ее то ответчику, то истцу. Причем в Осетии присяга приносилась в языческих святилищах (дзуарах), находившихся большей частью в развалинах средневековых храмов. Чаще всего в подобных же святилищах присяга совершалась и в Балкарии, где эти святилища были известны под названиями «Байрэмы джуар» (святилища Байрэм). «Алтынашкерге» (часовня, посвященная Георгию Победоносцу) и т. д. В случаях кражи домашних животных у осетин, как и у балкарцев, клятва приносилась в честь покровителей животных, в частности Афсати. «Протягивая руку над бараном,— пишет М. М. Ковалевский,— осетин несколько раз призывает бога звсрей (или Афсати) в свидетели того, что он показывает правду».

¹ Н. П. Тульчинский отмечал по этому поводу: «По обычаю, старший предлагает младшему первому стрелять, но это не больше как церемония: младший все-таки предоставляет старшему первый выстрел» [Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды.— «Терский сборник», с. 205].

Татарин буквально делает то же самое, только вместо Афсати он призывает какого-то „Аймыш“, с которым связывается у него представление о духе-покровителе животных и который, по всей вероятности, не кто иной, как тот же осетинский Афсати, пониженный только несколько в своем достоинстве».

Характерно, что самой важной присягой балкарцы считали присягу, приносившуюся в минарете на средневековом аланском городище около сел. Эльхотово, известном под названием Татартуп (балк. Татартуб). По словам М. М. Ковалевского, Татартуп являлся мусульманским святилищем у балкарцев и кабардинцев; более того, первые считали «себя связанными говорить правду под страхом самых тяжких последствий для себя и своего рода за всякие, даже малейшие, отклонения от истины» [18, с. 109]. От присягавшего требовались также родственники-свидетели, готовые своей присягой поручиться за верность его показаний. Таких присяжных знал и осетинский и балкарский судебный процесс.

При судебных разбирательствах балкарцы, подобно осетинам, прибегали к помощи доказчика, именовавшегося у осетин комдзог, а у балкарцев — айрахчи. Сходство в обычаях этих народов наблюдалось и при решении дел между близкими родственниками. Эти дела решались исключительно семейными советами. М. М. Ковалевский заключает, что судопроизводство балкарцев в целом «проникнуто осетинским началом» и если встречались в нем подчас некоторые отличия, то это объясняется влиянием шариаата.

Характеризуя уголовное право, автор указывает на то, что у балкарцев, как и у осетин, «преступления, совершаемые в родственной среде, не влекут за собой возмездия. Самый способ определения выкупов за отдельные виды преступных действий у обоих народов один и тот же: тяжкие увечья, состоящие в отсечении руки, ноги или выкалывании глаза, оплачиваются у тех и других вполнину дешевле, чем убийства, если только эти увечья не ведут за собой смерти потерпевшего». Сходство в уголовном праве осетин и балкарцев проявлялось и в том, что они различали «кражу в поле и на дому, наказывая последнюю строже, как действие, связанное с насильственным вторжением в чужое жилище» [18, с. 112].

Следует заметить, что материал, характеризующий идентичность многих черт обычного права балкарцев и осетин, записан М. М. Ковалевским в основном в Баксанском ущелье, главным образом у жителей Урусбиевского аула, отстоящего достаточно далеко от мест расселения осетин. Это указывает на отсутствие заимствований у осетин и несомненно свидетельствует об аланском субстрате в их этногенезе.

Выявление М. М. Ковалевским осетино-балкарского этнического родства не ограничивалось лишь установлением у балкарцев осетинской топонимики, сходных черт в религиозных веро-

ваниях, обычном праве и т. д. Большое внимание он обращал и на изучение археологических памятников (древних могильников, катакомб, склепов, пещерных захоронений и т. д.), обнаруженных на исторической территории Западной Алании.

Во время первой совместной поездки В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским, например, было исследовано сначала в Чегемском, а затем в Баксанском ущелье значительное число могильников, относящихся к разным историческим периодам. Могильники эти были ограблены местными кладоискателями и оказались «крайне бедны вещами». «Весь могильник,— пишут они,— изрыт в разных местах местными жителями, которые ищут в шиаки (могильниках) золотые и бронзовые вещи. Бронзовые предметы ломают и переливают затем в пояса, золотые вещи продают странствующим мелочным торговцам или в городе» [15, с. 56].

Тем не менее найденные в этих могильниках предметы (бронзовые украшения, деревянная утварь, ткани с орнаментом и т. д.) характеризуют различные стороны жизни первоначальных обитателей этого района. Находки значительного числа могильных плит с крестами — наиболее яркое свидетельство пребывания здесь до монгольских походов христианского аланского населения.

Характеризуя археологические раскопки в Балкарии, В. Ф. Миллер писал: «Способ погребения, обнаруживаемый этими могильниками, тождествен с таковым же в древних могильниках Осетии, исследованных гг. Антоновичем и Беренштамом... Чегемские могилы принадлежат предкам нынешних осетин, которые были известны византийским, армянским и восточным писателям под именем кавказских алан» [104, с. 77].

Не менее интересные археологические изыскания осуществлялись М. М. Ковалевским на исторической территории Западной Алании во время второй его поездки. Тогда им были проведены раскопки в двух местах — у подножия Рим-Горы, близ Абуховского кабардинского аула, в 16 километрах от Кисловодска, и в окрестностях селения Хасаут на р. Баксан, причем, как уже было отмечено, эти раскопки выявили наибольшее число предметов, принадлежавших, по определению ученого, также прежним обитателям этих мест — аланам. В целом археологические данные, полученные М. М. Ковалевским на Центральном и Западном Кавказе, являются ценным дополнением к этнографическим, характеризующим осетино-балкарские этнические связи.

Таким образом, исследованиями в различных областях науки М. М. Ковалевский внес существенный вклад в решение проблем этногенеза осетин и балкарцев. Приведенные им данные неопровержимо доказывают общность материальной и духовной культуры современных осетин, балкарцев и карачаевцев, а

находки аланских памятников домонгольского периода на большой территории от Уруха до верховьев Кубани и Верхней Лабы свидетельствуют об истоках этой общности — общем аланском этническом пласте в этногенезе этих народов.

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ И ОБЫЧНОГО ПРАВА ОСЕТИН

Значительное место в работах М. М. Ковалевского, посвященных осетинам, отводится исследованию феодализма и социального расслоения в осетинских обществах. Наряду с письменными источниками ученый широко использовал полевые записи, осуществленные им в ряде мест Северной Осетии.

Известно, что выдвинутое М. М. Ковалевским положение о так называемом горском феодализме занимает особое место в его кавказоведческих работах. Возникновение феодализма как социальной категории М. М. Ковалевский объясняет влиянием кабардинского феодального строя. «Народившиеся в Осетии аристократические роды, — пишет он, — нашли в своих плоскостных соседях пример и поддержку не только нравственную, но и материальную... Трудно сказать, возможно ли было бы образование привилегированных старшин в Дигории и Тагаурии и подчинение им свободного населения на началах феодальной зависимости и помимо влияния кабардинцев или нет, хотя пример алагирцев, успевших удержать полную независимость от Кабарды и сохранить одновременно свою родовую аристократию, по-видимому, дает право предполагать, что развитие феодальных отношений является скорее результатом воздействия внешних, нежели внутренних причин» [20, т. 1, с. 30].

В подтверждение своей ошибочной концепции появления феодализма в Осетии в результате влияния Кабарды М. М. Ковалевский приводит ряд примеров, основанных на народных преданиях. В одном из них, например, повествуется о том, как появилась в Тагаурском обществе известная в Осетии феодальная фамилия Шанаевых. Молодой куртатинец Шанаев, избегнувший кровной мести, покидает родину и находит приют в Кабарде у знатных князей Кайтукиных; с их помощью он водворяется в Тагаурском ущелье. «Кабардинское влияние, — заключает при этом Ковалевский, — с самого начала сказывается на той сословной организации, какая возникает в Тагаурии со времени занятия ее куртатинскими выходцами» [20, т. 1, с. 37], т. е. Шанаевыми. Однако известно, что кроме Шанаевых в Тагаурском обществе существовало еще десять феодальных фамилий, возникших здесь, возможно, раньше или несколько позже. Причем феодальные семьи появились не в результате воздействия внешних причин, а вследствие внутреннего развития общества. Одной из главных причин, способствовавших скла-

дыванию феодальных отношений в Тагаурии, как нам кажется, можно считать выгодное положение этого района на важнейшем историческом торговом пути, что издавна давало тагаурским старшинам значительные доходы. Только благодаря этой важнейшей Кавказской дороге (ныне Военно-Грузинская) еще в XVIII в. здесь, раньше, чем в других осетинских обществах, началось зарождение феодальных отношений. То, что феодализм появился раньше всего в таких районах Осетии, как Тагаурия и Дигория, не отрицает и М. М. Ковалевский, хотя он объясняет этот факт влиянием кабардинских князей. «Таким образом,— пишет он,— тогда как в Куртатинском обществе продолжает господствовать прежняя бессословность, в Тагаурии, под несомненным влиянием кабардинцев, складывается феодальная система» [20, т. 1, с. 43].

Рассматривая феодальные отношения, М. М. Ковалевский подробно останавливается на характеристике социальных групп Тагаурского общества, указывая на существование здесь многочисленных феодальных повинностей, дающих нам ясное представление в целом о характере горского феодализма. «Права уазданлагов,— пишет он,— весьма широки. Они одни могут владеть гурзнагами¹ и кавдасардами, распоряжаться ими по своему произволу и подвергать их наказаниям, помимо суда». Владея всей землей в Тагаурии, уазданлаги облагали фарсаглагов — полузависимых крестьян — следующими повинностями. Весной каждый двор доставлял уазданлагу одного ягненка, осенью — большого барана. Кроме того, они поставляли «воз сена, овечий сыр и 10 фунтов коровьего масла». Если фарсаглаг резал на мясо скотину, то передняя лопатка с ребром принадлежала уазданлагу. Во время поминок и свадеб фарсаглаги обязаны были привозить своим господам бузу и съестные припасы, в зависимости от состояния. Из личных повинностей следует отметить обязанность фарсаглага на собственной лошади сопровождать господина на правах его телохранителя, куда бы он ни ехал. Во время пахоты и жатвы от каждого фарсаглагского двора на хозяйское поле посылался один человек со своим сельскохозяйственным орудием. Если фарсаглаг переселялся в другое место, то вся его недвижимая собственность оставалась в пользу хозяина. М. М. Ковалевский описывает и положение других, более низких социальных групп — кавдасардов и гурзнагов, не пользовавшихся почти никакими правами [20, т. 1, с. 37—40].

Феодальная система Дигории, судя по блестящему описанию ее М. М. Ковалевским (большей частью на основе личных наблюдений), характеризовалась почти теми же чертами, что и Тагаурии. Вместе с тем автор допускает здесь ту же ошибку.

¹ Уазданлаги (букв. «благородный») — независимое сословие; гурзнаги — рабы.

утверждая, что в Дигорию феодализм проник из Кабарды. «Под влиянием кабардинцев,— пишет он,— бадилаты установили в Дигории ту самую общественную организацию, с характером которой мы уже познакомились выше, говоря о тагаурских сословиях» [20, т. 1, с. 43]. По преданию, потомки родоначальника дигорских феодалов Бадилы, якобы пришедшего в Дигорское ущелье из Маджара на Куме, при установлении своей власти над коренным населением находили поддержку у кабардинских князей и по их указанию насаждали мусульманство среди дигорцев, исповедовавших до этого христианство.

И все же, несмотря на некоторые ошибочные заключения, заслуга М. М. Ковалевского в том, что он впервые дал всестороннее освещение феодальной системы Тагаурии и Дигории, привлекая для этого различные источники, в том числе и собственные полевые записи. Однако из поля зрения ученого выпали Куртатинское и Алагирское общества, представляющие в этом плане не меньший интерес. К сожалению, исследование феодализма в этих обществах не проводилось и в дальнейшем [124, с. 74—87].

Между тем, судя по народным преданиям, Алагирское общество сыграло большую роль в формировании других осетинских обществ, на что указывает и М. М. Ковалевский, характеризуя на основании тех же преданий общественный строй алагирцев. «Древнейшим из этих обществ,— пишет он,— следует считать Алагирское. Опровергая фамильные предания, приписывающие тагаурским аристократам происхождение от армян, алагирцы утверждают, что древнейшим осетинским поселением следует считать их аул и что родоначальники привилегированных фамилий в других ущельях не более как выходцы из него. По народным сказаниям алагирцев, в Алагирском обществе никогда не было сословий. Все алагирцы одинаково потомки Оса-Багатара, мифического родоначальника осетин, который, уступая напору персов и грузин, удалился в Алагирское ущелье, где сыновья его построили каменную стену для защиты от соседей. Развалины этой стены еще видны в Алагирском ущелье» [20, т. 1, с. 37].

Особое внимание М. М. Ковалевский уделяет материальной и духовной культуре осетин, их религиозным представлениям. При этом весьма важно, что, рассматривая каждое явление или обычай, автор дает им научное объяснение, пытается выяснить их происхождение. Описание семейного уклада и семейной и религиозной обрядности автор нередко увязывает с характеристикой поселений, жилищ и их внутреннего убранства.

В горах Осетии наряду с многофамильными селами Ковалевский находил и однофамильные. Он отмечал, что на равнине Осетии такие селения, как Новохристиановское, Магометанское, Ардон и другие, не отличаются по своей планировке от соседних казачьих станиц.

Широкое распространение в горной Осетии имели галуаны — сооружения, напоминающие средневековые замки, которые М. М. Ковалевский застал здесь еще повсюду. Галуан, состоявший из жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, обносился каменной стеной. «Необходимой принадлежностью его была 3—8-ярусная башня, стоявшая или в середине двора, или в каком-нибудь углу. К башне примыкали жилые и хозяйственные постройки: хадзар, иначе — общая столовая и кухня, помещения, устроенные для отдельных парных семей, входивших в состав семейной общины; внутри двора поодаль от других стоит всегда открытая для приезжего кунацкая» [20, т. 1, с. 72]. Следует отметить, что наряду с оборонительной здесь же находилась трехэтажная жилая башня, о которой Ковалевский не упоминает. Она именовалась ганах и имела самое широкое распространение по всей горной Осетии. Ганах обычно служила жильем для большой неразделенной семьи. Наиболее полные сведения М. М. Ковалевский дает о хадзаре, отличавшемся от прочих построек своими размерами. Поскольку все обитатели дома проводили почти все свободное время в хадзаре, его величина зависела от численности семьи: чем семья была больше, тем хадзар строился просторнее и наоборот. «Почти целый день,— пишет М. М. Ковалевский,— происходит в нем стряпня, за исключением часов, отведенных для завтрака, обеда или ужина. В эти часы чередуются в хадзаре старшие из мужчин, затем холостая молодежь, старшие женщины и напоследок — младшие. Семья никогда не обедает вся вместе и не ужинает, и старикам всегда принадлежат лучшие куски, а потому и первая очередь в принятии пищи» [20, т. 1, с. 76].

Описывая внутреннее убранство хадзара, М. М. Ковалевский отмечает, что в центре его находился очаг с надочажной цепью, который разделял помещение на две половины — мужскую (правая) и женскую (левая). Однако очаг располагался не только в центре хадзара, но в углу и у стены его. Исключительно важную роль очаг играл в семейном культе осетин: в свадебном ритуале, в погребальных обрядах, в жертвоприношениях в честь родовых и семейных покровителей, «во всех торжественных действиях, совершавшихся семьей или от ее имени, при укрывательстве избежавших правосудия преступников и т. д.» [20, т. 1, с. 78]. В очаге у осетин, как и у балкарцев и карачаевцев, постоянно поддерживался огонь, причем забота об этом падала в основном на женщин. По словам М. М. Ковалевского, сказать осетину «чтобы у тебя огонь потух» считалось тяжелым проклятием, означавшим «чтобы у тебя семья перевелась».

Предметом семейного культа был не только очаг, но и висевшая над ним цепь, к которой обычно привешивался медный или чугунный котел для варки пива. «Важнейшие акты домашней жизни,— говорит М. М. Ковалевский,— происходят в Осетии у очага и связаны с прикосновением к цепи. Священный

характер последней выступает из строго поддерживаемого обычая запрещения дотрагиваться до нее без необходимости, а также из того, что прикосновение к цепи ставится в обязанность как при произнесении присяги, так и в брачном ритуале». Автор отмечает, что осетин, желая сделать бесспорным данное им на суде показание, «хватается за цепь, произнося при этом: клянись этим пречистым золотом Сафы». По осетинской мифологии, небожитель Сафа, являясь охранителем надочажной цепи, подобно знаменитому нарттовскому Курдалагону, куёт домашние цепи. Здесь же Ковалевский останавливается на роли культа очага и цепи в свадебном ритуале осетин, указывая, что девушка, покидая дом отца, прощалась с ним, обходя с шафером вокруг очага три раза, при этом последний ударял кинжалом о цепь. Похожая процедура повторялась и в доме жениха, когда молодая приобщалась к новой семье. После тоекратного обхождения вокруг очага невеста прикасалась рукой к цепи.

Большую роль надочажная цепь играла и в обычае кровной мести осетин. «...Убегающий от преследования преступник,— говорит М. М. Ковалевский,— считает себя безопасным только тогда, когда ему удалось обвить вокруг шеи домашнюю цепь того двора, в котором он ищет убежища. Не удивительно после этого, если похищение домашней цепи или простое выбрасывание ее из дома чужеродцем считается осетинами действием, требующим кровного возмездия» [20, т. 1, с. 78]. М. М. Ковалевский особо подчеркивает, что почитание цепи не устраняет более позднего культа домашнего очага.

В то же время культ домашнего очага он связывает с культом предков, придавая последнему исключительно большое значение в погребальных и поминальных обрядах и обычаях осетин. Сохранение у осетин таких архаических обычаев, как посвящение коня покойнику, обрезание косы у вдовы, многочисленные поминки по умершему и т. д., уходящих корнями в древний иранский мир, М. М. Ковалевский объясняет только культом предков, а не этническими традициями этого народа. «Култ домашнего очага,— говорит он,— всюду, где он встречается, стоит в тесной связи с культом предков... Благосостояние умерших зависит от количества доставляемых им потомками пищи и питья». Автор, широко привлекая литературные данные, дает блестящую характеристику погребальных обрядов осетин, указывает на огромные, разорительные расходы в течение года на поминки. Считая, что покойник нуждается в загробном мире в тех же благах, что и в этом, родственники старались обеспечить его всем необходимым для жизни человека — пищей, напитками, одеждой и т. д. «...Чтобы покойник во время путешествия своего в загробный мир не испытывал голода и жажды,— пишет Ковалевский,— родственники снабжают его бутылкой арак и чуреками или хлебными лепешками... Опасение, что покойнику нечего есть на том свете, преследует осетин в течение

целого года... Тем же сознанием необходимости кормить мертвых объясняются и те многочисленные поминки, которые, по приблизительному вычислению, обходятся каждому двору не менее двух тысяч рублей в год и ведут нередко к совершенному его разорению» [20, т. 1, с. 89]. Автор заключает, что похоронные и погребальные обычаи и обряды осетин сходны с теми, которые совершали в древности индусы, греки и римляне.

М. М. Ковалевский утверждает также, что в его время осетины не клали в могильники ничего, кроме съестных припасов, и объясняет это влиянием мусульманства и христианства. В прежние годы, говорит М. М. Ковалевский, указывая на свои археологические находки в различных могильниках на исторической территории осетин, покойника сопровождали оружие и украшения, уздечки для лошадей, домашняя утварь, даже круглый столик на трех ножках и многое другое. Однако, судя по этнографическим данным, обычай класть с покойником его личные вещи (оружие, украшения) и даже некоторые предметы домашнего обихода практиковался в Осетии еще до недавнего прошлого. Об этом свидетельствуют и склеповые захоронения более позднего периода в ряде мест Северной Осетии.

Обычай обрезания у вдовы косы, уходящий своими корнями в скифскую эпоху, Ковалевский связывает с обычаем сжигания вдов, существовавшим якобы у осетин в древности. В Осетии, говорит он, и до сих пор «практикуется один обряд, в основе которого лежит тот же процесс мышления; я разумею обрезание косы вдовою и передачу ее покойнику». Известно, что обряд этот совершали на кладбище одновременно с обрядом посвящения коня покойнику. Один из родственников обрезал косу у вдовы и клал на грудь мужа; это означало, что она будет принадлежать ему и на том свете. «Осетины,— пишет Ковалевский,— убеждены в том, что вторичный брак не помешает вдове вернуться к первому мужу в будущей жизни» [20, т. 1, с. 85].

К числу древнейших погребальных обычаев осетин, характеризующих их этнические традиции, относится и посвящение коня покойнику. Совершение этого обряда, проходившего весьма торжественно, считалось обязательным даже при отсутствии у умершего своей лошади. В этом случае покойнику посвящали коня его ближайшего родственника. М. М. Ковалевский особое внимание обращает на главного исполнителя этого обряда — старика, посвятителя коня (бахфалдисаг), обладавшего определенным опытом в этом деле и даром речи. Такие старики были известны далеко за пределами своих аулов, и к ним обращались при похоронах мужчин. Умение произносить довольно длинную напутственную речь, красочную и содержательную, считалось большим искусством. В осетинском фольклоре известно несколько вариантов таких речей, в какой-то мере использованных в свое время и В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским.

Посвящение коня происходило обычно на кладбище или во дворе покойного. Оседланного коня, покрытого буркой, башлыком, увешанного доспехами умершего, три раза обводили вокруг гроба, а затем ставили у изголовья покойника, отдавая тут же уздечку старику-посвятителю. Держа в левой руке уздечку, а в правой стакан с аракой, посвятитель произносил напутственную речь, в которой говорилось о деяниях покойного и о трудностях предстоящего ему путешествия. После окончания речи он разбивал стакан о подкову правой передней ноги лошади, а затем отрезал животному кончик уха, а иногда взамен этого клочок гривы. Нужно отметить, что этого обычая, который заменял древний ритуал заклания животного, М. М. Ковалевский не отметил. Обряд посвящения коня следовал за обрядом обрезания косы. Говоря об этих весьма архаических погребальных обрядах осетин, М. М. Ковалевский писал: «...высказываемая в надгробной речи уверенность в том, что мертвец на своем коне проскочит невредимо через мост, отделяющий рай от ада, не оставляет сомнения в том, что на первых порах следовала в Осетии прямая передача лошади покойнику, вероятно путем заклания ее на его могиле.

В настоящее время дело обходится нанесением коню трех ударов косой, которую вдова берет с груди покойника и передает бахфалдисагу со словами: «Вот и плеть для покойника» [20, т. 1, с. 86].

При анализе погребальных обрядов осетин М. М. Ковалевский ссылается на нартские сказания, справедливо считая их одним из важных источников для характеристики религиозных верований этого народа. В сказании, например, об Урызмаге красочно описывается страна мертвых, говорится о ее владыке Барастыре, без позволения которого никто не может попасть в эту страну или выйти из нее. Из этих сказаний видно, что многочисленные погребальные обряды, связанные с большими затратами, были порождены верой в бессмертие души.

Описание похоронной обрядности осетин М. М. Ковалевский завершает указанием на соблюдение вдовой еще одного обычая. «В течение целого года,— пишет он,— вдова продолжает ждать ночных посещений мужа; с этой целью она каждый вечер стелет для мужа постель, ставит под его кровать таз и медный кувшин с водой, зажигает целую свечу и сидит, ожидая прихода мужа до той поры, когда запоят петухи». Так как осетины считают, что покойники, или, как называет их М. М. Ковалевский, предки, могут входить в непосредственное общение с живыми, то они «присутствуют на всех семейных торжествах, оказывают помощь и поддержку во всех семейных предприятиях» [20, т. 1, с. 88]. Подобно другим народам, говорит М. М. Ковалевский, у которых развит семейный культ, осетины дорожат семейными и родовыми склепами, в которых они хоронят даже тех, кто умер вдали от дома, и строят склепы недалеко от сел,

чтобы покойник был «поближе к своему потомству» и последние «ежечасно заботились о его нуждах». Известно, однако, что появление склепов у осетин, как и у других горцев, объясняется в основном острой земельной теснотой в горах, желанием использовать земли не под кладбища, а под посевы или для сенокосов.

С культом предков и домашнего очага, особенно с богом — охранителем домашней цепи Сафой, М. М. Ковалевский связывает также многие обычаи осетин, исполняемые во время свадьбы и после рождения ребенка. Из обрядов, связанных с рождением ребенка, М. М. Ковалевский упоминает только об одном, совершавшемся через три дня после появления ребенка на свет, — о первом пеленании. При этом присутствовали одни женщины. Под цепью домашнего очага проносили отдельно ребенка, люльку с пеленками, приготовленные в честь Сафы пироги с начинкой из сыра и напитки. Старшая из женщин, взяв пироги в руки, произносила молитву, в которой просила Сафу принять к себе ребенка и дать ему счастье. М. М. Ковалевский указывает на то, что аналогичная молитва произносилась шафером после троекратного обхождения невесты вокруг очага и прикосновения рукой к надочажной цепи.

Почитание в Осетии многих популярных языческих святых, таких, как Хетаг, Дзвисы дзуар, Тбау-уацилла и другие, М. М. Ковалевский ошибочно объясняет домашним культом, культом предков, считая, что «источником почитания» этих святых являлись последние [20, т. 1, с. 92, 93—95]. Явно преувеличивая роль культа домашнего очага и культа предков в семейной и общественной жизни осетин, он стремится доказать сходство этого народа с другими ираноязычными народами. «...Домашний культ осетин, — говорит Ковалевский, — представляет ближайшее сходство с тем, каким иранские народности, и в числе их персы, окружали души покойников, или так называемые фравати».

Большой заслугой М. М. Ковалевского является исследование им, главным образом на основе личных наблюдений, как он сам подчеркивает, семейной общины, или большой патриархальной семьи осетин. Такие семьи М. М. Ковалевский наблюдал во время двукратной своей поездки по Осетии; ему посчастливилось встречаться здесь с членами существовавших еще тогда семейных общин. По свидетельству автора, численность большой семьи определялась в разных местах Осетии по-разному: она составляла «20, 40, 60 и даже 100 человек или около того» [20, т. 1, с. 97, 103, 100]. Для осетинской большой семьи было характерно общее владение всем движимым и недвижимым имуществом и общее потребление производимого ее членами дохода. Как указывает М. М. Ковалевский, во главе семьи стоял старший по возрасту; если же он заболел или был не способен стоять во главе, семьей руководил тот, «на которого укажет

старший, или же то (лицо.— Б. К.), которое следует за ним в порядке старшинства». Но бывали случаи, когда члены семьи доводили до его сведения свое желание назначить нового старейшину для управления хозяйством. Старейшина подчинялся их выбору и уступал свое место другому. Автор особо подчеркивает, что, в отличие от южных славян, у осетин отсутствовала выборность главы большой семьи, именовавшегося хицау (хозяин) или унафаганаг (управитель).

М. М. Ковалевский приводит данные о правах и обязанностях хицау. Он руководил всеми делами и защищал интересы семьи, включая религиозно-нравственные. Он оберегал честь семьи и требовал наказания за преступления, совершенные по отношению к какому-либо из ее членов, прилагал усилия для увеличения семейного достояния путем покупки или обмена, умелого руководства всей хозяйственной деятельностью семьи. Однако, как указывает М. М. Ковалевский, глава семьи не мог один решать важнейшие хозяйственные дела. Его права были ограничены семейным советом, состоявшим из совершеннолетних мужчин. Только при условии их молчаливого одобрения приобретали обязательную силу совершавшиеся им действия.

Ценные сведения М. М. Ковалевский сообщает и о деятельности старшей женщины (афсин), руководившей всей женской половиной семьи. Обыкновенно ею была мать или жена хицау, а после смерти последнего нередко его вдова. Афсин являлась полноправной хозяйкой кладовой (къабиц), где сосредоточивались съестные припасы, и кухней; она распределяла обязанности среди женщин по дому. «Мытье белья, починка одежды, как и приготовление пищи,— пишет Ковалевский,— падает на младших женщин двора, которые и распределяют эти занятия между собой и при выполнении их соблюдают известную очередь». Характеризуя вопросы, касающиеся имущественного состояния семьи, М. М. Ковалевский отмечает, что, так же как в южнославянских и русских больших семьях, у осетин личный заработок членов семьи непременно передавался в общую семейную кассу. «Если священник, напр., или офицер русской службы,— пишет он,— не делятся со своими родственниками получаемым ими жалованьем, то потому лишь, что не живут с ними в одном дворе» [20, т. 1, с. 102]. Однако, говорит автор, те немногие осетины, которым удавалось служить в местных гарнизонах, выполняли этот обычай. По словам М. М. Ковалевского, эта черта осетинских большесемейных обычаев «указывает на архаический характер последних».

Развитие капитализма на Северном Кавказе, происходившее в рассматриваемое время довольно бурно, а также широкое проникновение товарно-денежных отношений в осетинскую деревню, особенно на равнине, ускорили давно начавшийся процесс распада больших семей у осетин. М. М. Ковалевский, отмечая, что причиной разделов таких семей нередко бывают

ссоры между снохами, в то же время правильно считает, что более важным фактором этого процесса было появление личной собственности у отдельных членов семьи, стимулировавшее их стремление выделиться. «Недаром же пряжа,— пишет он,— является повсюду, а в том числе и в Осетии, одним из первых объектов индивидуального присвоения и получаемый от продажи или обмена ее доход поступает, как общее правило, в личное распоряжение не старшей в семье женщины, а самой пряжи и ее мужа» [20, т. 1, с. 103].

Таким образом, М. М. Ковалевский первый из исследователей обратил особое внимание на необходимость всестороннего изучения осетинской семейной общины, выявил многие ее архаические черты, аналогичные, по его определению, тем, которые были присущи южнославянским и русским большим семьям.

М. М. Ковалевский неоднократно возвращается к изучению осетинской семьи и в последующих главах монографии, посвященных исследованию обычного права осетин в историко-сравнительном плане.

Остановимся на рассмотрении этих глав, и прежде всего главы «Имущественные отношения осетин», содержащей ряд важных теоретических положений автора, порой, правда, не лишенных ошибок. Большой интерес представляет определение М. М. Ковалевским на основе личных наблюдений форм движимой и недвижимой собственности семейной общины. К движимой собственности он относит продукты сельского хозяйства, рабочий скот, лошадей, кухонную утварь, надочажную цепь, медные котлы для варки пищи и т. д., предметы роскоши, сделанные семье ценные подарки, например серебряные или позолоченные вазы, серебряные монеты и т. п., а также некоторые хозяйственные постройки — мельницы, сыроварни, амбары, конюшни, загоны для скота, каналы для орошения полей, пасеки, отдельные составные части усадьбы и т. д. К движимой собственности относились хадзар (общая столовая-кухня) и кунацкая, являвшиеся также общей собственностью семьи. Недвижимой собственностью семейной общины считались пахотные и сенокосные земли, иногда лесные участки [20, т. 1, с. 107, 108].

Научным достижением М. М. Ковалевского является доказательство зарождения частной собственности в недрах первобытнообщинного строя. Существование родового и семейного владения, говорит он, «не препятствовало возникновению с древнейших времен первых зачатков частной собственности сперва на одну движимость, ранее всего на оружие и одежду, позднее и на недвижимость, приобретенную путем применения личного труда в форме займки или первоначального обращения земли под обработку. Эти различные стороны древнейшего права собственности могут быть отмечены и в современном нам быту осетин» [20, т. 1, с. 105]. На основании многочисленных примеров, взятых из обычного права осетин и других индоевропейских на-

родов, автор доказывает появление частного начала первоначально в движимой собственности семейной общины, а затем и в недвижимой. У многих народов, в том числе у осетин, раньше всего в частную собственность перешли оружие и одежда. Позже, особенно с развитием товарно-денежных отношений, членами общины присваивались результаты собственного труда. У осетин это выражалось, в частности, в деньгах, полученных, как уже отмечалось, за пряжу отдельными членами семьи. М. М. Ковалевский считает собственностью и пристройки, которые делали к хадзару для женатых членов семейной общины, и некоторые хозяйственные помещения, которые, по его словам, имели отдельные семьи в общем дворе.

Процесс зарождения частной собственности М. М. Ковалевский прослеживает и в недвижимой собственности осетин и других народов, т. е. собственности на землю. М. М. Ковалевский указывает на существование у осетин в горах родового, общинного и частного владения землей, отмечает земельную тесноту, высокую стоимость земли, особенно пахотной. «...Приходится говорить,— пишет он,— не только о малоземелье, но и о совершенном отсутствии свободной к занятию земли. Число мало- и безземельных возрастает, таким образом, с каждым поколением, а переселение их (имеется в виду на равнину.— Б. К.) немыслимо». Говоря о равнинных осетинах, М. М. Ковалевский считает, что последние восприняли у соседей — русских казаков «общинную форму землевладения».

Наконец, большое внимание в рассматриваемой главе заслуживает выдвинутое М. М. Ковалевским положение о существовании в горной Осетии родового строя и родовых порядков, воспринятых в пережиточной форме семейными и сельскими общинами при распаде рода. «Земля и право пользования ею,— пишет он про осетин,— носит еще отпечаток своего первоначального родового характера... на некоторые ее участки доселе предъявляют притязания все дворы одного и того же рода. Но это далеко не единственное указание на то, что субъектом права собственности на нее на первых порах является целый род и что отдельным дворам принадлежало лишь право временного пользования ею» [20, т. 1, с. 107, 112, 137]. Доказательством этого автор считает переход земли вымерших семей в собственность членов их рода, а также ряд обычаев и обрядов, связанных с некоторыми сельскохозяйственными процессами (одновременный выход членов общества в начале полевых работ на пахоту, на сенокос и т. д.) и свидетельствующих о совместном некогда производстве сельскохозяйственных работ.

В горах Осетии — в Тагаурском, Куртатинском, Алагирском ущельях — М. М. Ковалевский находил только подворное частное землепользование, возникшее из родовой собственности. О феодальной земельной собственности в Осетии он даже не упоминает.

Следующая глава монографии посвящена характеристике вопросов, относящихся к договорному праву осетин, которое в связи с почти полным отсутствием личной собственности в семейной общине, по словам М. М. Ковалевского, не получило у них развития и «находилось в зародышевом состоянии». Вместе с тем осетинский материал дал возможность автору исследовать ряд важных сторон договорного права — «одного из самых темных вопросов в истории права». М. М. Ковалевский особо подчеркивает, что непосредственное наблюдение зарождения договорного права у осетин даст очень много «для проверки тех положений, на которых построена современная история договора» [20, т. 1, с. 145]. Но если осетинское обычное право оказывает большую услугу юридической науке древности, «то, в свою очередь, оно может быть понято лишь с ее содействия, нуждается в обстоятельном историко-сравнительном комментарии».

Прежде всего М. М. Ковалевский останавливается на характеристике договорных прав главы семейной общины, приводя интересные данные о его правах и обязанностях, свидетельствующие в целом о явно демократическом характере осетинской большой семьи, или семейной общины.

По словам автора, хотя глава общины считался «полноправным распределителем имущества» семьи, его права были и в этом отношении ограничены семейным советом. Как отмечалось, он не мог заключить договор на продажу или покупку имущества без согласия совершеннолетних мужчин — членов семейной общины. Только при устройстве поминок он мог действовать самостоятельно, нередко доводя семью до полного разорения. М. М. Ковалевский указывает и на ряд других черт договорного права семьи, в частности на то, что если на семейное имущество претендовали два покупателя и один из них был родственник, то предпочтение давали последнему. Можно было продавать корову, быка, лошадь, все движимое имущество, но нельзя было продать ни котла, в котором варилась пища, ни цепи, к которой он подвешен. Во всех этих установлениях, присущих и некоторым другим кавказским народам, М. М. Ковалевский видел много общего с бытом индусов, кельтов и других индоевропейских народов. Так, говоря о правах главы семейной общины, он пишет, что «никто, кроме старейшины, не вправе заключить договор или, вернее сказать, что ни один договор, как личный, так и имущественный, не может быть совершен помимо его ведома и согласия. Формальное признание такому началу дают индусские своды» [20, т. 1, с. 153—154].

Характеризуя имущественные права семейной общины, М. М. Ковалевский вновь возвращается к рассмотрению процесса появления в ней индивидуальной собственности, приведшего в конечном счете этот родственный коллектив к распаду. «Появляющаяся таким образом индивидуализация имуществен-

ных прав,— пишет он,— ведет к образованию отличной от семейной частной собственности. Пряжа, не идущая на удовлетворение потребностей семьи, остается в руках пряжи и ее мужа, военная добыча — в руках отважившегося на нее, наемная плата идет тому, кто поступил в услужение, арендная — хозяину земли и т. п. Возвращаясь из чужбины, куда он ушел на заработки, член семейства не считает более обязанностью делиться с нею своим приобретением».

Находясь в 80-е годы XIX в. на Кавказе, М. М. Ковалевский был очевидцем распада осетинских семейных общин, вызванного развитием капитализма и ростом товарно-денежных отношений. «Увеличившееся за последнее время число разделов,— говорит он,— причина тому, что собственность, как недвижимая, так и движимая, все чаще и чаще поступает в Осетии в обмен» [20, т. 1, с. 155—157].

В осетинском праве М. М. Ковалевский строго различал два вида имущества, имевшие свои наименования: первое, доставшееся по наследству, называлось фыдыбын (букв. «отцовское дню»); второе, приобретенное «частной предприимчивостью», — хазна.

М. М. Ковалевский особо подчеркивает, что при распаде семейной общины разделу подвергалось все имущество, за исключением надочажной цепи и котла. Это он объясняет семейным культом осетин и сравнивает этот факт с подобным обычаем у древних греков и римлян.

Выделившийся из семейной общины становился неограниченным хозяином своей доли и имел право заключать всякого рода договоры и брать на себя обязательства.

По оценке М. М. Ковалевского, осетинское договорное право в рассматриваемое время переживало переходный период; с одной стороны, оно теряло свои архаические черты, а с другой — воспринимало новые под влиянием русского законодательства. Результатом такого влияния, например, было появление более совершенных форм договоров вместо древней формы — свидетелей, за которыми признавали право доказывать перед посредниками совершение сделки.

Осетины, подобно южным славянам или средневековым германцам, заключали формальные договоры при продаже как движимой собственности, так и недвижимой. Одним из древнейших видов таких договоров было протягивание руки или рукобитье, применявшееся при продаже движимой собственности. По словам М. М. Ковалевского, этот вид договора практиковался «на протяжении всего средневекового Запада до эпохи постепенной замены его консенсуальным под влиянием канонического и римского права» [20, т. 1, 173]. У осетин же рукобитье, известное под названием хуцаукъух («божья рука»), оставалось до недавнего времени единственным способом заключения договоров. При этом оно происходило обыкновенно в при-

сутствии свидетелей, «которые, таким образом, приобретают возможность заявить о нем, в случае надобности, и суду». Указывая на такой же способ заключения договора путем рукобיתья в Зенд-Авесте, М. М. Ковалевский видит в этом свидетельство иранского происхождения осетин. Между тем этот способ заключения договора был широко известен по всему Кавказу.

Не менее важно описание М. М. Ковалевским заключения формального договора у осетин при продаже недвижимой собственности, прежде всего земли. По обычаю, покупатель обязан был устраивать поминки в честь предков продавца и непременно на купленном участке. Из этого автор заключает: «Поминки эти невольно переносят нас во времена древней Греции, в которой нельзя было купить дома и земли без того, чтобы не совершить жертвоприношения...» В целом, как справедливо отмечает М. М. Ковалевский, за неимением своей письменности осетины не могли перейти к более совершенным формам заключения договора. Он отмечает у них лишь употребление деревянных дощечек с бирками, «на которых каждая новая статья договора обозначалась особым надрезом» [20, т. 1, с. 175—177].

По данным М. М. Ковалевского, до 1869 г., т. е. до крестьянской реформы, заключать договор в Осетии не имели права рабы, «приравнивавшиеся обычаем к вещам». В дореволюционной Осетии этого права были лишены и женщины. Заключенные ими соглашения считались недействительными без согласия их мужей и отцов. Только вдова могла распоряжаться своим выделом самолично, однако договоры заключались ею или с вedom старшего брата покойного, который после него являлся главою патронимии, или с вedom того из ее сыновей, с которым она поселилась после раздела.

Договор считался недействительным, если при заключении его были скрыты те или другие недостатки в объекте договора. В качестве примера М. М. Ковалевский приводит один из видов брачных договоров осетин — венчание несовершеннолетних детей; жених, узнав о физических недостатках или болезни заведенной девушки, отказывался от нее и нарушал договор. М. М. Ковалевский указывает на весьма распространенный в прошлом у горцев древний обычай — барантование, по которому у лиц, не уплативших долга, насильственно отбирали имущество: деньги, табуны лошадей, рогатый скот и т. д. Барантование часто приводило к кровавым стычкам между родственными коллективами и обществами и уходу населения в другие места. «Практикуемое здесь барантование, — пишет ученый, — осуществляется при подмоге родственников, односельчан, т. е. носит еще все признаки родового самоуправства» [20, т. 1, с. 183—186].

Касаясь таких институтов юридического права, как задаток, залог, заем-ссуда, М. М. Ковалевский показывает, что первые два появились у осетин сравнительно недавно под влиянием

русских, а заем-ссуда представляет собой древнейший институт, уходящий в глубь веков. Осетинский заем характеризовался рядом особенностей. Он производился предметами, а не деньгами; должник обязан был вернуть кредитору тот самый предмет, какой был им взят. Если требование это не было исполнено, получивший ссуду должен был уплатить двойную цену взятого им в ссуду. Заем мог быть бессрочным.

М. М. Ковалевский подробно останавливается на характеристике долгового права осетин, привлекая для этого как личные наблюдения, так и литературные и архивные материалы и данные договоров, применявшихся при пахоте и содержании скота, а также при найме пастухов. Автор справедливо отмечает, что «развитие долгового права началось у осетин в эпоху совершенного незнакомства их с денежными знаками» и что меновой единицей у них до недавнего времени являлась корова [20, т. 1, с. 205—210]. М. М. Ковалевский неоднократно отмечает, что в период его пребывания в Осетии, да и позже, ссужали здесь не деньги, а предметы, т. е. скот, главным образом коров. «Взявший корову в ссуду,— пишет он,— обязан вернуть ее в конце года вместе с теленком». Этот обычай, как и ряд иных, относящихся к осетинскому долговому праву и встречавшихся у других кавказских горцев, М. М. Ковалевский ошибочно считает наследием индоевропейских народов.

Внимания заслуживает объяснение М. М. Ковалевским происхождения осетинского охотничьего обычая — деления между охотниками поровну убитого ими зверя; в нем автор видит сохранение древнейшей практики «раздела военной добычи поровну между всеми участниками предприятия». В качестве подтверждения этого М. М. Ковалевский ссылается на нартские сказания, где действительно отражен этот военный обычай предков осетин.

Наконец, М. М. Ковалевский указывает еще на один вид договора в древнем обычном праве осетин — на поручительство (фидар), возникшее, по его словам, в условиях «родового быта и той солидарности, какая существовала при нем между лицами одной крови». Позднее осетинский фидар в результате практики русских судов потерял эти черты и сделался «добавочной статьей ко всякого рода соглашениям» [20, т. 1, с. 211, 224, 230].

Большой интерес представляет следующий раздел монографии, посвященный характеристике семейного права осетин. Он состоит из двух подразделов: «Брачное право» и «Союз родителей и детей». В каждом из них решается комплекс вопросов, касающихся многих сторон осетинской семьи и семейной обрядности, в частности свадебных и родильных обычаев. Весьма ценно то, что автор, анализируя различные обычаи и архаические институты, пытается выяснить их происхождение. Подобного кавказоведение до М. М. Ковалевского не знало.

В брачном праве осетин М. М. Ковалевский прежде всего отмечает наличие моногамной семьи, сохранившей в то же время «следы недавней полигамии». При этом случаи многоженства, по утверждению автора, были распространены среди мусульман и христиан. Более того, М. М. Ковалевский считает, что у христиан, например, в Центральной Осетии — в Нарской котловине, в Мамисонском, Закинском, Зругском и других ущельях — этот обычай имел большее распространение, чем в Дигории или Тагаурии, где, как известно, преобладало мусульманское население и феодалы, ярые приверженцы ислама, имели право содержать номылус; шариат не запрещал и другим осетинам-мусульманам иметь несколько жен. На самом деле в XIX в. многоженство было наиболее распространено именно в тех районах Осетии, которые были населены мусульманами и где выделился господствующий феодальный слой. Правда, ученый как бы мимоходом подчеркивает, что «многоженство в Осетии составляет завидный удел одних зажиточных высших сословий» [20, т. 1, с. 240], не указывая конкретно, кого он имеет в виду.

Повсюду в Осетии, писал М. М. Ковалевский, существует обычай, по которому муж имеет право брать вторую жену в случае болезни или бесплодия первой. Он приводит большой фактический материал, характеризующий положение номылус и ее детей в социальных условиях осетинского общества [238—241]. В результате существования указанной формы брака в Осетии возникла целая социальная категория, представители которой назывались у осетин-иронцев кавдасардами, а у осетин-дигорцев — кумяками. Это были самые бесправные, эксплуатируемые слои осетинского феодального общества.

Отметим, что происхождение полигамного брака у осетин и его распространение М. М. Ковалевский объясняет прежде всего религиозными мотивами, в частности культом предков, а затем лишь экономическим фактором — стремлением осетин, живших, по его словам, в отдаленных горных районах, иметь больше рабочих рук. Однако М. М. Ковалевский не был в этих районах и поэтому не мог знать истинного положения вещей. Для освещения данного вопроса, как и некоторых других, он брал материал из вторых и даже из третьих рук.

Большое внимание М. М. Ковалевский уделяет и калыму, или выкупу за невесту, и умыканию, являвшимся, по его словам, повсюду «древнейшим способом установления брачного сожития». Он отмечает разорительный характер калыма, приводит данные о его стоимости; калым оплачивался исключительно скотом в различном количестве, в зависимости от социальной принадлежности вступающего в брак. По утверждению автора, еще в 50-х годах XIX в. жители осетинских обществ — Дигории, Куртатии и Тагаурии — отдавали за невесту от 60 до 100 волов. При этом для высшего сословия в Тагаурии и Куртатии калым (ирад) составлял 100 быков стоимостью 1000 руб. «В счет

ирада отдавался также малолетний раб или, взамен его, 120 руб. деньгами и панцирь, цену которого трудно определить». В Куртатии волов заменяли коровы. Среднее сословие — фарсаглаги — платили стоимость 60 коров или 30 быков, а кавдасарды — от 30 до 38 коров. В Алагирском обществе, не знавшем сословий, калым составлял 38 быков. М. М. Ковалевский особо подчеркивает, что если у семьи жениха не хватало волов, то взамен их могли отдавать коров, баранов, оружие, ценную утварь по следующей расценке: корова с двумя баранами шла взамен быка, ружье (крымское) оценивалось в шесть быков, шашка — в два-три, большой пивоваренный котел оценивался в шесть быков и т. д.

Нужно заметить, что данные о калыме, взятые в основном из осетинских адатов, не отражают, по-видимому, реального положения вещей в XIX в. Трудно поверить, чтобы крестьянин-горец мог отдавать такое количество скота в счет калыма или иметь столько ценных вещей. Ведь известно, что многие фарсаглаги, не говоря уже о кавдасардах, не имели даже своего надела земли. Это особенно относится к алагирцам, наиболее безземельным из всех осетин. Тем не менее в уплату ирада, по данным автора, они должны были давать 38 волов.

М. М. Ковалевский обратил внимание на ряд важных обычаев брачного права осетин, в том числе на обычай, по которому жених дарил отцу невесты фаты-бах (букв. «конь стрелы») — резвого скакуна, матери невесты — мады-бах (букв. «конь матери») и брату матери невесты — мадыарвады-бах — коня или мадыарвады-гал — вола. Этот обычай, свидетельствующий о сохранении у осетин института, известного в этнографии под названием авункулат, представляет особый интерес.

М. М. Ковалевскому принадлежит заслуга открытия у осетин этого древнейшего института, восходящего к эпохе матриархата. «Осетинский обычай, — пишет он, — делать при сватании подарок не только агнату, но и ближайшему когнату невесты в полном смысле слова может быть назван архаичным».

М. М. Ковалевский упомянул и о той плате (накях), которая наряду с калымом предназначалась самой невесте на случай развода у осетин-мусульман; если развод совершался по вине мужа, то плата эта передавалась его жене. Сама свадьба также требовала от брачащихся больших расходов. Достаточно отметить, что свадебная свита, достигавшая 60—120 человек, пиновала в доме невесты двое суток, а свадьба в доме жениха продолжалась в течение нескольких суток. Народ восставал против этих и других разорительных обычаев, вынося на своих всенародных собраниях специальные постановления, не раз упоминавшиеся М. М. Ковалевским. «Не трудно вывести то заключение, — писал он, — что купля невест — явление, не вполне еще исчезнувшее из осетинского быта, формальная от-

мена¹ ее воспоследовала не далее пяти лет назад, а на практике она продолжает держаться и поныне» [20, т. 1, с. 245, 248].

Другим, не менее архаическим и вредным обычаем было заключение брака путем похищения или умыкания невесты, по словам М. М. Ковалевского распространенное по всей Осетии. В то же время он отмечает, что к этой форме брака осетины прибегают довольно редко, при «отказе родственников выполнить заключенный ими же самими брачный договор». М. М. Ковалевский указывает и на другие причины, приводившие к умыканию, и прежде всего на огромные размеры выкупа, а также на отсутствие прав у молодых людей вступать в брак по своему выбору. Он пишет о мерах, которые принимались уже в его время против этого обычая.

Пережиточные формы умыкания он обнаруживает в осетинской свадьбе. «Следы широкого господства в старые годы обычая похищать жен,— пишет он,— сохранились и доселе в осетинском свадебном ритуале, который по своей архаичности заслуживает более внимательного изучения со стороны историков права» [20, т. 1, с. 249]. Следы похищения невесты М. М. Ковалевский видит в нападках односельчан на дружков жениха во время их пребывания в доме родителей невесты. Выражалось это в том, что аульская молодежь воровала у них шапки, башлыки, уздечки или подпруги для лошадей и т. д. На просьбы вернуть похищенное им отвечали насмешками. Пережитком древнего умыкания М. М. Ковалевский считает и нападение девушек со стороны невесты на шафера, а также поведение жениха в день свадьбы и после нее: жених не присутствовал на своей свадьбе; он скрывался в доме дружка, откуда после свадьбы приходил тайком к жене.

К пережиткам умыкания М. М. Ковалевский относит еще один обычай избегания у осетин, связанный с поведением молодых. «В свою очередь,— пишет он,— жена в течение двух и более лет после свадьбы, а тем более ее муж не вправе показаться, по обычаю, в доме тещи, что, разумеется, может быть объяснено лишь той враждебностью, какую в прежние годы вызывало в матери невесты похищение ее женихом» [20, т. 1, с. 25].

Не менее важен в осетинском свадебном цикле обряд приобщения молодой к новой семье: она трижды обходила вокруг очага, знакомясь со свекровью, и с ее головы торжественно снимали платок (коленкор). Все эти обряды М. М. Ковалевский объясняет религиозными мотивами, культом предков. По мнению автора, в них отражено убеждение, что «с переходом в чужую семью невеста разрывает свою связь с культом своей семьи и вступает в новую, с предками мужа». Чтобы с молодой же-

¹ Имеется в виду распоряжение начальника Военно-Осетинского округа генерала Кундухова от 1879 г. об отмене калыма.

ной, говорит Ковалевский, не проникли в семью те «домашние гении», которым она молилась до брака, и не сделались там для нее злыми духами, шафер не только у осетин, но и у сванов держит над головой обнаженный кинжал, размахивает им и поражает невидимых демонов, старающихся проникнуть вместе с молодой в семью ее мужа. Несомненно, М. М. Ковалевский преувеличивает значение религиозных мотивов во всех указанных обрядах, преследовавших одну важную цель — приобщить молодую к новой семье, в которой ее судьба во многом зависела от доброго расположения к ней свекрови. «Вступая в дом мужа,— пишет он,— молодая осетинка не рассчитывает сразу сделаться в нем хозяйкой; эта роль принадлежит... в каждом дворе обыкновенно старшей по возрасту, всего чаще свекрови, под начало которой и поступает принятая в дом жена».

М. М. Ковалевский приводит много данных, свидетельствующих о тяжелом и бесправном положении женщины в семейной и общественной жизни. Большая часть работы по хозяйству лежала на женщине. Осетинки из простого сословия не только выполняли домашние занятия (готовили пищу, шили одежду, обрабатывали шерсть и т. д.), но и ухаживали за скотом, работали в поле. «По всей Осетии,— утверждает М. М. Ковалевский,— мужчина работает меньше женщины, и производимая работа сравнительно легче». Что же касается женщин из высшего сословия, то единственным занятием их было шитье золотом, «до которого местные алдары были большие охотники» [20, т. 1, с. 255]. Всем домашним хозяйством феодалов, в том числе и распределением продуктов, ведали номыусы.

До 1866 г. женщины-христианки в Осетии не имели имущественного права. При разводе женщина могла получить из имущества только личную одежду и украшения. Лишь в конце 60-х годов XIX в. треть выкупа (калыма) отдавалась в пользу невесты — на случай развода. У осетин-мусульман, как отмечалось, существовал накях — известное обеспечение на случай развода.

М. М. Ковалевский подчеркивает, что «осетинский обычай» признавал «за мужем неограниченную свободу во всякое время прогнать жену... но не иначе, как под условием потери им всего калыма». Это было одной из главных причин того, что разводы в Осетии встречались редко. Мотивом к разводу, по словам автора, была неверность жены, бесплодие или физические недостатки. «Оставить мужа,— пишет он,— жена в прежние времена была не вправе, да и в наши дни развод по обоюдному согласию возможен только среди мусульман, у которых он дозволен шариадом» [20, т. 1, с. 256, 257]. Как у всех горцев, дети при разводе у осетин оставались при отце, независимо от его вероисповедания.

Бесправие осетинок не менее ярко прослеживается и в имущественном праве вдовы. Достаточно отметить, что после смер-

ти мужа вдова, выходя снова замуж, ничего не получала из домашнего имущества. Оставляя семью, она не вправе была требовать себе выдела.

Наряду с весьма ценными наблюдениями и выводами в оценке М. М. Ковалевским брачного права осетин имеются и ошибочные положения. Так, М. М. Ковалевский приписывал осетинам снохачество, подобное тому, которое встречалось в ряде районов России. М. М. Ковалевский имеет здесь в виду редко встречавшийся осетинский обычай, по которому малолетнего сына женили на девушке-подростке, в результате чего, по словам автора, молодая по вступлении в брак якобы становилась наложницей свекра. Существование снохачества, как такового, у осетин не находит подтверждения в литературе как до М. М. Ковалевского, так и после него.

Характеризуя брачное право осетин, М. М. Ковалевский заключает, что в нем «сохранилось немало следов, пережитых арийскими народами» [20, т. 1, с. 259]. Наследием последних он считает и существование у осетин левирата — древнейшего института, известного у многих народов мира, в том числе и на Кавказе. Левират, сохранявшийся, по словам автора, еще недавно в быту осетин «во всей его силе», делится им на два вида: классический левират и обычай, который, судя по единственному источнику, имел распространение только у осетин-дигорцев. В опубликованных дигорских адатах о нем говорится: «Если кто имеет хорошую жену, которая не родит, то он берет другую с уплатой калыма, а бездетную отдает чужому холостому мужчине, дети от которого принадлежат, однако, первому мужу, потому что он заплатил калым. Холостой же не вправе называть этих детей своими: такая жена называется „дуккагоса“» [20, т. 1, с. 266—267]. Конечно, обычай этот, имевший, по мнению автора, близкие аналогии с подобным ему обычаем у индусов и других индоевропейских народов, ничего общего не имел с классическим левиратом. Собирая материал в Осетии по этому древнейшему институту, М. М. Ковалевский писал: «Обращаясь к осетинам, мы находим у них, правда не в наше время, а на расстоянии немногих лишь десятков лет от него, оба вида левирата». Уже во времена М. М. Ковалевского эта форма брака в Осетии была весьма редким явлением.

«Обломки этого института,— пишет М. М. Ковалевский,— занесенные арийскими народами в Азию и Европу, были удержаны их правом... сперва религиозным, позднее экономическим мотивом. Замечательно, что как в индусском, так и в греческом праве левират тесно связан с культом предков» [20, т. 1, с. 266, 268, 270]. Этими же мотивами М. М. Ковалевский объясняет существование левирата и у осетин, наибольшее значение придавая религиозным факторам, хотя и подчеркивая важность экономического.

М. М. Ковалевский пишет, что семья, не желая давать большого выкупа за невесту, женила кого-нибудь из неженатых мужчин на вдове, рассчитывая достигнуть «обеих целей: рождения потомка, способного продолжить семейный культ, и сохранения полезной для семьи работницы» [20, т. 1, с. 272].

К брачному праву осетин М. М. Ковалевский относит и сферу взаимоотношений родителей и детей. При этом особое внимание обращается на обряды, связанные с рождением детей, делается попытка определить происхождение некоторых из этих обрядов.

Прежде всего М. М. Ковалевский указывает на разное отношение горцев, в том числе осетин, к рождению мальчика и девочки. Появление мальчика вызывало радость и торжественно отмечалось, а рождение девочки встречалось без всякого восторга. При совершении обряда снятия платка с головы новобрачной хызисаг желал ей девять мальчиков и одну девочку. По другому, также весьма архаическому обряду молодой сажали на колени двух- или трехлетнего мальчика в надежде на то, что она непременно будет иметь сына. М. М. Ковалевский указывает на существование у осетин и такого обряда, связанного с рождением сына, особенно первенца: первому, кто сообщал об этом событии, отец делал подарок, состоящий, по словам автора, из кинжала, пояса или шапки, смотря по состоянию. Ценные вещи, баранов и т. д. дарили вестнику радости и родственники мужа. Такое предпочтение сына перед дочерью объяснялось тем, что он, по народному воззрению, являлся единственным продолжателем рода.

М. М. Ковалевский объясняет этот обычай своим излюбленным доводом — культом предков. «В народе, в котором культ предков успел пустить глубокие корни, заботливость о рождении сына преимущественно перед дочерью совершенно понятна,— пишет он,— не для одних греков сын является „спасителем домашнего очага“, не будь его у осетин, кто бы стал совершать по нем поминки, те многочисленные „хисты“, на которых так часто разоряются горские семьи?». По словам автора, только сын от законной жены отца (имеется в виду сословие феодалов) мог совершать эти поминки. В то же время осетинские феодалы были не против рождения у их номылус и девочек, которые доставляли им известный доход как даровые работницы до свадьбы, с выходом же их замуж отец получал за них определенный обычай ирад. Говоря о законных дочерях феодалов, М. М. Ковалевский отмечает, что «они проводят время в бездействии» [20, т. 1, с. 277, 278].

Известно также, что с рождением первенца коренным образом менялось положение в семье женщины — матери ребенка. Теперь она становилась ее равноправным членом во всех отношениях. Если ранее, отмечает М. М. Ковалевский, она обязана была избегать встречи со старшими родственниками мужа, го-

ворила тихо, полушепотом, то теперь она свободно «может встречаться с каждым и говорить с ним как заблагорассудится». Перемена в судьбе молодой матери отмечалась и в самом наряде, в частности в изменении головного убора. По утверждению М. М. Ковалевского, прежде женщина «не была покрыта ничем», теперь она завязывала голову треугольным куском легкой материи, называемым шарбадтан. Все эти обычаи Ковалевский объясняет пережитками группового брака, особенно же развитием его последней стадии. «Покрытие шарбадтан,— пишет он,— не более как внешнее выражение того, что жена исполнила свою миссию и заслужила тем самым быть поставленной во дворе мужа в одинаковое положение с прочими женщинами-матерями» [20, т. 1, с. 280].

Внимания заслуживает и сообщение М. М. Ковалевского, основанное на литературных данных и личных расспросах осетинских стариков, о том, что в далеком прошлом в ряде мест Центральной Осетии горцы, живя в условиях острого безземелья и нищеты, убивали своих новорожденных детей — девочек. Хотя мы не располагаем никакими данными, кроме устных преданий, о степени распространенности этого явления, но одно ясно, что оно было обусловлено экономическими факторами: отсутствием земли и средств к существованию. М. М. Ковалевский, говоря об этом социальном пороке, незаслуженно упрекает горцев в том, что они превышали свои родительские права и у них не было «особой нежности к детям». М. М. Ковалевский указывает на существование у осетин широко встречавшегося у всех горцев обычая избегания, по которому ласкать детей при посторонних лицах считалось предосудительным.

М. М. Ковалевскому принадлежит заслуга открытия у осетин института аталычества, известного также абхазо-адыгским народам. Он особо подчеркивает, что высшие сословия в Дигории и Тагаурии предпочитали не воспитывать детей у себя дома и обычно «отдавали их кому-либо из своих фарсаглагов до совершеннолетия». Принявший ребенка в дом становился аталыком его отца и не только получал от него богатые подарки, но и был близким ему человеком. Описывая этот древнейший обычай у осетин, М. М. Ковалевский в то же время ошибочно считает его заимствованным у кабардинцев, оказавших, по его словам, большое влияние «на выработку этикета и приличий» у всех соседних горцев. Однако известно, что аталычество имело широкое распространение еще у предков осетин — алан, о чем, например, свидетельствуют осетинские нартские сказания, в которых отражены многие стороны быта этого народа, в том числе обычай аталычества. Несомненно, этот институт, уходящий своими корнями в глубь веков, самостоятельно развивался и у других народов Кавказа [110, с. 198].

М. М. Ковалевский, анализируя сравнительный материал, справедливо относит возникновение аталычества к эпохе мат-

риархата. «Развитие на такой почве обычая,— пишет он,— могло сохраниться у одного народа и исчезнуть у другого, он мог (обычай.— Б. К.) со временем сделаться и предметом заимствования, как это, по всей вероятности, и имело место по отношению к осетинам» [20, т. 1, с. 284]. Бытование аталычества в Осетии М. М. Ковалевский зафиксировал только в двух районах — в Тагаурии и Дигории, что также согласуется с позднейшими этнографическими данными. В других осетинских районах этот обычай, встречавшийся у наиболее зажиточной части населения, исчез, по-видимому, уже давно, после монгольских войн и оттеснения алан — осетин в горы Центрального Кавказа.

М. М. Ковалевский изучал и другие черты семейного уклада осетин: отношения между родителями и детьми, права отца по отношению к детям от законных жен, а также от номылу, отношение к старшим и т. д. М. М. Ковалевский подчеркивает, что в осетинской среде дети призваны оказывать почтение не только своему отцу, но и всем старшим по возрасту родственникам. Сын не смеет сесть при отце без его формального разрешения. В целом, по данным автора, в тогдашней осетинской семье господствовало два начала: безусловное повиновение отцу и неограниченное право последнего «наказывать своих детей».

Непререкаемой была родительская воля при выдаче дочери замуж или женитьбе сына. «Обыкновенно молодая девушка,— пишет Ковалевский,— мирится со своей судьбой и по воле родителей проводит жизнь с нелюбимым ею человеком. Не стесненные в своем выборе волею брачащихся, родители обыкновенно устраивают свадьбы по соображениям личной или, вернее сказать, семейной пользы». При этом, поскольку преследовалась цель получения большого выкупа за невесту, родители девушки старались породниться с богатым и знатным родом. М. М. Ковалевский приводит интересные данные из разных судебных документов, свидетельствующие о заключении подобных браков. Если сын, женившись не по своей воле, узнавал, что его жена больна или имеет физический недостаток, он отправлял ее обратно в родительский дом, стараясь при этом получить выплаченный за нее калым. Для нас имеет важное значение и другое замечание автора: «Постыдным считалось женить сына на девушке низшего по сравнению с ним общественного положения,— пишет он,— почему алдары, как общее правило, женились только на дочерях алдаров или иноплеменных княжнах». «Девушку выбирают в невесты за ее родовитость» [20, т. 1, с. 285—290],— гласит осетинская поговорка. Однако, отмечает Ковалевский, в последнее время осетинские феодалы стали отходить от этого правила и позволяют себе вступать в родственные отношения с фарсаглагами, но зато последние, по его словам, никогда не вступали в брак с кавдасардами.

Касаясь формы брака у осетин, М. М. Ковалевский отмечает наличие у них строгой экзогамии. Наряду с тем он находит,

что в Осетии «часты браки на сестрах покойных жен». Однако утверждение автора о широком распространении таких браков, основанное на его личном наблюдении, не подтверждается этнографическими данными, которые свидетельствуют лишь о частичном бытовании указанной формы сорората в ряде мест Осетии в прошлом.

Подводя итог сказанному о правах отца, М. М. Ковалевский отмечал, что тот, являясь безусловным повелителем «над жизнью и смертью своих детей», в то же время не вправе прогнать сына из дома без имущественного обеспечения, без выдела ему известной части семейного достояния [20, т. 1, с. 293]. Объясняется это, по словам автора, тем, что отец не являлся полновластным хозяином имущества семьи; он был лишь совладельцем его; таким же совладельцем наравне с отцом выступал и сын, который должен был получить свою определенную долю. Роль отца заключалась в том, чтобы сохранить общее достояние семьи, увеличить ее богатство. Поведение отца в отношении имущественного состояния дочерей также определялось обычаем. Здесь М. М. Ковалевский указывает, в частности, на причину отсутствия у осетин приданого. Он говорит, что отец при всем желании не мог дать дочерям приданое, так как оно пошло бы в чужую семью. В то же время Ковалевский подчеркивает, что размер подарков дочери нередко соответствовал размеру приданого.

Заслугой М. М. Ковалевского является изучение им обычного права двух эксплуатируемых категорий осетинского общества — кавдасардов и рабов, из которых первые иногда освобождались от зависимости и становились фарсаглагами. М. М. Ковалевский, основываясь главным образом на документах обычного права осетин, подробно характеризует различные стороны жизни кавдасардов и рабов, их тяжелое положение. Уже при рождении кавдасарда, указывает он, отец решал вопрос о дальнейшей судьбе ребенка. Он мог оставить его при общем дворе на правах работника или же выделить ему место для поселения и небольшой пахотный и сенокосный участок земли, с которого он обязан был выплачивать определенную подать. Отец женил сына-кавдасарда по своей воле, заплатив вместо него калым, выдавал дочь-кавдасардку замуж тоже по своему усмотрению, получая за нее выкуп. В то же время феодал не имел права продавать или дарить своего кавдасарда. Здесь мы узнаем, что последний освобождался от феодальной зависимости и переходил в разряд фарсаглагов лишь тогда, когда выманивало все мужское поколение от законной жены отца.

Наконец, М. М. Ковалевский указывает и на некоторые фиктивные браки, практиковавшиеся иногда у осетин в старину с целью нажить детей мужского пола для продолжения рода. Так, по осетинским адатам, вдова могла прижить с кем-либо сына, который считался сыном ее умершего мужа и мог насле-

довать все его имущество. Однако для этого требовалось согласие ближайших родственников покойного. «Осетины, подобно древним индусам,— пишет М. М. Ковалевский,— готовы на все жертвы, их не останавливает даже страх нарушить чистоту крови введением в семью совершенно посторонних элементов» [20, т. 1, с. 304].

Одной из неизученных проблем осетинской этнографии до М. М. Ковалевского была и система родства, которая из-за отсутствия источников могла быть исследована только на основе полевого материала, добытого ученым непосредственно на местах [20, с. 304]. Анализируя этот материал, Ковалевский убедился, что в осетинском языке мало терминов, обозначающих различные степени родства; у осетин наименование имеют только близкие родственники — отец, мать, сын, дочь, брат, сестра; более отдаленные (дед, бабушка, дядя, тетка, внуки и т. д.) у них, как у многих других народов Кавказа, называются описательно. Такие степени родства, как внук и племянник, вообще не различаются осетинами. «О правнуке, как и о сыне племянника, они говорят, как о лице, принадлежащем к потомству вообще, или так называемому цот (т. е. цауат.— Б. К.)» [20, т. 1, с. 308]. М. М. Ковалевский полагает, что счет родства у осетин велся по отцовской линии и лишь много позже к нему был приложен счет родства по матери. В целом же развитие патриархальной семьи осетин, как самой системы родства, по его мнению, протекало так же, как и развитие семьи у других индоевропейских народов. К сожалению, неизученность системы родства у кавказских народов не дает возможности судить о том, правильно ли это суждение. Однако, несомненно, осетины имеют много общего в системе родства со своими многочисленными соседями.

Наряду с патриархальным началом системы родства осетин М. М. Ковалевский признает существование в их быту многочисленных пережитков материнского рода. Среди них он особо выделяет роль дяди по матери (мадыфсымар). «Сознание родства с когнатами,— пишет М. М. Ковалевский,— наглядно выражается у осетин в факте запрещения браков между двоюродными братом и сестрой по матери, а также в том, что брат матери, так называемый мадыафсымар, при уплате женихом прада сверх получаемого им подарка (мадырвады бах) вправе требовать еще предоставления ему в Дигории отцом невесты двух быков или стоимости их» [20, с. 310]. Существование авункулата со столь своеобразными архаическими чертами, уходящими в эпоху матриархата, не подтверждается у других народов Кавказа. Возможно, это объясняется этническими традициями осетин, идущими от их ираноязычных предков, в частности сарматов. Пережитки матриархата М. М. Ковалевский находит и в обычае, по которому женились на сестре первой жены. Эта форма брака, по словам автора, имела у осетин в старину широкое

распространение. Позже, отмечает он, такие браки были у них запрещены духовенством. Тем не менее, как свидетельствуют позднейшие этнографические данные, они еще практиковались в ряде мест Осетии. Из двух видов родства, существовавших в Осетии,—«духовного и фиктивного» наиболее широко, по мнению М. М. Ковалевского, было распространено фиктивное родство, к которому он причисляет ряд древних обычаев осетин: наречение, аталычество, побратимство и др. При описании каждого из них автор дает ценные сведения из осетинских адатов, дополняя их собственными наблюдениями. Так, по словам М. М. Ковалевского, новорожденному давал имя тот, кто первым подходил к его люльке. «Имя это,— пишет он,— подошедший выбирает по своему усмотрению, обыкновенно им служит название того или другого зверя, дикого или ручного. Сверх этого имени осетин получает еще другое, христианское или магометанское, смотря по вероисповеданию... Между собой же осетины зовут друг друга языческими именами» [20, т. 1, с. 312].

Следует отметить, что христианские имена появились у осетин намного раньше мусульманских в период христианизации алан. Кроме того, у них сохранилось большое число аланских имен, ошибочно называемых Ковалевским языческими. Утверждение автора, что осетины часто давали новорожденным имена диких зверей и домашних животных, не подтверждается также никакими данными.

«Весьма тесным родством,— пишет М. М. Ковалевский,— считается осетинами то начало, которому кладет вскармливание ребенка грудью, а также воспитание его избранным отцом, воспитателем, аталыком». Хотя об аталычестве уже говорилось, нельзя не упомянуть о некоторых деталях этого обычая, которые здесь сообщаются. Автор, в частности, утверждает, что аталычество в Осетии распространено «среди одних старшинских семей». «Только в Дигории,— пишет он,— и свободные люди, фарсаглаги, имеют обыкновение отдавать своих детей на вскармливание и воспитание» [20, т. 1, с. 312—313]. К сожалению, М. М. Ковалевский не уточняет, кому и куда дигорские фарсаглаги отдавали своих детей на воспитание.

Внимания заслуживает описание М. М. Ковалевским и другого «фиктивного родства» осетин — побратимства, одного из древнейших обычаев этого народа, уходящего корнями в скифскую эпоху. «Желающие,— пишет он,— вступить между собою в ту тесную связь, которая обнимается понятием побратимства, обыкновенно пьют из одной чаши, бросивши в нее предварительно какую-нибудь мелкую монету; при этом произносится молитва, чтобы братство навсегда осталось прочным и нерушимым. Нередко также следует между побратавшимися обмен оружием» [20, т. 1, с. 313, 314]. М. М. Ковалевский отмечает, что, в отличие от аталычества, браки между семьями нареченных братьев не запрещались.

Большой интерес представляет исследование им наследственного права осетин, которым завершается первый том рассматриваемой монографии. На основании данных осетинских адатов и личного полевого материала автор указывает на то, что, поскольку семейные разделы — явление сравнительно новое в быту осетин, наследственное право в их среде только зарождается. «В старые годы, — пишет М. М. Ковалевский, — смерть отца или деда не имела иного последствия, кроме перемены в лице, заведующем хозяйством семьи; в настоящее время она весьма часто становится сигналом к совершенному распадению прежнего единства» [20, т. 1, с. 320]. В период пребывания М. М. Ковалевского в Осетии происходил интенсивный распад осетинских семейных общин, или больших семей, что объяснялось влиянием развития капиталистических отношений.

М. М. Ковалевский особо подчеркивает, что «осетинский обычай и доселе решительно высказывается против наследования женщин». Этот аргумент он подкрепляет конкретными примерами, взятыми из осетинской действительности.

Поздним зарождением наследственного права у осетин, по видимому, объясняется и отсутствие у них до середины XIX в. завещательных распоряжений, не имевших даже терминов для обозначения. М. М. Ковалевский отмечает, что в этом отношении осетинские обычаи аналогичны тем, которых придерживались древние германцы, римляне, греки.

В сравнительном с индоевропейскими народами плане автор рассматривает и семейные разделы осетин, указывает на порядок распределения имущества, из которого, как известно, выделяли повсюду доли для старшего и младшего братьев, а в Дигории, кроме того, и для среднего брата. Причем в разных районах Осетии этот порядок имел своеобразные черты.

Как правильно отмечает М. М. Ковалевский, раздел имущества производился при помощи медиаторов и без них, когда все дело кончалось взаимным соглашением делящихся. Медиаторы определяли доли и для других наследников, в том числе для вдовы. «Вдова, которая не становится женою деверя и не вступает в брак с посторонним лицом, — пишет Ковалевский, — остается обыкновенно в доме младшего сына; на содержание ей выделяется в пожизненное пользование известная часть оставленного покойником имущества, которая, по смерти ее, подлежит разделу между всеми сыновьями» [20, т. 1, с. 339—340]. По данным автора, незамужние дочери оставались при вдове. В обязанность медиаторов входило и выделение известной доли семейного достояния для поминок по умершему, на выплату калыма и устройство свадьбы.

М. М. Ковалевский уделил также внимание изучению уголовного права осетин. Рассмотрению этой сложной и весьма интересной темы посвящен второй том его монографии об осетинах. Автор постоянно обращается к древним законодательствам ин-

доевропейских народов, устанавливая с ними аналогии и параллели для историко-сравнительного освещения. «Но если осетинское уголовное право способно,— пишет он,— служить иллюстрацией к любому из арийских законодательств в древнейший период его истории, то, в свою очередь, надлежащим образом оно может быть понято лишь при сравнении с ними» [20, т. 2, с. 4]. Второй том содержит мало осетинского материала и посвящен в основном историко-сравнительному анализу. При характеристике уголовного права осетин М. М. Ковалевский, касаясь их общественного строя, вновь допускает ошибку, считая, что еще в XIX в. осетины жили в условиях родового строя. «Общественная жизнь осетин,— пишет он,— доселе представляет существеннейшие стороны того порядка, который привыкли называть родовым» [20, т. 2, с. 5]. Для подтверждения этого положения автор ссылается на существование у осетин широкой родственной солидарности, которой проникнута вся их общественная жизнь, указывая также на совет старейшин, без которого не могло быть решено ни одного важнейшего вопроса, в том числе вопроса о кровной мести — распространенного в осетинском быту пережитка родового строя.

Наибольшее внимание Ковалевский уделяет именно обычаю кровной мести у осетин. Он отмечает, что ему приходилось не раз слышать жалобы на то, что тайные убийства и ранения имели место лишь после присоединения Осетии к России, с тех пор как были введены официальные суды и была запрещена кровная месть. В прежние годы, говорит он, нападение на врага совершалось горцами открыто, и виновные в убийстве всячески старались разгласить свое намерение, видя в нем исполнение священного долга, налагаемого узами родства. М. М. Ковалевский указывает и на религиозную окраску кровной мести, приводит в качестве примера ряд архаических обычаев. Вот один из них. Отомстивший за смерть родственника спешил на могилу убитого, чтобы обрадовать его вестью: «Теперь ты можешь быть спокоен: я отомстил за твою смерть». Ковалевский упоминает и об обряде самопожертвования (хифалдисын) убийцы, когда последний с распущенными волосами приходил «на могилу убитого им и добровольно отдавал себя в руки покойника, а тот в лице своего потомства прощал ему его обиду».

Наконец, автор указывает, что, несмотря на официальное запрещение кровной мести русской администрацией, она была широко распространена в Осетии еще во второй половине XIX в. и приводила нередко к истреблению не только отдельных враждовавших семейств, но и целых фамилий, вынуждала их переселяться в другие районы Осетии или же за пределы этой страны. «Убийца,— пишет Ковалевский,— должен предварительно бежать из прежнего места жительства, скрываться по месяцам и годам от лиц, имеющих, по обычаю, право мести» [20, т. 2, с. 11]. Как показывают этнографические данные, кровная месть

действительно являлась одной из главных причин этнического смешения народов на всем Северном Кавказе. У соседних с осетинами кавказских народов обнаруживается немало осетинских родов, предки которых ушли из Осетии по причине кровной мести. М. М. Ковалевский отмечает, что убийства между родами (фамилиями) продолжались «несколько десятков и даже сотни лет». «С массою павших жертв,—говорит он далее,—вражда усиливалась все более и более, пока не кончалось это выселением одной из враждовавших фамилий или полным ее истреблением».

М. М. Ковалевскому удалось записать от осетинских стариков и ряд других обычаев кровной мести, которые уже, по-видимому, ушли из быта осетин и не могли быть зафиксированы позднейшими исследователями. Так, по данным автора, кровная месть разрешалась в Осетии в течение всего года, исключая две недели великого поста, которые назывались тутыри бонта.

Внимания заслуживает и другое сообщение Ковалевского, из которого мы узнаем, что село Дагом, одно из древнейших сел Адагирского ущелья, являлось центром судопроизводства для обществ осетин-иронцев. Здесь в священном месте, именуемом «Мадизад» («Ангел матери»), совершалось примирение кровников, причем сюда приходили и те, которые не были довольны решением других судов и требовали пересмотра дела. Однако во время пребывания М. М. Ковалевского в Осетии суды в Дагоме уже больше не происходили. Отмечая это, автор писал: «На месте, где собирался суд, доселе можно видеть большой камень, высеченный в форме скамьи, на котором и восседали выбравшие сторонами судьи, в важных случаях в числе девяти, а в менее важных в числе семи, пяти и даже трех» [20; т. 2, с. 39, 318]. Однако третейский суд, являвшийся у осетин единственным органом судебного разбирательства, оставался и позже. При этом, по словам М. М. Ковалевского, на нем рассматривали не всякого рода споры, а только те, в которых стороны принадлежали к двум разным родам. Споры же, возникавшие между однофамильцами, решались родовыми старейшинами.

Большой этнографический интерес представляет и следующий раздел книги — судебные доказательства,—основанный большей частью также на полевом материале.

Таким образом, вклад М. М. Ковалевского в изучение осетинского народа неоценим: ему принадлежит разработка многих вопросов, касающихся обычного права осетин, их общественного строя и древних семейных институтов.

3. БАЛКАРЦЫ

Кроме осетин М. М. Ковалевский с большим интересом изучал балкарцев, посетив их дважды. Во время первой своей поездки он довольно обстоятельно обследовал Чегемское и Хулам-

ское общества, а во время второй — Урусбиевское общество в Баксанском ущелье. Тогда, как уже говорилось, М. М. Ковалевский возглавлял экспедицию с участием С. И. Танеева и И. И. Иванюкова. В итоге этих поездок в печати появились две работы, посвященные этнической и социальной истории балкарцев, их материальной и духовной культуре, религиозным воззрениям, а также основным занятиям [15; 18]. Написанные на основе собранного полевого материала, эти работы не потеряли до сих пор научного значения. Привлекая данные топонимики, археологии, этнографии, обычного права и т. д., М. М. Ковалевский доказывает этническое родство осетин и балкарцев. Вместе с тем эти работы остаются до сих пор весьма важным источником, характеризующим разные стороны жизни балкарцев того периода, в том числе и процесс формирования этого народа. Как уже отмечалось, в работе «В горских обществах Кабарды» среди других вопросов балкарской этнографии впервые исследуется на базе многочисленных фамильных преданий заселение предками балкарцев современной территории Балкарии. Фамильные предания дают возможность судить о времени появления основателей крупных балкарских родов, показывают борьбу между пришлым и коренным аланским населением, а также процесс дальнейшей колонизации тюркоязычными племенами исторической территории Алании.

Большое значение фамильные предания имеют и для выяснения вопросов, касающихся общественного строя балкарцев, их социальных категорий, формирования феодальных отношений. В одном из таких преданий, упомянутом ранее, говорится о появлении родоначальника балкарских феодалов (таубиев) Басната, выходца из города Маджара. Предание отмечает, что Баснат, поселившись в Балкарии, стал родоначальником балкарских таубиев: Абаяевых, Шакмановых, Джанхотовых и Айдебурловых. М. М. Ковалевский определяет время прибытия Басната и других его сподвижников из Маджара XIII в. «...Пришельцы из Маджара, — пишет он, — долгое время воевали с местным населением, которое не сразу подчинилось. Подчинить их балкарцам удалось маджарскому выходцу Мысаксу, за что он и был признан балкарцами правителем». Балкарские предания ни словом не упоминают о том, как жили первоначальные жители края. Но некоторые сведения об этом мы находим в «преданиях чегемских», где говорится о захвате земель и угнетении односельчан более сильными соплеменниками — явное указание на зарождение феодальной системы внутри балкарского общества. Как уже отмечалось, М. М. Ковалевский ошибочно считает, что феодализм занесен в Балкарию извне, т. е. из Кабарды. По его словам, сословные различия не были известны балкарцам «до поселения в их среде чужеродцев» [15, с. 569–570]. Эта точка зрения, однако, не помешала ему выявить у балкарцев сословные категории и дать им подробную характеристику

стику, осветить на основе найденных им в архиве Нальчикского народного суда документов и личных наблюдений феодальные отношения, а также показать зависимость таубиев от влиятельных кабардинских князей.

Специальный раздел посвящается описанию феодальных повинностей, выполнявшихся зависимыми сословиями. В описании быта балкарцев в рассматриваемой работе есть ценные сведения и об их материальной культуре, в частности о народной архитектуре, жилище и пище [20, т. 2, с. 552, 553]. Однако материальная культура, как и занятия балкарцев, наиболее подробно освещается в другой работе М. М. Ковалевского — «У подношья Эльбруса», посвященной описанию Урусбиевского общества в Баксанском ущелье.

М. М. Ковалевский характеризует хозяйственную деятельность всех жителей Урусбиевского общества, их главные занятия — земледелие, скотоводство и домашние промыслы. Эти и другие данные, указывающие на характер землевладения и землепользования, несомненно, представляют значительную ценность для изучения истории балкарского народа. М. М. Ковалевский показывает, что в результате насильственного захвата князьями Урусбиевыми общинных земель крестьяне, испытывая крайнее безземелье, оказались у них на положении арендаторов.

По данным автора, земельные угодья князей составляли до 80 тысяч десятин, в то время как на 249 дворов жителей аула Урусбиева приходилось всего 200 десятин. Важнейшим источником благосостояния урусбиевцев, как и других жителей Балкарии, являлось скотоводство. Оно обеспечивало всем необходимым их натуральное хозяйство. «Они выделывают из шерсти сукно и шьют себе из него платье и шапки, готовят кожу и делают из нее обувь, седла и уздечки. На излишки сукна, барашковых шкурок, бурок, кожи они выменивают полотно, ситец, шелк, привозимые горскими евреями и грузинами; излишний продукт отдают за хлеб живущим на низовьях кабардинцам и казакам».

Особое внимание М. М. Ковалевский уделил изучению топонимики Баксанского ущелья. М. М. Ковалевским обнаружено большое количество осетинских слов — названий рек, гор, ущелий, религиозных культов; встречаются эти слова и в быту урусбиевцев. «В разговорном языке, — пишет М. М. Ковалевский, — постоянно слышатся осетинские слова ныгъыш (осет. ныхас), шаудан (осет. шаудон) — «родник», вчик (осет. авцэк) — «перевал», хуру (хуру) — «груда камней», дарбун (дорбун) — «пещера» и т. д., в народных суевериях проглядывают следы того культа, которым осетины-христиане окружали божью мать». Следы пребывания на территории Балкарии предков осетин алан доказываются М. М. Ковалевским не только топонимическими, но и археологическими находками из раскопок, про-

изводившихся им в ряде мест по Баксану [18, с. 99, 103]. Но об этом уже говорилось выше.

Большой интерес представляют и особенности обычного права балкарцев, впервые исследованные М. М. Ковалевским. Так же как и другие вопросы балкарской этнографии, они освещаются в сопоставлении с подобными разделами обычного права осетин и других горцев. Так, говоря о судеустройстве балкарцев, М. М. Ковалевский отмечает, что, «подобно осетинам, чеченцам и черкесам», они не знали постоянных судов и тяжбы разбирали частные посредники. Эти последние, пишет он далее, «избираются из всех сословий одинаково, смотря по тому, каково общественное положение сторон. Судьи, избранные в каждом ауле, сходятся раз навсегда в определенном месте, известном под наименованием „махкимэ“. На этом месте доселе можно видеть несколько камней, слегка видоизмененных рукой человека, на которых и заседали посредники» [20, т. 2, с. 574]. Почти все вопросы обычного права урусбиевцев наряду с другими этнографическими сюжетами рассматриваются с точки зрения доказательства осетино-балкарской общности. Приводимые им многочисленные примеры из области судопроизводства, уголовного и гражданского права балкарцев Баксанского ущелья достаточно убедительно доказывают эту общность.

В прошлом для балкарцев было характерно смешение религий. М. М. Ковалевский застал у них наряду с официальным мусульманством значительные пережитки древнего христианства, воспринятого еще в аланскую эпоху, и языческих верований, весьма близких осетинским. Смешение этих религиозных представлений в быту балкарцев подтверждалось не только конкретными этнографическими данными, но и многими народными преданиями. «В быту жителей Баксанского ущелья встречаются полужыческие, полухристианские культы осетин» [18, с. 99].

М. М. Ковалевский большое внимание уделяет и освещению собственно балкарских этнографических проблем, касающихся общественного и семейного укладов, семейной обрядности и т. д. При этом, характеризуя общественный быт урусбиевцев, М. М. Ковалевский вновь допускает ошибку, считая, что у них сохраняются родовой строй и присущие ему родовые порядки. Подобно другим народностям Кавказа, говорит он, балкарцы «доселе живут родовыми сообществами. Нередко целые аулы, каковы, например, Азроковский или Урусбиевский, основываются исключительно одним родом, который в этом случае и переносит на них свое фамильное название». В подтверждение своей точки зрения автор ссылается на существование у балкарцев семейных общин, нередко состоявших из 25 и более человек обоего пола. Только одна такая семья в сел. Хуламс по его словам, насчитывала 183 человека. Каждая большая семья во главе со старшим по возрасту имела не только определенное имущество, но «свое домашнее божество, отличное от

божеств всего рода» [18, с. 553]. Отмечая, что многие языческие божества, как и древние похоронные и погребальные обряды, вытеснены мусульманской обрядностью из быта балкарцев, М. М. Ковалевский сумел все-таки обнаружить у них некоторые архаические похоронные обычаи и, описывая их, доказывает, что они совершенно сходны с осетинскими [18, с. 555]. М. М. Ковалевский заключает, что балкарцы, «подобно индусам или грекам», смотрят на покойника «как на покровителя семьи, почему приносят ему жалобы на постигшие их бедствия... отсюда многочисленные поминки».

Придавая важное значение культу предков во всей семейной обрядности балкарцев, он считает, что у балкарцев, так же как и у осетин, этот культ тесно связан с поклонением домашнему очагу и надочажной цепи. Огонь в очаге должен гореть все время, и потухший огонь «не может быть зажжен снова с помощью огня, взятого у чужого двора» [18, с. 556]. Надочажная цепь у балкарцев, как и у осетин, считалась величайшей святыней семьи, играла важную роль в свадебном ритуале. Если кто-то осмеливался выкинуть цепь, его неминуемо ожидала месть. Продать цепь также считалось большим позором.

Многие обычаи, связанные с культом очага и приписываемые М. М. Ковалевским только балкарцам и осетинам, присущи и другим народам Кавказа, например горцам Грузии, в частности сванам.

Отмечая отсутствие у балкарцев многоженства, он в то же время подчеркивает строгое соблюдение ими сословного равенства при заключении брака. «Таубий или князь,— пишет М. М. Ковалевский,— может жениться только на дочери таубия или чужеземного узденя». Размер калыма, доходивший, особенно у карачаевцев, до 1500 руб., зависел от того, к какому сословию принадлежала невеста. У балкарцев, как и у осетин, было принято дарить отцу и дяде невесты лошадь. Очень интересные сведения М. М. Ковалевский приводит и при описании обычая умыкания и самой балкарской свадьбы.

Единственным полноправным хозяином балкарской семьи являлся отец, который распоряжался судьбой своих детей; по своему выбору мог женить сына или выдать дочь замуж; дети не имели права требовать раздела имущества при жизни родителей. Отмечая эти черты семьи балкарцев, не менее ярко проявлявшиеся и у других горских народов Северного Кавказа, М. М. Ковалевский вновь возвращается здесь к аталычеству, которое, по его словам, имело распространение только среди таубиев. Он сообщает ряд интересных сведений, имевших много аналогий с установлениями, существовавшими у осетинских и кабардинских феодалов. Однако при рассмотрении аталычества и всей феодальной системы балкарцев М. М. Ковалевский не избежал той же ошибки, которую допускал для осетин, считая эти институты искусственно занесенными из Кабарды.

Особое внимание М. М. Ковалевский обратил на гостеприимство балкарцев. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский с восторгом писали о том приеме, который был им оказан во всех балкарских селах.

В рассматриваемую работу М. М. Ковалевский включил также раздел о музыкальном фольклоре балкарцев-урусбиевцев, написанный С. И. Танеевым на основе собранного им материала во время их путешествия по Баксану. Очерк С. И. Танеева был первым исследованием музыкального искусства одного из кавказских народов.

Наряду с описанием музыкальных инструментов балкарцев в нем даются сведения о их песенном и хореографическом искусстве, а также некоторые этнографические детали исполнения, в частности народных танцев.

Балкарцы кроме собственных танцев, сходных с осетинскими, например чоппай (осет. цоппай), голлу (осет. чепена) и других, исполняли и танцы, заимствованные из Кабарды,—каффа, сандрак и абезех [18, с. 495]. Большую роль в развитии музыкального фольклора балкарцев играли народные певцы — музыканты, известные под адыгским названием гегуако. По словам С. И. Танеева, ни одно семейное или общественное торжество не обходилось без их участия; за это они получали соответствующее вознаграждение как от хозяина, так и от гостей.

Очерк о балкарцах М. М. Ковалевского в расширенном варианте был включен в первый том его известной монографии по Кавказу. При этом на основе народных преданий, собранных в Балкарии, автор рассматривает вопрос об этногенезе этого народа. М. М. Ковалевский поддержал точку зрения В. Ф. Миллера о том, что предками балкарцев были не половцы (кипчаки), а болгары, или черные болгары, территория расселения которых, по данным древних авторов, простиралась до устья Кубани. Это предположение основывается на единственном этнониме «балкар», встречающемся в новом списке «Армянской географии» Моисея Хоренского (конец VII в.) в разных формах: булгар, булкар, балкар, болгар. «Первым местом поселения этой тюркской народности в горах Кавказа,— пишет М. М. Ковалевский,— был аул Балкар (в Черекском ущелье.— Б. К.). Записанное мной и профессором Миллером местное предание гласит, что предки теперешних балкарцев пришли в занимаемые ими места с севера, из Маджар... Соседние аулы Безенги, Хулам, Чегем и Урусбий постепенно заселены были выходцами из балкар. Балкарцы не являются первыми насельниками края. Вся занятая ими местность, если не говорить о поселении в Чегеме, состояла во владении осетин» [29, т. 1, с. 191 и сл.]. «...Вместо того чтобы наложить свою печать на юридические обычаи подчиненного народа,— говорит М. М. Ковалевский,— болгары всецело усвоили себе его (осетинское.— Б. К.) юридическое мирозерцание» [29, т. 1, с. 192]. Однако, как показали

последующие исследования, вопрос о происхождении балкарцев оказался более сложным, чем предполагали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский.

4. ГОРЦЫ ГРУЗИИ (СВАНЫ, ПШАВЫ, ТУШИНЫ, ХЕВСУРЫ)

Сваны. Как уже говорилось, после посещения урусбиевцев М. М. Ковалевский и его спутники, перейдя через знаменитый Донгузорунский перевал, совершили поездку по Сванетии.

Итоги этой поездки сначала вылились в отдельную статью [17], а затем составили раздел книги «Закон и обычай на Кавказе» [29]. Ученый дал ценное описание политической и социальной истории сванов, их духовной культуры и обычного права.

О том, насколько оперативно и умело М. М. Ковалевский собирал материал, свидетельствует следующее его сообщение. Остановившись в сел. Эцери, он взял в качестве переводчика местного писаря — свана, хорошо владевшего русским языком. «Просили мы писаря, — пишет М. М. Ковалевский, — назвать десять стариков для получения от них сведений об обычаях сванетов, а также устроить хор для ознакомления нас с сванской музыкой и пением. Он ответил, что последнего нельзя исполнить, так как не прошло еще три года по смерти отца эцерских Дадешкелиани. Через полчаса после обеда явились восемь почетных стариков. Беседа с ними была столь интересна, ответы их так толковы, что мы, несмотря на усталость, расстались со стариками лишь к одиннадцати часам. Утро следующего дня было занято осмотром замка и церкви» [17, с. 580].

Сбор материалов не ограничился обычным правом и социальной историей сванов; М. М. Ковалевский интересовал все стороны жизни этого народа, в том числе его материальная культура. Особое внимание М. М. Ковалевский обратил на географическое положение Сванетии, на изолированность этой страны от внешнего мира, благодаря чему, по справедливому замечанию автора, сваны были избавлены от кабального гнета грузинских царей. Тем не менее немало сванов находилось в феодальной зависимости от местных князей, образовавших так называемую Княжескую Сванетию, в отличие от Вольной, где правили выборные старейшины. Рассматривая социальную и политическую историю Сванетии в целом, М. М. Ковалевский большое внимание уделяет обеим ее частям.

Еще в предисловии ко второму тому «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевский особо подчеркивает, что из всех народов нагорного Кавказа наименее всего изучено обычное право горцев Грузии и Дагестана. По его словам, этнографическая литература по Грузии не затрагивает юридической жизни ее горных районов, в том числе Сванетии. Труд М. М. Кова-

32
 Зидзарт - мо. 12. 12. 12
 Гр. 12. 12. 12 -
 Бо. 12. 12. 12
 Ата. 12. 12. 12 - му. 12. 12. 12
 Ата. 12. 12. 12 - 12. 12. 12
 Бор - 12. 12. 12
 Голова. 12. 12. 12
 Мур. 12. 12. 12 - 12. 12. 12
 Дев. 12. 12. 12 - 12. 12. 12

один - 12. 12. 12
 два - 12. 12. 12
 три - 12. 12. 12
 четыре - 12. 12. 12
 пять - 12. 12. 12
 шесть - 12. 12. 12
 семь - 12. 12. 12
 восемь - 12. 12. 12
 девять - 12. 12. 12
 десять - 12. 12. 12

левского основан преимущественно на личном материале, собранном во время его путешествия по горным обществам Грузии и Дагестана, но в нем много архивных данных, извлеченных «из протоколов сельских и окружных народных судов и из официальных документов, хранящихся в окружных архивах Тиолетии, Закатала и Гуниба, а также в Главном управлении по делам горцев» [29, т. 2, с. VII]. Наконец, М. М. Ковалевский отмечает, что в данной работе его интересовало не столько разыскание источника происхождения тех или других норм адатного права, сколько систематическое описание обычного права отдельных народностей и этнографических групп в связи с общим характером их культуры. С этой целью Ковалевский ограничил объем историко-сравнительного изучения адатов.

Характеризуя общественный строй и обычное право сванов, М. М. Ковалевский допускает ту же ошибку, что и в отношении осетин и балкарцев, считая, что у них сохранился родовой строй. По его словам, всякий, кто пожелает восстановить «до мельчайших подробностей... картину древнегерманской жизни» или быт предков славян, найдет в обычаях сванов богатейший материал для их построений.

«Родовая организация,— пишет М. М. Ковалевский,— отличается при этом такой выработанностью и законченностью, что каждый в отдельности взятый юридический институт получает от нее свою окраску» [29, т. 2, с. 4]. В качестве доказательства существования у сванов родового быта автор ссылается на то, что у них очень слабо развит или совершенно отсутствует институт усыновления, широко известный как древним европейским народам, так и современным кавказским, в частности осетинам и балкарцам. Как известно, при наличии этого института чужеродец получал доступ в семью и право наследования ее имущества; у сванов же чужеземец, даже являясь мужем единственной дочери покойного, никогда не пользовался этим правом, что объясняется, по мнению Ковалевского, тем, что «родовой строй» этого народа отличался «несравненно большей крепостью, чем быт» других народов Кавказа. Он вполне уверен, что родовой быт сванов сохранился в чистом виде по крайней мере до присоединения Грузии к России, т. е. до начала XIX в. Сванский материал послужил для М. М. Ковалевского важным источником доказательства его общих теоретических положений по данному вопросу: «Институт усыновления развивается на почве разлагающегося родового быта», когда «принятый в семью чужеродец приобретает... право наследования ее имущества».

Существование родового строя у сванов, по мнению М. М. Ковалевского, доказывается и тем, что женщина у них не имеет права наследования, а также наличием семейной общины, объединявшей, по его данным, до 40 человек, во главе со старейшиной, права которого ограничивались семейным советом.

том. К числу факторов родового строя он относит также экзогамный брак, при котором родство исчислялось двенадцатью степенями, и умыкание. «Похищение как девушек, так и в особенности замужних женщин,— пишет Ковалевский,— у них явление обычное» [17, с. 595]. Существование такого умыкания у сванов как пережитка группового брака, по словам М. М. Ковалевского, объясняется тем, что число мужчин у них было на много больше числа женщин. По статистическим данным местной администрации, женщин в Сванетии было на 17% меньше, чем мужчин [29, т. 2, с. 5, 6].

В целом, как видно из описания М. М. Ковалевского, заключение брака у сванов характеризовалось многими сходными с соседними горцами чертами. Тем не менее он ошибочно считал такие общие черты чисто сванскими. К ним, например, относит такое явление, распространенное у всех горцев в прошлом, как стремление больших и сильных родов породниться между собой. «При господстве родовых отношений,— пишет Ковалевский про сванов,— интерес каждой фамилии несомненно лежит в том, чтобы обезопасить себя на случай возможных столкновений с чужеродцами путем заключения тесных связей с другими столь же могущественными и многочисленными родами. Такие связи могут быть установлены двояким образом: или через посредство так называемого молочного родства, или с помощью брачных договоров». При этом М. М. Ковалевский отмечает, что молочное родство имело широкое распространение у сванов, в то время как у их соседей — мусульман-осетин, балкарцев, кабардинцев и других народов — оно совершенно отсутствовало. Он пишет также о наличии у сванов люлечного договора.

Полное господство патриархального рода у сванов, по мнению М. М. Ковалевского, доказывается тем, что дядя по матери, в отличие от осетин и балкарцев, не играл у них никакой роли; убийство отца считалось более тяжким преступлением, чем убийство дяди по матери [29, т. 2, с. 6, 7]. Не менее важный интерес представляет и другое свидетельство М. М. Ковалевского, доказывающее почти полное исчезновение у сванов такого универсального института, как левират, возникший, как известно, при переходе от материнского рода к отцовскому. «Мы не только не встречаем,— пишет Ковалевский,— указаний на то, чтобы при бесплодии старшего брата младший мог занять его место... но и сожителство вдовы с ближайшим родственником ее мужа, допускаемое индусским, еврейским, греческим и осетинским правом, совершенно отсутствует у сванетов. Оставшийся в живых брат может взять себе в жены вдову покойного, но в том лишь случае, если он холост; вступая в брак, он обязан заплатить за свою невесту полное венно или так называемый начулаш, все равно как если бы он был лицом, посторонним ее мужу». И все же приведенный текст свидетельст-

вует о том, что сваны, подобно другим народам, не миновали этого универсального института первобытности.

Наконец, еще один пример, доказывающий, по мнению М. М. Ковалевского, тот факт, что в быту сванов нет следов матриархата. В сванском обществе, говорит он, не допускалось, по обычаю, появление незаконнорожденных детей, а если это и случалось, то они не получали наследства ни от отца, ни от матери. Более того, они не причислялись к роду матери [29, т. 2, с. 9, 11].

Подводя итог, М. М. Ковалевский еще раз подчеркивает, что в обычном праве сванов не осталось никаких черт эпохи матриархата и причина этого, кроме всего прочего, — давнее распространение среди сванов христианства; по мнению Ковалевского, христианство «не могло мириться с теми порядками, существование которых предполагает родство, основанное на материнстве» [29, т. 2, с. 13].

На основании собранных им преданий и других источников М. М. Ковалевский изучил процессы формирования обеих частей Сванетии — Княжеской и Вольной, а также установил время появления в этой стране княжеских родов и утверждения их господства. В период пребывания здесь М. М. Ковалевского Княжеской Сванетией правили князья из рода Дадешкелиани, Вольной — избиравшиеся народом старейшины и народные сходы. Однако, как указывает автор, судя по народным преданиям, до XV в. Сванетия была единой и управлялась грузинскими эриставами. Одним из последних эриставов был Геловани, при котором наблюдался значительный приток грузин. Впоследствии некоторые из этих поселенцев получили дворянство и стали устанавливать свою власть над коренным населением и притеснять его. В одной из частей Сванетии эти дворяне, ставшие феодалами, были изгнаны восставшими крестьянами. Избавившись от князей, общества Вольной Сванетии стали управляться самостоятельно; сваны собирались на народные сходы и выбирали на них, по словам автора, особого старейшину, занимавшего должность бессрочно до тех пор, пока «дурное поведение его не заставило бы народ подумать о новом выборе». Кроме старейшины сходы выбирали еще двенадцать человек, обязанностью которых, по словам М. М. Ковалевского, «было следить за тем, чтобы никто не работал по пятницам, субботам и воскресеньям»¹. Виновных в нарушении таких запретов подвергали штрафам. Народные сходы в Вольной Сванетии созывали «с помощью особых, почти саженных труб», одну из которых М. М. Ковалевский видел в местной церкви. По словам автора, народные собрания, в которых участвовало все взрослое население — и мужчины и женщины, — проходили весьма бурно.

¹ В трудах М. М. Ковалевского и в других источниках мы не могли найти объяснения или подтверждения этого факта.

Между отдельными группами возникали столкновения. Виноделием их часто были лишены привилегий дворяне, которых во времена приняли в сельские общества Вольной Сванетии, но феодальные права их восстановлены не были. Почти в каждом обществе насчитывалось большое число таких дворян. В Муллахском обществе, например, на 939 душ крестьян приходилось 295 дворян и дворянок, в Местийском на 537—234 т. д. [29, т. 2, с. 14—15].

Вольную Сванетию притесняли князья Дадешкелиани из соседней Княжеской Сванетии. М. М. Ковалевский подробно останавливается на происхождении этого княжеского рода, беря за основу те народные предания, согласно которым основатель рода князей Дадешкелиани являлся выходцем из тарковских тумыков. Водворившись в сел. Эцеры, этот изгнанник и его потомство, захватив власть в свои руки, постепенно подчинили себе все общества Княжеской Сванетии по нижнему и верхнему течению Ингури, заставив ее обитателей нести тяжелые феодальные повинности.

«Подобно средневековым крестьянам,—пишет Ковалевский,—сванеты на протяжении всех княжеских владений обязаны были нести барщину, или галдам» [29, т. 2, с. 9]. Он перечисляет те многочисленные подати и повинности, которыми князья Дадешкелиани обложили крестьян. При этом автор вновь прибегает к своему испытанному методу сравнения, считая, что сванские феодальные порядки совершенно аналогичны порядкам в средневековой феодальной Европе.

Княжеская власть оказала влияние на народные юридические обычаи сванов в этой части страны. Чтобы доказать это положение, М. М. Ковалевский переходит к главной своей теме — характеристике юридических обычаев сванов, и прежде всего описанию порядка судопроизводства. Сваны до присоединения их к России решали все свои споры, как гражданские, так и уголовные, с помощью медиаторов, избиравшихся каждой стороной в большем или меньшем числе, смотря по характеру дела. В случаях убийства число медиаторов составляло шесть-семь человек, в менее важных случаях — два-три. Описывая процесс суда — порядок голосования при решении, поведение сторон и т. д.,—М. М. Ковалевский отмечает, что он сам наблюдал это в Учкульском обществе во время примирения кровников. «Хотя русское правительство,—говорит он,—отказывает в решении уголовных дел „по адату“, хотя последние решаются окружными судами на основании Российского уложения о наказаниях, на этот раз администрация в лице губернатора сочла нужным, не дожидаясь решения дела по суду, сделать попытку примирить противников по адату». Назначенные от каждой стороны по восемь человек медиаторов принесли присягу «в том, что к подлежащему их рассмотрению делу они отнесутся как к своему собственному» [29, т. 2, с. 22]. Опи-

сывая рассматриваемый сванский обычай примирения кровников, М. М. Ковалевский указывает на то, что он почти не отличался от обычаев других соседних горцев Кавказа. У сванов, однако, при выборе медиаторов учитывалось социальное положение сторон; от дворян назначали только одного медиатора, в то время как от крестьян выбиралось два. Такой порядок, по словам автора, существовал почти по всей Вольной Сванетии. Таким образом, несмотря на существование официальных судов, посреднический суд в рассматриваемое время имел все еще широкое распространение у сванов.

Дав подробное описание судопроизводства, М. М. Ковалевский переходит к судебным доказательствам сванов, главными из которых были присяга и соприсяга. По сравнению с другими горскими судами сванские присяжные суды «никогда не довольствовались, однако, своим решением и требовали, чтобы показания присягающего были подтверждены, также под присягою, его родственниками, в большем или меньшем числе, смотря по важности дела» [29, т. 2, с. 27]. Эти соприсяжные являлись обычно ближайшими родственниками сторон. В делах об убийстве обвиняемый обыкновенно приглашал 12 соприсяжных, которые вместе с ним должны были принести очистительную присягу. При обвинении в увечьях или воровстве число последних было в половину меньше. Присяга приносилась в определенных храмах и перед определенными святыми. Благодаря раннему проникновению в Сванетию христианства языческая присяга, столь распространенная, например, в соседней Осетии, здесь не сохранилась.

Значительное место в характеристике обычного права сванов М. М. Ковалевский отводит системе наказания, описывая на основе обширного полевого материала, собранного им по всей Сванетии, различные преступления и размер платежей. По данным автора, платежи у сванов производились исключительно натурой — землей, скотом и оружием. Размер платежей зависел от степени нанесенного вреда. Важнейшим из них, разумеется, считалось лишение жизни. Плата за кровь была почти одинаковой во всех обществах Сванетии. Обыкновенное воровство не имело у сванов иных последствий, кроме возвращения украденного или стоимости его. В Княжеской Сванетии существовал следующий порядок: если преступник вторгся в чужой дом, он был обязан платить штраф в пользу князей. «Воровство на большой дороге, — пишет Ковалевский, — считается ими (т. е. сванами. — Б. К.) менее тяжким, чем воровство, сделанное из жилища».

В брачном праве сванов М. М. Ковалевский отмечает прежде всего отсутствие многоженства. Полемизируя по этому вопросу со своими предшественниками, он, однако, пишет, что некоторые сваны наряду с законной женой имели и незаконных. Ни одна из которых, подобно осетинским номылу, не считалась

жизнью в доме и в любое время могла быть изгнана из него. В отличие от других горцев, наиболее распространенной формой брака у сванов было обручение «в младенческом возрасте, которое скреплялось определенной уплатой задатка. Невыполнение заключенного условия считалось оскорблением для целого рода и давало право на месть», которой избегали благодаря посредничеству медиаторов, улаживавших конфликты между сторонами мирным путем. Калым, в отличие от калыма у народов Северного Кавказа, был небольшим (100—200 руб.) и выплачивался самим женихом или его родителями, без помощи родственников. При этом величина калыма часто зависела от того, принадлежит ли невеста к тому же селению, что и жених, или нет; в первом случае калым составлял сумму, вполуменьшую, чем во втором. Чтобы избежать уплаты этого выкупа, сваны, в отличие от других горцев, редко прибегали к похищению невесты, по мнению автора потому, что увод девушек, согласно обычаю, налагал на виновного обязанность вознаградить родителей за ее бесчестие уплатой половины суммы за выкуп. Платеж этот не устранял для жениха необходимости внести полностью и весь калым. Поэтому, говорит М. М. Ковалевский, сван обращается к умыканию лишь тогда, когда не может заключить брак иным путем из-за решительного сопротивления родителей невесты. Однако, по данным автора, в Княжеской Сванетии число уводов невест значительно сократилось еще до присоединения Грузии к России благодаря установленному здесь порядку штрафования виновных.

Рассматривая формы заключения брака, М. М. Ковалевский касается вопроса убийства новорожденных девочек. Причиной этого он считает не только тяжелые условия жизни сванов и малую их численность, но и то, что женщина якобы не приносила дохода семье. Мотивируется это незначительными размерами калыма и большим приданым, которое семья отдавала за девушкой, выдавая ее замуж. Возражая болгарскому этнографу Стоянову, отрицавшему наличие приданого у сванов, М. М. Ковалевский на основании собственных наблюдений указывает, что они отдавали в качестве приданого одежду, украшения, домашнюю утварь, а также медные котлы для приготовления пищи, которые были, по его словам, одной из главнейших ценностей в Сванетии. Как утверждали сванские старики, опрошенные Ковалевским, случаи убийства девочек были вызваны еще и тем, что девочек князья продавали или же превращали в работниц. «Продажа взрослых девушек их владельцами,— пишет он,— вероятно, источник средневековой принудительной рабщины, в супружество феодальным сеньорам — явление настолько распространенное в эпоху рабства и крепостничества, что совершенно упускать его из виду при объяснении таких обычаев, как женское детоубийство, было бы большой ошибкой» [9, т. 2, с. 44].

Большой интерес представляет описание М. М. Ковалевским обряда венчания, в котором сочетались древние грузинские христианские обычаи с языческими, не встречаемыми у других горцев Грузии. Свадьба у сванов продолжалась несколько дней. Первая брачная ночь не имела в быту сванов того значения, какое связывало с ней обычное право многих народов, в том числе на Кавказе. «Известно, что в Малороссии, например,— пишет Ковалевский,— начало брачному сожителству кладется еще в то время, когда гости продолжают пировать за столом; что они как бы считают себя вправе быть оповещенными об этом и что это обстоятельство дает им возможность приступить к публичному опозориванию новобрачной каждый раз, когда возникает подозрение в ее целомудрии. Ничего подобного сванеты не знают. Никакого общественного контроля молодая чета не признает за собой. Новобрачная ответственна только перед мужем, который, в свою очередь, тщательно скрывает от всех ее нецеломудрие, считая последнее позором для себя» [29, т. 2, с. 48].

Характеризуя взаимоотношения супругов, М. М. Ковалевский отмечает, что у сванов, по сравнению с народами Северного Кавказа, женщина пользуется большей самостоятельностью, и муж обращается с женой довольно мягко. Сванка была освобождена от многих занятий в поле и дома. Относительная самостоятельность ее особенно сказывалась в сфере имущественных отношений супругов. Приданое жены оставалось ее собственностью и не подвергалось отчуждению. Муж не имел права распоряжаться им без согласия жены. В случае развода по воле мужа последний обязан был вернуть приданое «и сверх того сделать родственникам жены особый платеж в вознаграждение за наносимое им бесчестие. Размер этого платежа обыкновенно равнялся половине платы за кровь. При оставлении же мужа женой родственники последней производят такой же взнос обещанному супругу, возвращая ему в то же время уплаченный калым». Таким образом, несмотря на тяжелое в общем положение женщины в семье сванов, она пользовалась у них значительной самостоятельностью в сфере как личных, так и имущественных прав.

Не менее интересные сведения М. М. Ковалевский сообщает и о правах женщины в общественной жизни сванов, где она, по его словам, чаще, чем у других народов Кавказа, выступала в роли посредницы на суде, а подчас ее охотно выслушивали на народных сходах. По справедливому замечанию автора, сванские женщины нередко останавливали кровавые схватки, примиряли враждовавшие между собой роды. «Голос женщины,— пишет Ковалевский,— не раз раздавался в пользу мира и на народных собраниях. Не созываемые на них формально, женщины при некоторой энергии и настойчивости легко могли добиться того, чтобы быть выслушанными; совет их принимаем был под-

час сходом и становился основанием для издаваемого им приговора» [29, т. 2, с. 51, 52]

Некоторые особые черты М. М. Ковалевский выявил и в личных и имущественных отношениях родителей и детей у сванов. Без согласия отца, например, сын не имел права выделиться, если же он уходил самовольно из отцовского дома, то не получал никакого имущества. Только в случае смерти отца, когда главой семьи становился старший брат, братья могли требовать раздела. По словам Ковалевского, отец мог «лишить наследства непокорного ему сына или отнять преимущество первородства».

Как видно из заключительного раздела, посвященного некоторым чертам семейного наследственного права сванов, в управлении их неразделенной большой семьей преобладали в основном демократические черты. Власть старейшины общины была ограничена семейным советом. Только с позволения совета старейшина мог распоряжаться семейным имуществом. Как отмечалось, смерть отца вызывала обычно распад семейной общины сванов и соответственно этому раздел семейного имущества, производившегося, судя по описанию М. М. Ковалевского, почти по тому же принципу, что у соседей — осетин, балкарцев и др. Отмечается прежде всего полное устранение от раздела женщин. Старшему сыну, если он только не был выделен отцом при жизни, давалась некоторая прибавка — лучшая голова скота — вол, лошадь или корова. Наследственное право сванов санкционировало также выделение детям доли их умершего отца.

М. М. Ковалевский рассматривает ряд других вопросов, касающихся наследственного и имущественного права сванов, отмечает, что в результате распада больших семей у них возникали индивидуальные семьи, располагавшие пахотными и сенокосными угодьями. Процесс этот привел к тому, что в сванском быту из сферы имущественных отношений, по словам автора, исчезли «следы архаического коммунизма». В то же время у сванов господствовало и общинное землевладение; леса и пастбища, за исключением находившихся в руках церквей, считались достоянием всех членов сельского общества, без согласия которых никто не мог пользоваться ими. Внутри сельской общины прочно поддерживалась связь между родственниками, родовая солидарность особенно прослеживалась при продаже земельного участка — предпочтение отдавалось родственнику. В целом же земля предков у сванов, как и у других горцев Кавказа, продавалась в исключительных случаях — при необходимости платы за кровную месть, для покрытия издержек на поминки и т. д. Договорное право сванов, всесторонне освещаемое М. М. Ковалевским, также имело некоторые особенности.

В целом исследование Ковалевского представляет крупный вклад в изучение сванов — одной из своеобразнейших этнографических групп горцев Грузии. Однако заслуга автора в изу-

чении горцев Грузии не ограничивается этим. Он изучал общественный строй и юридический быт пшавов, хевсур и тушин, которых он, как уже говорилось, также посетил. Хотя все эти племена Грузии жили в одинаковых естественно-географических условиях, каждое из них имело свою историю, свои особенности культуры, проявлявшиеся в быту, общественном укладе, религиозных воззрениях и т. д.

Пшавы. При характеристике обычного права пшавов М. М. Ковалевский прежде всего указывал на то, что пшавы — одно из древних племен Грузии, игравших, судя по древним источникам, немаловажную роль в исторической судьбе грузинского народа. Живя в замкнутых горных ущельях, в изоляции от внешнего мира, пшавы сохранили в своем быту черты архаики. Одно из доказательств этого, по мнению Ковалевского, — наличие у них родового быта и даже некоторых черт «более ранней стадии развития». Пшавы, говорит он, в отличие от жителей Картли, подобно хевсурам, «не знали ни сословий, ни крепостной или феодальной зависимости» и наряду с другими горцами неоднократно выступали за независимость Грузии [29, т. 2, с. 63].

М. М. Ковалевский находит у пшавов разнообразный материал и считает необходимым изучать его прежде всего этнографам и юристам, занимающимся обычным правом. Особый интерес, по его словам, представляют многочисленные народные предания, повествующие не только о разбойничьих набегах аварских ханов на эту страну, но и о борьбе, которая происходила в период распространения христианства на территории пшавов. Некоторые из этих преданий были записаны самим Ковалевским у пшавских стариков. Достоверность отраженных в них исторических событий он пытается подкрепить данными археологических раскопок, проведенных им в ряде мест Пшавии. «Археологические находки, — пишет он, — нередко подтверждают показания легенды, определяя место и приблизительное время совершения повествуемого ею факта». Это утверждение автора подкрепляется конкретными примерами из той героической эпохи пшавов, когда они постоянно вынуждены были отражать набеги дагестанских феодалов или же подвергались насильственной христианизации.

Подробно останавливаясь на религиозных верованиях пшавов, М. М. Ковалевский пишет, что, хотя они официально считаются христианами, тем не менее остаются до сих пор язычниками. «Пшавы упорствуют в своем нежелании посещать церковь... Священники в Магараскаре, Чаргале и Шуанхо в один голос жаловались мне на то, что церкви стоят пустыми, а дохода от треб почти не поступает. Для пшава место храма заступает капище, а священника — хевсбери» [29, т. 2, с. 70—71]. У пшавов, как и у других горцев Кавказа, в частности осетин, святилищами служили не только горы, овраги, кучи камней.

древние часовни, но и рощи, в которых, по его словам, рубить деревья считалось «тяжким грехом». В религиозных верованиях пшавов особое место отводилось домашнему культу, игравшему важную роль в их семейной и общественной жизни. Приводимые М. М. Ковалевским данные не оставляют в этом никакого сомнения. С большим интересом, например, мы читаем описание погребальных и поминальных обычаев пшавов, многие из которых (оплакивание, обрезание косы у вдовы, многочисленные поминки и т. д.) сходны с осетинскими и отличаются глубокой архаикой. Описание это сопровождается обильными фактами, в том числе записанными самим автором текстами причитаний пшавских плакальщиц, ярко характеризующих суеверия пшавов. Их представления о загробном мире — одна из наиболее любопытных сторон религиозных верований этого народа. В их взглядах на потусторонний мир смешаны христианские и языческие представления. «Почитание усопших, — пишет он, — играет в быте пшавов доселе такую первенствующую роль, что прочие стороны их религии сами приобрели от него известную окраску» [29, т. 2, с. 81]. Это утверждение убедительно подкрепляется описанием целых систем пшавских родовых культов. Наряду с погребальными и поминальными обрядами, а также семейными и родовыми культами М. М. Ковалевский описывает и ряд других дохристианских верований пшавов, связанных в основном с их главными занятиями. Анализ религиозных верований и суеверий пшавов свидетельствует о том, что христианство у пшавов являлось лишь внешней оболочкой и они остались верны своим народным верованиям и после принятия ими этой официальной религии.

Значительное внимание обращено на характеристику некоторых юридических обычаев пшавов, являвшихся, по ошибочному мнению М. М. Ковалевского, подтверждением существования у них родового строя.

«В судопроизводстве и процессе, в гражданском и уголовном праве пшавов, — пишет он, — оба принципа, родовой и теологический, выступают с одинаковой наглядностью» [29, т. 2, с. 82]. Прежде всего рассматриваются имущественные, в частности земельные, отношения пшавов, вопросы, связанные с землевладением и землепользованием. На основании расспросов стариков М. М. Ковалевский устанавливает, что еще сравнительно недавно у пшавов существовало несколько форм земельной собственности — племенная, родовая и нераздельно-семейная — и что система переделов пахотных и покосных участков появилась у пшавов лишь с 80-х годов XIX в.; занесенная из России, она была введена местной администрацией.

Однако наибольший интерес представляет описание семейной общины пшавов, впервые исследованной М. М. Ковалевским на основании собственных наблюдений. О большой нераздельной семье пшавов М. М. Ковалевский писал, что они «досе-

ле живут большими семьями, нередко в 30—40 человек, по типу своему более всего напоминающими югославскую задругу. Подобно задруге,— говорит он далее,— семья пшава имеет не наследственного, а выборного голову. Выбор падает на того, кто умнее, трудолюбивее и нравственнее других; если эти качества встречаются в старшем, то на него, в противном случае — на кого-либо из младших членов семьи» [29, т. 2, с. 86].

Приведем отрывки из красочного описания М. М. Ковалевским большой семьи пшавов, в частности ее структуры, чтобы читатель получил хотя бы общее представление об этом родственном коллективе. Общее руководство семьей осуществлялось выборным старейшиной. Он распределял работу между взрослыми мужчинами, ведал всеми хозяйственными делами, заключал всякого рода сделки. Без его разрешения никто не имел права ничего продавать и покупать. Уходящий на заработки член семьи обязан был сдать в общую кассу семьи все заработанное им как деньгами, так и натурой. Возникавшие в семье ссоры и несогласия рассматривались и решались главой семьи. При этом решения его беспрекословно приводились в исполнение, в противном случае он снимал с себя обязанности главы. При недовольстве старейшиной члены семьи отстраняли его от должности и проводили затем новые выборы. Подобно тому как в задруге или большой великорусской семье, говорит М. М. Ковалевский, наряду со старейшиной-мужчиной встречается и старшая женщина, так и в семье пшавов главенство ежегодно предоставлялось одной из невесток, которая также выбиралась. Она заведовала общей кладовой семьи и распоряжалась продуктами питания. Являясь старшей среди женщин, она распределяла между ними работу, разбирала их ссоры и несогласия. Сама она занималась приготовлением пищи, выполняла ряд других домашних работ.

Управление семьей обоими старейшинами не носило деспотического характера. Оно осуществлялось при активном участии всех членов семьи, и особенно старших по возрасту. Мнение последних всегда спрашивали при решении важнейших хозяйственных и других дел. Такие дела обычно обсуждали вечером, когда семья собиралась за ужином.

Таким образом, сравнивая пшавскую большую семью с подобными семьями у других народов Кавказа, и в частности у осетин и балкарцев, можно заметить, что в пшавской наряду со многими общими чертами имелись и особенности. Так, в пшавской большой семье, как и в южнославянской задруге и русской семье, должности главы общины были выборными. Открытие у пшавов, как и у других народов Кавказа, больших семей — несомненно одна из научных заслуг М. М. Ковалевского.

Значительный интерес представляет и описание заключения брака и свадебного ритуала у пшавов, в котором имеются такие сходные с осетинскими черты, как обряд приобщения мо-

дой к своей новой семье; он сопровождается троекратным обходом невесты вокруг очага в сопровождении свиты и удаляясь шафера кинжалом по надочажной цепи.

По данным М. М. Ковалевского, культ домашнего очага играл важную роль в семейной жизни пшавов и был тесно связан с культом предков. Как мы видели выше, это положение, не лишенное ошибок, особенно настойчиво доказывается ученым при описании быта осетин. Заключение браков путем купли нередко предшествовало, как и у других народов, похищению невесты, что подтверждается конкретными примерами из жизни пшавов [29, т. 2, с. 89]. М. М. Ковалевский сообщает, что брак в Ишавии допускается только между лицами, принадлежащими к разным родам. «Экзогамия здесь соблюдается с такой строгостью, что достаточно факта принадлежности матери невесты одному роду с женихом, чтобы сделать брак невозможным». Брачное право пшавов допускало возможность брать вторую жену в случае отсутствия детей-наследников от первой, но это делалось только с ее разрешения. Практиковалось у пшавов усыновление, в том числе усыновление зятя при отсутствии сына — явление более позднего периода, с которым, по словам М. М. Ковалевского, народ не может до сих пор примириться. Во многих оелах, говорит он, родственники, дорожа своей долей участия в наследстве, стараются удалить такого зятя-приемыша. Более того, по данным автора, «нередкими были случаи, когда последний после десятилетнего пребывания в семье и участия в труде без всякого вознаграждения изгонялся из селения» [29, т. 2, с. 90—91].

Немало характерных черт выявляется М. М. Ковалевским и при анализе раздела большой семьи у пшавов, производившееся, по его словам, очень редко. Приведем некоторые данные, чтобы убедиться в том, насколько пшавские большесемейные разделы по своему характеру отличались, например, от осетинских. Дележ имущества у пшавов производился поровну между дольщиками. Все съестное распределялось по числу лиц обоего пола, причем беременная женщина получала сверх своей части еще корыто хлеба на долю будущего ребенка. Старикам выделялось нужное для обеспечения их содержания и покрытия расходов по погребению. Отец, получая равную с сыновьями долю, селился с одним из них по своему выбору. Холостые получали на покрытие свадебных издержек, недавно женившийся брат — оружие, шашку и лошадь. Лишнюю долю получал только старший сын, ему давали в придаток пять коров. В случае смерти одного из сыновей дораздела причитавшаяся ему доля наследства переходила к оставленному им потомству [29, т. 2, с. 91].

Особое внимание М. М. Ковалевского было обращено на исследование обычая кровной мести — одного из широко распространенных пережитков родового быта среди всех горцев того

времени. Им рассматриваются причины возникновения кровной мести, размеры платы за кровь, примирение кровников, деятельность посреднических судов и т. д. При этом отмечается, что в результате продолжительного воздействия русских уголовных законов в Пшавии не только сократилось число случаев кровной мести, но и стерлись в народной памяти многие порядки, связанные с этим обычаем, и автору удалось зафиксировать лишь отрывочные сведения. По мнению М. М. Ковалевского, пшавы, подобно другим горцам Кавказа, «преследовали в преступлении прежде всего причиненный им материальный вред. Отсюда,— говорит он,— то последствие, что умышленное убийство неотличаемо было от случайного, а покушение оставалось без наказания. Родственная солидарность сказывалась в факте преследования преступника всем родом потерпевшего» [29, т. 2, с. 92]. Говоря об этом, автор сообщает любопытную деталь, свидетельствующую о том, что у пшавов, в отличие от других горцев Кавказа, в числе искавших кровомщения, при отсутствии других родственников, встречался и дядя по матери.

Кровная вражда прекращалась после уплаты виновником особого выкупа, определявшегося у пшавов в 360 баранов. Это не избавляло род убийцы от особого приношения, которое состояло из трех быков, стольких же баранов и шашки. Половина всего этого шла в пользу ближайших родственников потерпевшего, остальная часть поступала всему его роду. По пшавскому обычаю, словесные обиды и побои не считались наказуемыми действиями. «Платой» за ранение служили обыкновенно коровы в большем или меньшем количестве, в зависимости от размеров рубца, следствия нанесенной раны. «По заживлении раны,— пишет он,— ее выкладывали пшеничными зернами и этим путем определяли число платимых поранителем коров, каждому зерну соответствовала одна корова». Кровная месть имела место в случаях убийств, увечий и прелюбодеяния, но никогда — при похищении чужого имущества; похититель расплачивался только своим имуществом, платя за украденное в двойном или семикратном размере. При этом учитывалось, «произведено ли было воровство с поля или из дома. Последнее считалось более тяжким преступлением, так как было связано с насильственным вторжением в чужое жилище» [29, т. 2, с. 93]. Кровная месть не допускалась внутри пшавского рода.

М. М. Ковалевский сообщает ценные сведения о судопроизводстве этого народа. Причиной отсутствия постоянных органов правосудия у пшавов, как и у других горцев Кавказа, по мнению М. М. Ковалевского, было существование у них родового строя и то, что они не располагали своей политической властью, которая могла бы их объединить. Гражданские и уголовные дела у пшавов решались исключительно посредническими судами с широким использованием присяжничества и связанных с ним обычаев.

Этнографический очерк о пшавах завершается краткой характеристикой положения женщины в общественном и семейном быту и ее имущественных прав. М. М. Ковалевским описан весьма интересный обычай, свидетельствующий об относительной свободе пшавской женщины, а также о сохранении в быту пшавов, по его мнению, остатков древнейшей формы общения — патриархата, что объясняется, по словам автора, сравнительно поздним происхождением у этого народа брака и «первоначальным господством у них матриархата» [29, т. 2, с. 99—100].

Хевсуры. Тушины. Как уже говорилось, во время поездки по горной Грузии М. М. Ковалевский изучал также хевсур и тушин, которым он посвятил сравнительно небольшой этнографический очерк в рассматриваемой монографии [29]. В нем кроме обычного права этих народов характеризуются семейный строй и семейная обрядность, религиозные верования, в частности землевладение и землепользование.

По мнению М. М. Ковалевского, тушинской и хевсурской семье были присущи архаические черты: семья тушин «представляла собой тип несравненно более древний, чем пшавская». Это заключение автора основывается на широком распространении среди тушин многоженства и разводов по воле мужа. «Легкость, с которой тушины добывают своих жен,— пишет Ковалевский,— в значительной мере объясняет собой факт частого повторения разводов. Девушек не похищают, за них не платят калым. Жених получает невесту из рук родителей и ограничивается производством в ее пользу подарка ценностью не свыше пятнадцати рублей» [29, т. 2, с. 103]. К сожалению, автор не объясняет причин подобного семейного уклада тушин. Нам кажется, это было вызвано влиянием соседнего мусульманского населения Чечено-Ингушетии.

Однако хевсуры, находившиеся под таким же влиянием, в частности ингушей, имели, в отличие от тушин, совершенно другой семейный уклад, характеризовавшийся отсутствием многоженства, похищением невесты и выплатой за нее значительного калыма. У хевсур допускалось лишь двоеженство в случае бесплодия первой жены. При этом брать вторую жену разрешалось только с согласия первой. Такая форма брака была широко известна и горцам Северного Кавказа. Некоторым своеобразием отличалось у хевсур и умыкание. Оно приурочивалось обыкновенно к периоду месячных очищений, когда женщина, следуя обычаю, «оставалась одна по целым дням в особо устроенной для того плетене». Если похищение оканчивалось миром, говорит М. М. Ковалевский, то жених платил родителям невесты выкуп, равный калыму и обыкновенно составлявший большее или меньшее число коров — от 20 до 40. При разводе по вине мужа жена получала известную долю имущества, т. е. определенное число коров, в зависимости от того, сколько лет они прожили вместе.

Заключение брака у хевсур, как и у других горцев, отличалось строгой родовой экзогамией. В брачном праве этого народа М. М. Ковалевский выявляет и некоторые другие архаические обычаи, которые не встречаются нигде у соседних народов. Вот один из обычаев избегания, которого строго придерживались хевсуры. «Молодая,— пишет Ковалевский,— не сразу переходит на жительство в дом мужа и проводит первые четыре-шесть месяцев, нередко даже целый год, при своей родне». Далее идет подробное описание этого обычая. Широко практиковалось у хевсур и люлечное обручение. В то же время у них не было принято вступать в брак в ранней молодости, что объяснялось, по мнению М. М. Ковалевского, тем, что они избегали «чрезмерного размножения населения, для которого страна не в состоянии была доставить необходимое пропитание». По той же причине, говорит он, роды в ранней молодости считались у них позором для женщин. В свадебном ритуале хевсур и тушин М. М. Ковалевский выявил много архаических черт, уходящих своими корнями в глубь веков. К ним относилось, например, почитание культа очага, игравшего у них, как и у осетин, важную роль во всей свадебной церемонии. «У порога дома жениха,— пишет автор,— тушины обыкновенно кладут шашку, через которую невеста должна переступить. У тех же тушин невесту обводят вокруг очага, причем сопровождающий ее родственник жениха ударяет кинжалом по висящей над очагом цепи, точь-в-точь как это имело и доселе имеет место в среде осетин» [29, т. 2, с. 104, 105]. Однако у хевсур обряд этот ко времени приезда М. М. Ковалевского больше не соблюдался. Вместо него получили распространение определенные действия, в которых большую роль играла мать жениха. Автор отмечает также отсутствие у тушин и хевсур левирата.

В отличие от других горцев, тушины и хевсуры очень редко жили большими семьями. Состав семьи, по его словам, не превышал четырех-пяти человек. Но если кое-где у тушин и хевсур встречались большие семьи, они не отличались по структуре от семей пшавов или осетин. Глава семьи, отец или старший сын, в случае смерти или дряхлости отца мог распоряжаться землями и движимостью только с общего согласия всех совершеннолетних мужчин семьи. По обычному праву тушин и хевсур, как и других горцев Кавказа, для которых были характерны большие семьи, отчужденное или заложенное отцом имущество непременно возвращалось в семью, если на такое действие не было получено согласия сыновей.

Рассматривая имущественное право указанных народов, в частности их землевладение и землепользование, М. М. Ковалевский пишет: «На горных скатах, заваленных камнями, хевсурам приходилось устраивать искусственные нивы и луга и приобретать собственность в полном смысле слова трудом своих рук и в поте лица... Удобная для обработки площадь при всем

том представляла собою весьма ничтожную часть всей занятой народом площади» [29, т. 2, с. 106—107]. Он установил путём личного опроса стариков в сельских обществах хевсур и тушин порядок пользования различными земельными угодьями до и после присоединения Грузии к России, отметив, что пахотные земли, как и покосы, находившиеся, по его словам, в общем пользовании родственных коллективов, стали подвергаться периодическому разделу лишь в 70-е годы XIX в. Горные пастбища и леса всегда оставались во владении не отдельных поселений или сельских общин, а целых родовых групп. Это обстоятельство, говорит М. М. Ковалевский, давало возможность каждому роду выделять часть находившейся в его владении собственности на покрытие издержек родового культа. Посвящение этих земель родовому патрону, по словам автора, составляло одну «из оригинальнейших сторон обычного права хевсур» [29, т. 2, с. 108]. Он подробно характеризует порядок пользования этими земельными участками, засевавшимися исключительно ячменем для варки пива в честь родовых патронов. Обработка таких полей производилась совместно всеми членами рода.

Характеристика юридических обычаев тушин и хевсур сопровождается многочисленными этнографическими фактами. Описываются отдельные виды договорного, долгового и наследственного права этих народов, а также уголовного права, в частности кровной мести. Судя по данным автора, договорное право тушин и хевсур, представляющее большой интерес для истории права и сравнительной этнографии, почти не отличалось от договорного права других народов Кавказа. Оно не прошло длительного пути развития. Имелись договоры реальные, заключавшиеся в передаче самой вещи из рук в руки и требовавшие совершения известного у всех горцев символического действия — акта рукобитья. По словам М. М. Ковалевского, рукобитье считалось настолько решающим актом при заключении договора, что, если впоследствии одна из договаривающихся сторон оказывалась виновной в подмене проданной вещи, договор не терял своей силы. Это положение подкрепляется конкретными примерами из жизни тушин и хевсур.

Рассматривая отдельные виды договора, М. М. Ковалевский отмечает, что платеж у этих народов производился не денежными знаками, а скотом (коровами, волами, баранами) и ценными вещами, в частности оружием и медными котлами. При продаже земли соблюдалось право предпочтительной покупки в пользу родственников и соседей. Продавец предлагал продаваемый им участок сперва своему однофамильцу, затем односельчанину и лишь после их отказа имел право продавать землю постороннему покупателю.

В договорном праве тушин и хевсур большой интерес представляют и формы займа, которые наряду с формой найма показываются М. М. Ковалевским достаточно полно. Отмечая,

что у этих народов известен наем личный и имущественный, М. М. Ковалевский останавливается на описании личного найма и указывает некоторые особенности договора с пастухом, а также приводит ряд обычаев, связанных с имущественным правом, сходным с подобными им обычаями у соседних горцев. Вот один из них — раздел добычи между охотниками. «Шкура и голова, — пишет М. М. Ковалевский, — достается, по обычаю, лицу, убившему зверя, мясо же делится поровну между всеми участниками охоты. Того же правила придерживаются и при рыбной ловле: так, при улове лососины голова достается тому, кто взял лосося, прочее же мясо его делится поровну». К числу известных хевсурам и тушинам договоров относился и договор доверенности, заключаемый также путем рукобיתья. Доверитель, говорит автор, не отвечал за действия доверенного, выходявшие за пределы данных ему полномочий.

Наконец, нельзя не указать и на весьма оригинальный порядок обеспечения долга, путем поручительства у хевсур. Описание сопровождается конкретными примерами из жизни этого народа. Внимания заслуживает и характеристика имущественного права хевсур, имевшего наряду с общекавказскими чертами некоторые этнические особенности. Так, по данным М. М. Ковалевского, в Хевсуретии при разделе большой семьи отец получал кроме своей доли столько имущества, сколько необходимо было для покрытия издержек на его погребение. Однако раздел семьи здесь, как и повсюду на Кавказе, происходил большей частью лишь после смерти отца. При этом дочери и вообще родственники по женской линии ничего не получали. «Это правило, — пишет Ковалевский, — в последнее время обходится нередко путем усыновления зятя, который по смерти тестя, не оставившего сыновей, братьев и племянников, вступает в исключительное обладание в открывшемся наследстве» [29, т. 2, с. 113, 115]. При разделе семейного имущества у хевсур значительными правами пользовалась и вдова, оставшаяся в доме покойного: она получала полное содержание от его наследников. Характеризуется и ряд других черт, связанных с разделом семьи у этого народа.

Из очерка М. М. Ковалевского мы узнаем также, что обычай побратимства и посестримства, который заключался у хевсур в «питье из одной чаши с опущенными в нее стружками серебра», в отличие от других горцев, не пользовался большой популярностью. К сожалению, автор не дает объяснения этому явлению. Это упущение было им восполнено при описании другого древнего обычая, по которому у хевсур «в случае малолетства забота о сохранении имущества поручалась брату матери». Обычай этот М. М. Ковалевский справедливо считает пережитком матриархата.

Из всех обычаев хевсур, относящихся к уголовному праву, наибольший интерес представляет кровная месть. «В отличие

других горцев Кавказа, хевсуры и тушины не обнаруживают большой жестокости по отношению» к своим кровникам [29, т. 2, с. 112]. Весьма примечательной чертой кровной мести у этих народов являлось также то, что в совершении ее принимали участие не только родственники по отцу, но и дяди убитого со стороны матери. Эта черта, по замечанию Ковалевского, действительно указывает на пережитки матриархата. Рассматривая описываемый обычай у хевсур и тушин в отдельности, автор отмечает, что кровная месть у хевсур прекращалась через год после совершения убийства и в том случае, если родственники потерпевшего соглашались простить убийцу и помириться со всем его родом. В полном соответствии с требованием грузинского закона, говорит он, убийца со всей семьей обязан был покинуть свое местожительство и провести этот год в изгнании. Но это обстоятельство не мешало родственникам убитого продолжать род убийцы до тех пор, пока этот род не избавил себя от уничтожения платежом определенного выкупа. По словам М. М. Ковалевского, кровная месть у хевсур отличалась и некоторыми другими особенностями. «В отличие от осетин и абхазов, — пишет он, — которые освобождают от платежа крови отца, виновных в отце-, сыно- или братоубийстве, очевидно, на том основании, что самому себе род мстить не может, хевсуры облагают братоубийцу особым платежом в пользу детей убитого или, при его бездетности, в пользу брата оставленной убитым вдовы» [29, т. 2, с. 118]. Это свидетельство в связи с фактом, что при убийстве жены мужем плата за кровь поступала к ее брату, а при его отсутствии — к дяде убитой со стороны матери, по мнению М. М. Ковалевского, может служить новым подтверждением того, что у хевсур сохранились пережитки матриархата — важнейшего института первобытности.

Весьма характерно, что отмеченные выше особенности кровной мести у хевсур не встречались в быту у тушин. В Тушетии выкуп за убийство был значительно меньше — 60 коров. Отцеубийство и братоубийство здесь не влекло за собой кровную месть и требование выкупа. Тем не менее отцеубийцу вместе с его семьей выгоняли из селения, и он проводил в изгнании три-четыре года подряд. В очерке приводится также большое количество данных о платежах за различные увечья и ранения. Рассматриваемый очерк завершается краткой характеристикой судопроизводства у хевсур и тушин, включавшего в себя ряд весьма архаических обычаев, во многом аналогичных тем, которые встречались у соседних горцев [29, т. 2, с. 120—124].

5. НАРОДЫ ДАГЕСТАНА

Переходя к анализу работ М. М. Ковалевского, посвященных исследованию общественного строя и обычного права горцев Дагестана, нужно отметить, что этот район Кавказа, судя по

его же словам, он изучал с особым интересом. Дагестану М. М. Ковалевский посвятил большой раздел в монографии «Закон и обычай на Кавказе» [29, т. 2, с. 120—124, 127—304] и две содержательные статьи [27; 30]. Все они основаны преимущественно на полевом этнографическом материале, собранном автором во время его поездки по этой стране в 1887 г. Им были широко использованы также архивные материалы окружных управлений Аварского, Андийского, Казикумухского, Гунибского округов. М. М. Ковалевский впервые изучил ряд памятников обычного права горцев Дагестана, и в частности Кодекс кайтагского уцмня Рустем-хана, относящийся, по его определению, к XVII, а не к XII в., как это ошибочно доказывалось другими исследователями. «В моих руках, — писал М. М. Ковалевский, — кроме летних заметок, записки судебных решений и выдержек из адатов оказался еще ряд официальных документов, посвященных описанию сословного и земельного строя дагестанских племен» [27, с. 550].

Обобщающим исследованием по Дагестану стал обширный раздел его монографии «Закон и обычай на Кавказе», состоящий из пяти глав. Первая глава посвящена характеристике роли адатов и системы шариата. М. М. Ковалевский отмечает, что почти все дела гражданского права разбирались и обсуждались в Дагестане на основании шариата и только дела уголовного характера решались по адату. Процессуальное право также имело своим источником шариат. Тем не менее «все стороны юридической жизни Дагестана сохраняли еще недавно и сохраняют и теперь следы всестороннего регулирования их обычаям» [29, т. 2, с. 127]. Анализируя сборники дагестанских адатов, М. М. Ковалевский пишет, что многое из того, что составители относят к области обычного права, на самом деле имеет источником шариат. В качестве примера он ссылается на имевшие в Дагестане широкое распространение формы судебной присяги под названием хатунталах [29, т. 2, с. 128].

Влияние шариата на имущественное и уголовное право Дагестана М. М. Ковалевский показывает на примерах из ряда обществ и округов, отмечая, что в основу права горцев положено письменное право, или нормы шариата. Он находил правильным применение норм шариата в сфере уголовного права дагестанцев, ссылаясь на ряд примеров, свидетельствующих о преимуществах шариата перед адатами, а также указывающих на то, что «воздействие писаного права» — шариата — «повлияло на смягчение первоначальной суровости» [29, т. 1, с. 281—282] горского права. К чертам шариата, оказывавшим определенное влияние на уголовное и имущественное право, применявшееся в Дагестане, М. М. Ковалевский относит идею равного возмездия, положившую конец безграничности кровной мести, замене мести выкупом; установление принципа представительства в наследовании, в частности допущение женщин к полу-

нению доли в оставленном их родственником имуществе; борьба с самоуправством «в форме ли захвата кредитором имущества несостоятельного должника или добывания себе жен путем похищения»; большее признание на народных судебных процессах свидетельских показаний в качестве доказательства. Я полагаю, — пишет М. М. Ковалевский, — что допущение начал шариата к сфере уголовных преступлений не только бы не препятствовало, а, наоборот, содействовало бы осуществлению принятой нами миссии» [29, т. 1, с. 282].

Однако, как убедительно показал М. М. Ковалевский, победа шариата над адатами в некоторых сферах не означала еще полного исчезновения народных юридических воззрений. Известно, что сохранение адатов поддерживалось царской администрацией, преследовавшей цель уменьшить влияние письменного права, основанного на мусульманской религии. Царская администрация, с одной стороны, оберегала неприкосновенность горских адатов с целью «поддержания внутреннего порядка и покоя», а с другой — вынуждена была вести борьбу против вредных обычаев, в частности кровной мести. «Безусловное преклонение перед обычаем, — пишет М. М. Ковалевский, — с каждым годом становится все менее и менее осуществимым. Русское начальство приходит постепенно к заключению о необходимости так или иначе видоизменить его в интересах самих подвластных».

Возникновение многих норм обычного права народов Дагестана М. М. Ковалевский относит к периоду развитых родовых отношений.

Казалось бы, пестрота этнического состава населения Дагестана должна была обусловить большое разнообразие юридических обычаев, которым следовали горцы. Однако, говорит он, «сравнительное изучение приводит к совершенно противоположному выводу. Вместо нескольких юридических систем мы имеем перед собой только одну, которая, разумеется, имеет особые черты у каждого из основных народов Дагестана». Наличие у горцев Дагестана единой юридической системы М. М. Ковалевский объясняет общими историческими условиями развития. Одной из главных причин, определивших единство юридических норм Дагестана, он считает не только общие естественно-природные и бытовые условия, но и «повсеместное господство среди горцев родовой организации» — тухума, — вызвавшей появление у них целого ряда обычаев и обрядов: кровной мести и родового возмездия, «сопряжничества родственников на суде, серьезных ограничений разделов и отчуждения, исключения женщин из наследования или меньшего против мужчин участия их в нем» и т. п. [29, т. 2, с. 140]. Эти явления, указывает М. М. Ковалевский, встречаются в быту всех горцев Дагестана в такой же степени, как и в быту осетин, балкарцев, абардинцев и других горцев Кавказа.

Исследуя обычное право народов Дагестана, как и других кавказских горцев, М. М. Ковалевский обращал внимание только на те нормы, которые были характерны для родового строя, не учитывая в то же время юридических обычаев и институтов, возникших у горцев в период развития феодальных отношений.

Известно, что многие институты обычного права оставались в течение многих веков неизменными и потому не могли быть, как ошибочно полагает М. М. Ковалевский, определяющим фактором для характеристики общественно-экономического развития горцев в различные исторические периоды; не учтены также М. М. Ковалевским и те нормы обычного права, которые, сохранив старые формы, в условиях XIX в. изменили содержание.

Характеризуя общественный строй горцев Дагестана, М. М. Ковалевский отмечал у них полное исчезновение под влиянием шариага пережитков матриархата. Одним из главных признаков этого являлось отсутствие почитания дяди со стороны матери. В целом, по заключению автора, общественный строй горцев Дагестана опирался на агнатическое родство.

Характерной чертой дагестанских народов, в отличие от других северокавказских, М. М. Ковалевский считал также полное господство в их среде эндогамии. «Ни у кого, кроме жителей Дагестана,— пишет он,— мы не находим того предписания, что в брак следует вступать исключительно с женщинами собственного рода, что такой брак почетнее, что принадлежность к роду надо предпочесть и богатству, и общественному положению невесты» [29, т. 2, с. 142, 143]. Появление эндогамии у дагестанских народов М. М. Ковалевский объясняет древнеиранским влиянием. «По словам арабских летописцев,— говорит он,— до распространения ислама жители Дагестана были „езидами“, т. е. последователями того религиозно-нравственного учения, выражителем которого является Авеста. Брак на родственнице не только не воспрещен, но, наоборот, рекомендуется священной книгой Ирана; нет ничего удивительного поэтому, если встречаем его и в среде жителей Дагестана». По мнению ученого, эндогамия составляла характерную особенность лишь тех народностей, которые, подобно древним персам, являлись последователями Авесты. Во всяком случае, вопрос об эндогамии в Дагестане — один из интереснейших этнографических вопросов кавказоведения, который ждет еще своего решения. Существование здесь этого института первобытности, присущего многим народам мира, объясняется, по-видимому, не внешними факторами, а своеобразным социально-экономическим развитием этой страны.

М. М. Ковалевский указывал на ряд, по его словам, благоприятных условий, которые удерживали существование эндогамного брака в Дагестане. К ним относятся неприкосновенность родового (тухумного) землевладения и недопущение добровольного выхода из тухума. Однако, как известно, отчужде-

не земли из родовой собственности не допускалось не только в Дагестане, но и в других районах Северного Кавказа, для которых не была характерна эндогамия. Что касается второго аргумента, то он обосновывается М. М. Ковалевским большим количеством примеров из дагестанских адатов, действительно указывающих на существование в Дагестане обычая, по которому строго оберегалась цельность тухума, не допускался добровольный выход из него его членов. Так, в адатах Кюринского округа (Южный Дагестан) говорится: «Никому отделяться от тухума или рода не дозволяется»; в адатах кайтакцев сообщается, что такой поступок — бесчестный акт. Более определенно об этом говорится в документе, касающемся Ахтынского и Рутульского обществ: «Такой переход не допускается под опасением вражды заинтересованных в нем тухумов или родов». В свою очередь, М. М. Ковалевский отмечает: «Обыкновенно оставаемый тухум уговаривает лицо, желающее его покинуть, не делать этого. Случается, что при упорстве прибегают к угрозам, а в крайних случаях и к убийству». Однако на практике дело никогда не доходило до этого, указывает он, благодаря вмешательству всего общества. Но если тухум всячески стараясь удержать готового покинуть его, то одновременно он обнаруживал большую готовность принять в свою среду всякого желающего. Делалось это с целью увеличения своего состава. Такие пришлые обычно были представителями вымерших тухумов. М. М. Ковалевский указывает и на ряд случаев отступления от эндогамии, которые, по его словам, не меняли сути дела. Так, в Ахтынском вольном обществе при общем запрещении браков вне тухума как исключение допускали заключение брака между жителями Ахты и зависимых от него селений, «но не иначе, как под условием уплаты каждый раз тому роду, из которого бралась невеста, особого выкупа, известного под наименованием „барху“ (размером три рубля)» [29, т. 2, с. 145]. Отметим также, что пережиткам родового быта в Дагестане М. М. Ковалевский ищет аналогии не у соседних кавказских народов, а у индоевропейских, в частности у древних иранцев.

Заслугой М. М. Ковалевского является детальное изучение им тухума — самого крупного родственно-территориального коллектива всех народов Дагестана. Исследователь специально рассматривает сам термин «тухум», права и обязанности главы тухума как выборного лица, прием в тухум новых членов и связанные с ним обычаи и т. д. Им привлекаются разнообразные источники, в том числе и собственные записи, произведенные им во многих селах Дагестана. Тщательный анализ всего материала позволил М. М. Ковалевскому прежде всего правильно решить вопрос о происхождении тухума. Он доказал, что, в отличие, например, от осетинской или кабардинской фамилий, существование дагестанского тухума не связано с происхождением всех его членов от общего родоначальника. По

данным М. М. Ковалевского, тухумы, носящие генетические наименования, составляли меньшинство. Остальные носили либо прозвища или названия, связанные с местом возникновения, либо имена знаменитых людей, прославленных горцев, с которыми не всегда связывались представления о родоначальнике [29, т. 2, с. 146, 149]. «Охота, с которой тухумы производят усыновление не только отдельных лиц, но и целых семейств,— включает М. М. Ковалевский,— сама уже является препятствием к принятию того положения, что род отличается единством кровного состава». В целом дагестанский материал о тухумах послужил М. М. Ковалевскому ценным источником для решения ряда важных теоретических проблем по истории первобытного общества. Он, например, доказывает возможность происхождения таких союзов, как тухумы, в результате группировки вокруг вождя большего или меньшего числа неродственных между собой семейств, которые с течением времени начинали считать себя его потомками.

Описывая порядок выборности главы тухума, права и обязанности последнего, М. М. Ковалевский приходит к выводу, что тухумный старшина, или, как он его именует, родовой старшина, в Дагестане — не более как первый между равными и что по своей организации тухум «более приближается к республиканскому, нежели к монархическому, типу» [29, т. 2, с. 151, 153]. Описывает М. М. Ковалевский и процесс формирования тухумов путем принятия в них новых членов, подчеркивая, что тухумы увеличиваются не только за счет естественного роста, но и в результате включения в них отдельных лиц и целых семейств. Распространенный в Дагестане обычай усыновления также способствовал росту численности тухумов. Усыновление, как и изгнание отдельных членов тухума, оскорблявших честь родственников, производилось по особому обычаю.

Хотя М. М. Ковалевский дал всестороннюю и довольно обстоятельную характеристику тухума, он допустил в его оценке ряд ошибок. Отождествляя тухум, очень часто состоявший, по его же данным, из неродственных членов, с родом, он был уверен в существовании в Дагестане в рассматриваемое время родового строя. М. М. Ковалевский, как представитель своего класса, не видел в дагестанском тухуме социального расслоения, существования богатых и бедных. Он не учитывал также влияния на развитие тухумов феодальных отношений. А ведь известно, что массовое разорение целых тухумов или, по выражению М. М. Ковалевского, вымирание их происходило именно вследствие господства феодальной системы. Останавливаясь на системе управления сельскими обществами, М. М. Ковалевский указывает на ряд сел, в которых в течение многих лет сельскими старшинами выбирали лиц из одних и тех же тухумов, несомненно наиболее богатых. «В селении Хив, в Южной Табасарани,— пишет он,— род Сейдар один обладал правом

наследственного занятия должности старшины, точно так же как в селении Кандик род Аксакаляр. В Кюринском ханстве мы встречаемся с таким же точно порядком. Главный куракский старшина постоянно выбирался из рода Мирчиан, гельинский — из рода Кабуляр. Тухум Бургон один поставлял старшин в селение Цналь, а Бейбут — в селение Хутар» [29, т. 2, с. 160]. При исследовании общественного строя народов Дагестана М. М. Ковалевский не мог не обратить внимания на вольные общества. К сожалению, он ограничился рассмотрением лишь двух вольных обществ: Акушинского и Ахтынского. Тем не менее соображения ученого об этих своеобразных объединениях, различных по составу населения, представляют определенный интерес. По данным М. М. Ковалевского, вольное общество возникало обычно благодаря тому, что древнейшему и могущественному селению «удавалось нередко путем молчаливо заключенных союзов взять на себя руководство судьбами соседних обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредоточивал в своих руках судебное разбирательство и вне пределов общины». Во главе Акушинского вольного общества, например, состоявшего из пяти даргинских селений, стояло древнее и могущественное селение Акуши. Кадий этого главного селения во время войны принимал на себя руководство ополчением соседних четырех сел, от их имени объявлял войну и заключал мир, причем делалось это после принятия решения на общем сходе. В целом, как указывает М. М. Ковалевский, в Акушинском вольном обществе не наблюдалось фактов насилия со стороны главного села над подчиненными, чего нельзя сказать об Ахтах, насильственно подчинивших себе соседние селения и облагавших их некоторыми повинностями в свою пользу [29, т. 2, с. 162, 163—164].

Один из больших и содержательных разделов монографии «Закон и обычай на Кавказе» посвящен семейному и наследственному праву народов Дагестана. Он основан на полевом материале автора с широким использованием источников, извлеченных из сельских и окружных управлений. В разделе часто упоминается имя известного исследователя обычного права Дагестана Башира Далгата, материалами которого М. М. Ковалевский пользовался для освещения многих вопросов, касающихся семейного и общественного строя дагестанских горцев.

Описывая семейное и наследственное право народов Дагестана, М. М. Ковалевский прежде всего подчеркивал, что оно регулировалось больше письменным законом (шариатом), нежели обычаем (адатом). Характер брачного союза и способ его заключения, личные и имущественные отношения супругов, развод, взаимные отношения родителей и детей, опека, наследование и порядок раздела наследства — все это определялось в Дагестане, в отличие от других районов Северного Кавказа,

нормами шарииата [29, т. 2, с. 165]. М. М. Ковалевский указывает, что дагестанская семья является «полигамической более в теории, чем на практике», и что на Востоке во всех обществах, живущих в условиях натурального хозяйства, многоженство есть роскошь, доступная немногим. На всем мусульманском Востоке, говорит он, оно чаще встречается в городах, нежели в селах, в купеческих семьях чаще, чем в крестьянских. В Дагестане, по данным М. М. Ковалевского, мужчина редко имел более двух жен, хотя по шарииату можно было иметь и четырех. Однако М. М. Ковалевский ни разу не упомянул о дагестанских феодалах, среди которых эта форма брака имела самое широкое распространение.

Большой интерес представляют выявленные им локальные особенности заключения брака, а также реликты в свадебном цикле. Различия в этом обряде он проследил и между жителями горной и равнинной зон Дагестана. Если в горах, по данным Ковалевского, при заключении брака учитывалась знатность и благородность тухума, то на равнине особое значение придавалось имущественному положению брачащихся. Сила обычая сказывалась в Дагестане, как уже отмечалось, и в эндогамии — невеста непременно должна была быть из одного тухума с женихом. «Тогда как шарииат,— пишет М. М. Ковалевский,— в числе препятствий к браку выставляет близкое родство, дагестанский обычай требует заключения брака преимущественно с членами того же тухума, что и жених» [29, т. 2, с. 169—171]. В то же время Ковалевский отмечает, что еще со времен Шамиля, содействовавшего торжеству шарииата над адатом, браки между родственниками стали значительно реже. Неодобрительное отношение к эндогамному браку, говорит он, особенно явно проявляется среди жителей равнинной зоны Дагестана. Влиянием шарииата М. М. Ковалевский объясняет и исчезновение здесь левирата. Однако, как свидетельствуют этнографические данные, независимо от ислама эта форма брака во второй половине XIX в. редко встречалась и в других районах Кавказа, что объясняется, по-видимому, изменением социально-экономических условий жизни горцев.

Одно из доказательств того, что браки заключались в Дагестане в основном по шарииату,— решающая роль в выдаче невесты ее отца. Многочисленные данные, приведенные М. М. Ковалевским из разных дагестанских адатов, не оставляют в этом никакого сомнения. «Один только отец имеет право,— говорится в адатах Самурского округа,— выдать дочь замуж против ее желания, прочие же родные и опекуны не имеют этого права, так что засватанная при жизни отца девушка может по смерти его отказаться от замужества с тем женихом, с которым она была обручена» [29, т. 2, с. 173, 175—176]. И в то же время вопреки догмам шарииата в Дагестане широко бытовал обычай похищения, или, как называет его Ковалевский, увода невесты.

Судя по описанию, обычай этот был во многом сходен с существующим у других народов Северного Кавказа. «Жених,— пишет Ковалевский,— подкарауливает невесту в обществе нескольких товарищей, овладевает ею силой, тащит в наперед приготовленное убежище и немедленно бесчестит ее. Делается это с целью, чтобы ни девушка, ни ее родители не могли отказать похитителю в ее руке» [29, т. 2, с. 177]. Однако увод девушки в Дагестане отличался рядом своеобразных черт. Здесь за увод невесты алагалась пеня на одного похитителя, если не было предварительного сговора между молодыми людьми, или на обоих в случае такого сговора, при этом принималось в расчет, слышен ли был крик девушки или нет. Отсутствие крика признавалось в доказательство ее согласия. Причем похищение невесты считалось не позором, а подвигом и ставилось в заслугу. И все же причины сохранения этого обычая в Дагестане остаются неизвестными.

К числу малоизученных вопросов дагестанской этнографии относится и вопрос о калыме. До сих пор идет спор между исследователями о наличии в Дагестане калыма. Одни из них утверждают на этот вопрос утвердительно, другие отрицают существование там этого обычая. М. М. Ковалевский на основании большей частью личных наблюдений пришел к выводу, что калым имел здесь такое же распространение, как и в других районах Северного Кавказа. В то же время он подчеркивает, что «в некоторых частях Дагестана брак потерял уже характер реальной купли и что платеж, делаемый женихом, имеет не более, как символическое значение и легко может быть опущен вовсе» [29, т. 2, с. 178]. Одни народности Дагестана требуют уплаты женихом брачного дара, другие освобождают его от этой обязанности. К первым он относит аварцев и некоторые народности Южного Дагестана, в частности табасаран, плативших за невесту от 100 до 400 руб., ко вторым — даргинцев и лакцев. Но если плата за невесту постепенно исчезала, то этого нельзя сказать о другом виде платежа, известного под названием «кеин-хак», который жених скорее гарантировал, нежели выдавал невесте. Судя по приведенным данным, платеж этот существовал у всех народностей Дагестана. Назначением его было обеспечить жену на случай развода средствами к существованию. Наконец, М. М. Ковалевский указывает еще на один обычай, связанный с платежом за невесту и бытовавший, по его словам, во многих местах Дагестана. Это обычай заменять плату за невесту обязательством выдать за родственника невесты девушку из семьи жениха.

С большим интересом читается и описание сватовства в нескольких вариантах, встречавшихся у горцев. М. М. Ковалевский указывает, что некоторые обычаи носили ясно выраженный юридический характер, например передача матерью жениха определенных обычаем подарков невесте. Эти подарки, гово-

рит он, играли здесь ту же роль, какая в древнем германском праве принадлежала свадебному задатку. Сделка после этого считалась горцами заключенной, и нарушение ее одной из сторон вело за собой личную имущественную ответственность. «Если неисполнение последует со стороны невесты,— пишет Ковалевский,— жених легко может обратиться к публичному ее опозориванию, средством к чему служит отрезание у нее косы, отнятие платка и другой принадлежности туалета... В народе считается высшей мстью и кровной обидой отрезать косу у девушки или отнять что-либо из ее одежды. Это делается воровским образом, ночью. Летом, когда все спят на крышах, легко бывает подобраться тайком к намеченной жертве. На следующий день оскорбитель объявляет всенародно о том, что сделано было им ночью, после чего спешит запереться у себя в доме и принимает меры для защиты своей жизни от родственников девушки. Сельское общество,— продолжает он далее,— заботится о том, чтобы покончить дело миром, и начинает поэтому с того, что приказывает зарезать быка, принадлежащего виновнику, и употребить в пищу его мясо» [29, т. 2, с. 184]. Не менее важной задачей сельского общества являлось примирение враждовавших сторон. Принимались все меры к тому, чтобы родители девушки согласились выдать ее замуж за оскорбителя. М. М. Ковалевский отмечает и ряд других фактов нарушения брачного сговора.

Сам свадебный ритуал имел, по определению М. М. Ковалевского, многие общие черты с ритуалом других народов Дагестана. Не ограничиваясь простым описанием свадебных обрядов и выявлением их отличительных черт, М. М. Ковалевский пытается определить происхождение некоторых из обрядов, относя их к разным древним институтам обычного права [29, т. 2, с. 185—191]. Однако некоторые действия молодежи во время перехода невесты в дом жениха и первой брачной ночи М. М. Ковалевский ошибочно считает пережитками группового брака. На самом деле, по мнению М. О. Косвена, они относятся к переходному от матриархата к патриархату периоду [115, с. 52—72].

Приведенные М. М. Ковалевским материалы из архивных источников, его личные наблюдения свидетельствуют о бесправном положении дагестанки в семье и в обществе, о выполнении ею обременительных обязанностей по хозяйству и в поле. Женщина была низведена в Дагестане до положения рабыни. Шариат признавал мужа полновластным хозяином семейного имущества, сохранял за ним право применить к жене телесное наказание. «Насколько распространен в Дагестане обычай учить жену ударами по спине,— пишет Ковалевский,— можно судить по ходящей здесь остроте: „В саклю приходит сосед и, видя на стене две плети, спрашивает: на что тебе столько плетей. ведь у тебя всего одна лошадь? — Одна плеть, отвечает хозяин, служит мне для усмирения лошади, а другая — для усми-

ения жены». «Народные поговорки,—отмечает он далее,—так нельзя лучше выражают приниженное положение дагестанской женщины, говоря: „Существует один бог в мире, а второй бог — муж для жены“». И не от одного мужа приходилось терпеть дагестанской женщине. Придя в дом родителей мужа, молодая становилась помощницей свекрови, которая вваливала на нее всю работу в доме, заставляя ее испытывать те же притеснения, какие выпали на ее долю в дни ее молодости.

Согласно шариату при совместной супружеской жизни все имущество находилось в руках мужа, но при расторжении брака жене полностью возвращалось принесенное ею имущество; в случае же смерти жены, особенно бездетной, оно переходило в руки ее родных. М. М. Ковалевский дает интересные сведения о личном имуществе жены, которое считалось неприкосновенным и возвращалось ей полностью в случае расторжения брака [29, т. 2, с. 194, 197—198]. По нормам шариата во многих местах Дагестана жена не имела права требовать от мужа развода. Последний же мог сделать это в любое время, но он обязан был вернуть принадлежавшее ей имущество. Почитание культа очага некогда имело, по словам М. М. Ковалевского, широкое распространение по всему Центральному Дагестану и встречается еще в ряде мест Южного Дагестана. Жена, покидавшая после развода дом мужа, развеивала по ветру накопившийся в очаге пепел [29, т. 2, с. 201].

В семейном праве народов Дагестана важное место занимали и отношения между родителями и детьми, которые, по данным М. М. Ковалевского, также регулировались нормами шариата. В отличие от других районов Северного Кавказа, в Дагестане не признавались незаконнорожденные дети, здесь почти не был развит институт усыновления. Из описания М. М. Ковалевского мы узнаем также, что в Дагестане не были известны случаи детоубийства, имевшие место в далеком прошлом, например, в Сванетии и в ряде районов высокогорной Осетии. В дагестанском обществе, как и везде на Кавказе, особенно ценили рождение мальчиков.

Как в других районах Кавказа, в Дагестане при родах отец уходил из дома. Более того, он мог впервые увидеть новорожденного лишь несколько недель спустя, когда роженица успеет оправиться и переставала быть «нечистой». Это поведение горцев М. М. Ковалевский опять-таки объясняет влиянием религии древних иранцев. Между тем подобный обычай мы находим и у тех кавказских народов, которые не подвергались такому влиянию, например у горцев Грузии.

Характеризуя власть отца над детьми, М. М. Ковалевский указывает, в частности, на распространенный в Дагестане обряд, связанный с публичным отречением отца от недостойного его глазах сына: «В присутствии народа, собравшегося в мечети, отец забивал гвоздь в один из ее столбов и произносил

при этом освященные обычаем слова, которыми высказывалось, его намерение не считать более такое-то лицо своим сыном» [29, т. 2, с. 203]. По мнению М. М. Ковалевского, отречение это имело юридическое последствие — оно освобождало отца от ответственности за действия сына, в частности за его долги. Таким образом, за отцом было признано право исправлять своих детей не только убеждением, но и принуждением. При этом, как указывает М. М. Ковалевский, никто не имел права контролировать власть отца над детьми, «ни кадий, ни общественная власть аула». Лишь в немногих уцелевших больших семьях, говорит он, дед мог остановить отца, злоупотреблявшего «своей карательной властью». Нравственные обязанности отца по отношению к детям сводились к следующему: кормить, одевать, защищать в опасности, учить правилам веры, заставлять молиться и совершать омовения. В то же время шариат признавал за детьми обязанность содержать престарелых и хоронить умерших. В противном случае родители имели право обратиться в суд кадия, который мог принудить детей к выполнению их обязанностей. М. М. Ковалевский приводит ряд конкретных примеров, касающихся этого вопроса, по Даргинскому округу [29, т. 2, с. 203, 204].

М. М. Ковалевский отмечает, что отец не должен был принуждать сына к женитьбе, но имел право выдать насильственно дочь замуж, соблюдая при этом нормы шариата, предусматривавшие, чтобы жених принадлежал к числу мусульман-суннитов, был способен к брачному сожитию, а также имел ограниченное число жен и т. п. После выдачи замуж дочь освобождалась от родительской власти, и она переходила во власть мужа. От власти отца освобождался и сын, который в возрасте 15—16 лет считался совершеннолетним и мог после вступления в брак потребовать выдела.

Особое внимание М. М. Ковалевский уделил семейным разделам. Он, в частности, подчеркивал, что отец не обязан был давать сыну выдел при жизни, но в Дагестане, по его словам, весьма распространен был обычай в случае дряхлости главы семьи передавать ведение хозяйства женатому сыну. Однако, если сыновей было несколько, отец производил между ними раздел имущества при жизни. При этом принималось в расчет, «какие сыновья уже женаты, а какие еще холостые, какие дочери замужем, а какие еще в девицах, у кого из сыновей родители выбирают свое будущее местожительство и кто должен похоронить в случае смерти». Делалось это потому, что при разделе имущества холостым сыновьям давалась надбавка, облегчавшая им вступление в брак, а незамужним дочерям полагалось приданое. Сын, с которым оставались родители, наделялся большей частью имущества по сравнению с другими.

Для нас большой интерес представляют и другие замечания М. М. Ковалевского, касающиеся различных сторон быта даге-

танской большой семьи. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что приобретенное неотделенным членом семьи считалось собственностью ее главы — отца, обладавшего, как уже говорилось, деспотической властью. По данным М. М. Ковалевского, семейные разделы в Дагестане вошли в обычай сравнительно недавно. Это доказывается, например, тем, что в больших семьях долги детей считались долгами родителей.

«Пережитком семейной общины,— пишет он,— является поэтому доселе не вышедшая из употребления практика — привлекать отцов к ответственности за долг сыновей». Однако, чтобы избавиться от этой ответственности, отец, как указывалось выше, публично отрекался от такого сына [29, т. 2, с. 204—206].

Касаясь вопроса опекунства, М. М. Ковалевский отмечает, что права опекуна были строго ограничены судом, он не мог, например, выдать замуж опекаемую им девушку без ее согласия, а также взять на себя выбор невесты для опекаемого им малолетнего. Имущество лица, состоявшего под опекой, не могло подвергнуться отчуждению без разрешения кадия и без согласия опекаемого. В Дагестане опека обыкновенно осуществлялась ближайшим родственником по отцу. Для характеристики этого института М. М. Ковалевский привлекает различные источники, в том числе данные известного знатока обычного права народов Дагестана Б. Далгата.

Особое внимание здесь обращено и на исследование завещательного права, составлявшегося в основном также по нормам шариата. Характеризуя этот вопрос, М. М. Ковалевский подчеркивает, что до присоединения Дагестана к России здесь существовали только устные завещания, после присоединения появились письменные. Уже в период пребывания М. М. Ковалевского в Дагестане составлением завещания руководили кадий и состоящие при нем судьи — помощники. При этом по-прежнему требовалось, чтобы письменный акт, излагающий волю дарителя, был скреплен подписью двух свидетелей мужского пола. «Никаких особых душеприказчиков,— пишет Ковалевский,— завещатель не назначает». Автор показывает, какие меры принимались для того, чтобы оставленное по завещанию имущество распределить одинаково между наследниками [29, т. 2, с. 208, 209, 212, 213]. Наряду с нузруем (завещанием) в Дагестане, как и во всем мусульманском мире, существовал так называемый вакуф, или вакф, т. е. «пожертвование» имущества в пользу церкви, родственника или чужеродца. Однако наследуемый имел лишь право пользования, а не собственности. М. М. Ковалевский, останавливаясь и на этом вопросе, отмечает, что таким путем производилась «передача имущества в наследственное владение от сына к внуку и далее по прямой исходящей линии» [29, т. 2, с. 215].

Еще в статье «Родовое устройство Дагестана» М. М. Ковалевский сообщал, что им получен сборник адатов Гунибского

округа от начальника этого округа [27, с. 550—551]. Как уже отмечалось, во время поездки по Дагестану им был открыт и другой ценный памятник — «Постановления кайтагского уцмня Рустем-хана». Говоря об этом памятнике, М. М. Ковалевский писал: «Этих сборников мне известно два: один издан г-ном Комаровым, другой списан мною с рукописи, принадлежащей окружному управлению Кайтаго-Табасаранского округа. Сборники эти мало чем разнятся друг от друга. Происхождение того и другого одинаково приписывается Рустем-хану, о котором в конце хранящейся в Дербенте рукописи значится, что „после смерти отца своего Хан-Магомеда-уцмня он вступил во владение Кайтагом, что случилось в 1601 году, умер же он в начале 1631 года. Рустем-хан получил две грамоты от Шаха-Аббаса персидского в 1609 и 1610 годах“» [29, т. 2, с. 233, 234]. Исходя из этих данных, М. М. Ковалевский совершенно справедливо утверждает, что нет основания датировать появление Кодекса Рустем-хана XII в., как это ошибочно делал А. В. Комаров, а за ним и Ф. И. Леонтович [80, с. 93—96]. Указывая, что памятник этот относится к XVII в., он подробно анализирует его содержание, показывает глубокий архаизм описываемых в нем норм обычного права жителей Кайтага. При этом М. М. Ковалевский подчеркивает, что законодательная деятельность уцмня Рустем-хана не ограничилась простой записью народных юридических обычаев и что «Постановления» включают ряд норм, заимствованных из шариата.

Рассматриваемый памятник, как и адаты народов Дагестана, широко использовался М. М. Ковалевским для изучения уголовного права дагестанских горцев, в частности кровной мести. На основании различных источников он рассматривает этот обычай во всех его аспектах и почти у каждого народа в отдельности. Кровную месть в Дагестане М. М. Ковалевский объясняет не социально-экономическими условиями жизни, а сохранением здесь родового строя, а также религиозными мотивами, в частности культом предков. «История уголовного права,— пишет он,— открывает господство родовых сообществ. Будут ли эти сообщества устроены на начале материнского родства или на начале агнатическом, они равно являются как личными, так и имущественными союзами». По его мнению, у народов, живущих «родовыми сообществами и имеющих культы предков, считается позором оставлять неотмщенными известные виды деяний». К последним он относит убийство родственника и оскорбление семейной чести, которые проявлялись в разных формах. Изучая обычай кровной мести, М. М. Ковалевский особо останавливается на его своеобразных чертах, вызванных главным образом влиянием ислама, по которому убийство виновника и его родственников заменялось другими актами. Обязательным было изгнание убийцы из его родного селения. Более того, имущество последнего уничтожалось родственниками уби-

ого; они разносили его жилище, вырубали сад, истребляли все его движимое имущество. «Преступник,— говорит М. М. Ковалевский,— обязан жить в изгнании, сделаться абреком до тех пор, пока родственники убитого не согласятся простить его, получив от него выкуп. Дом, в котором жил убийца, не может быть воздвигнут вновь до тех пор, пока не последует прощение» [29, т. 2, с. 219, 226, 229].

Ничего подобного мы не находим у других народов Северного Кавказа. Правда, у осетин, ингушей, чеченцев, балкарцев и других убийца также часто покидал навсегда родные места и уходил в соседние районы или же на чужбину. Но там не было актов насилия в отношении его жилища и имущества.

Давнее существование ислама в Дагестане не могло не наложить отпечаток на уголовное право, и прежде всего на характер кровной мести. М. М. Ковалевский неоднократно указывает на многие черты в адатах, заимствованные из мусульманского письменного права. Нормы шариата по сравнению с адатами были гораздо мягче в отношении кровной мести. «При сопоставлении,— говорит он,— народного обычая и распространенного в Дагестане свода Новеви мы убеждаемся, что при общности исходных моментов шариат опередил адат, уклонившись в гораздо большей степени, нежели последний, от первоначальной суровости родового возмездия». Возмездие признается шариатом «в большинстве случаев только в форме заменявшего месть выкупа». «Кровомщение,— пишет Ковалевский,— дозволено только в случаях преднамеренного убийства или ранения и всецело возложено на ближайших родственников и наследников» [29, т. 2, с. 237]. По адату же кровомщение, как известно, распространялось на всех родственников враждовавших сторон.

Анализируя адаты различных обществ Дагестана, М. М. Ковалевский заключает, что «в постановлениях о кровной мести шариат не ограничивается простым признанием действовавшего до него обычая, а вводит его в определенные рамки: ограничивает сферу его действия, регулирует порядок его проявления и работает о замене его менее нарушающим внутренний мир и спокойствие порядком». Вместо прежней неограниченности мести шариат выдвигает идею «равенства» возмездия. «Вместо прежней всеобщности кровомщения он требует приурочения мести исключительно к случаям умышленных убийств, увечий и ранений». Проникновение письменных установлений мусульманства в систему адатов было в разных районах Дагестана неодинаковым: в одних случаях оно сказывалось больше, в других — меньше; по-видимому, все зависело от степени проникновения этой религии в быт горцев. У аварцев, например, по словам автора, кровная месть была ограниченной вследствие большей роли шариата в их быту. В то же время в соседних андийских селлах влияние шариата было незначительным, что доказывается сохранением кровомщения по адату. То же самое можно ска-

зять и о жителях Гунибского округа, у которых кровомщение претворялось в жизнь в условиях «необузданного произвола, направленного одинаково против личности и собственности как ближайшего виновника злодеяния, так и всей его семьи и до некоторой степени всего его рода» [29, т. 2, с. 240 и сл.].

В Кюринском округе кровная месть объявлялась согласно шариау только при умышленном убийстве, и ей подлежал один убийца. Характерно, что в Кайтагском обществе, по данным «Постановления» уцмий Рустема, нормы шариау настолько глубоко вошли в быт народа, что кровомщение здесь «не считалось дозволенным даже по отношению к убийце». «Кровь убитого пропадает, как сорвавшаяся с дерева груша», — говорится в указанном Кодексе. Сильное влияние шариау сказывалось и на обычае кровной мести жителей Самурского округа. Здесь неумышленное убийство вело к уплате всего половины выкупа. Подобно самурцам, даргинцы осуществляли кровомщение также по шариау; из него они заимствовали постановления о полном прекращении мести после убийства виновного и о безответности убийств, совершенных в целях необходимой обороны.

Тем не менее в отдельных обществах Даргинского округа в силу, по-видимому, незначительного влияния шариау кровомщение осуществлялось по адату. В Цудахарском обществе, например, в кровную месть вовлекались все родственники до четвертой степени родства. В ряде других даргинских обществ (в Акушах, Микахинском, Усишинском) кровным врагом признавался только один убийца, и месть, таким образом, из родовой становилась личной, т. е. приобретала тот характер, какой стремился придать ей шариау [29, т. 2, с. 248—249].

Рассматривая влияние шариау на адаты каждого народа в отдельности, М. М. Ковалевский пришел к выводу, что все же «обычаи аварцев в большей степени, нежели обычаи других племен Дагестана, носят на себе отпечаток раннего и глубокого воздействия шариау». Анализ источников, в первую очередь «Постановления» уцмий Кайтагского, дал ему возможность установить также, что элементы письменного закона ислама стали проникать в народные юридические воззрения дагестанских народов в очень глубокой древности. Однако всего сильнее влияние шариау на обычное право горцев Дагестана стало сказываться в период правления Шамиля, который активно содействовал этому. По словам М. М. Ковалевского, в это время адаты настолько прониклись мусульманским духом, что «последовавшее со стороны русского правительства запрещение применять к уголовным преступлениям правила шариау было бессильно воскресить народный обычай в первоначальной его чистоте... Да в этом и нет необходимости. В обсуждении условий и порядка совершения кровной мести писаное право магометан далеко опередило собою народный обычай. Оно несрав-

«...но более его отвечает требованиям общественного спокойствия и порядка» [29, т. 2, с. 250].

Исследование общественного и обычного права Дагестана М. М. Ковалевский завершает характеристикой имущественных преступлений. Еще в монографии «Современный обычай и древний закон» он высказал мысль о том, что у племен, живущих родовым строем или «сообществом», воровство не отличается от взятия добычи у неприятеля и считается похвальным до тех пор, пока оно направлено против чужеродцев; «если же жертвой его являются родственники, воровство принимает характер нарушения внутреннего мира и потому становится действием, опасным для спокойствия и согласия целого кровного сообщества». В соответствии с этой точкой зрения он и рассматривает нормы обычного права по имущественным преступлениям у народов Дагестана, у которых, по его мнению, эти преступления расцениваются как причиняющие материальный ущерб, но различия между кражей и мошенничеством не устанавливаются. Такая трактовка, как справедливо отмечает А. С. Омаров, явно архаизирует характер народных правовых норм по имущественным преступлениям в Дагестане, где, судя по данным письменных источников, издавна были известны понятия воровства, поджога, умышленной порчи чужого имущества, потравы и т. д. [29, т. 2, с. 160; 80, с. 100].

6. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Нам остается рассмотреть взгляды М. М. Ковалевского по общим теоретическим вопросам, касающимся в целом всего Кавказа. Им он отводит первый том своего труда «Закон и обычай на Кавказе». Здесь прежде всего справедливо отмечается наличие многочисленных свидетельств по Кавказу и его народам в трудах древних и средневековых авторов и ученых нового времени. Эти свидетельства могут быть широко использованы при освещении самых различных вопросов духовной жизни. «Юрист-этнограф, строящий свои заключения на основании кавказского материала,— пишет М. М. Ковалевский,— имеет, таким образом, в своем распоряжении целый ряд равномерных взаимоконтролируемых и восполняющих друг друга данных. Вместо того чтобы довольствоваться чисто субъективными догадками о вековой древности изучаемых им обычаев и институтов, он имеет возможность удостовериться в этой древности правками у греческих и римских, арабских и византийских, армянских и грузинских географов и анналистов. Мало ему этого материала, он и в отчетах путешественников найдет обильную пищу для своей любознательности».

М. М. Ковалевский прослеживает древние обычаи и институты у горских народов, а также характеризует исторические

связи Кавказа с другими регионами. М. М. Ковалевский был огорчен тем, что ему не удалось зафиксировать на Кавказе матриархата в его классической форме; он мог обнаружить у разных кавказских народов лишь пережитки этого института. «Если мы в заключение,— говорит Ковалевский,— зададимся вопросом, какое понятие о матриархате можно составить на основании данных кавказской этнографии, то мы принуждены будем сказать, что эти данные не оправдывают собою ни учения Бахофена о существовавшем некогда периоде женовласти, ни учения Спенсера... Вместо того чтобы принадлежать женщине, власть в материнском роде всецело сосредоточивается в руках ее мужских когнатов, дяди и брата» [29, т. 1, с. 26]. В то же время он был вполне уверен в сохранении на Кавказе патриархального рода, а не его пережитков. Если матриархат, по его словам, являлся здесь «частью выжившим, частью выживающим порядком», то патриархат носил у горцев «еще все признаки вполне жизненного явления». Существование патриархального рода у горцев М. М. Ковалевский пытается доказать на основе сохранившихся у них пережитков древних религиозных верований, особенно в их погребальных и поминальных обрядах. Важнейшее значение придается культу предков и культу домашнего очага; с прекращением рода прекращалось и существование культа предков. Однако приводимые автором примеры из области духовной жизни горцев говорят о сохранении у них не рода, а его пережитков.

Родовые порядки М. М. Ковалевский находит и в форме землевладения горцев. При этом степень их сохранения, считает он, зависела от места поселения горцев. «Характер местности, служащей для поселения родовых групп,— пишет он,— во многом обуславливает их отношение к земле. Там, где, как на кабардинской плоскости, природа не установила особых границ для территориального распространения отдельных родов, там возможно удержание как племенной или народной, так и „братской“ собственности. Наоборот, там, где роды по причине тесноты долин принуждены занять своими ветвями нередко замкнутые друг от друга местности, там распространенным типом собственности является не родовая, а дворовая». М. М. Ковалевский находит у кабардинцев и черкесов «существование племенной, братской и родовой собственности на землю», умалчивая о наличии у них, как у других горцев, феодально-княжеской земельной собственности [29, т. 1, с. 28, 62—65].

Большое значение придает автор иноземным влияниям, под воздействием которых, по его мнению, формировались религиозные воззрения кавказских народов, а также многие юридические нормы общественной жизни. Прежде всего М. М. Ковалевский отмечает определенное распространение на Кавказе древней религии персов (пережитков зороастризма). Следы Авесты, по его мнению, встречаются у осетин, в их погребальных обрядах. Од-

Однако предположение это, основанное лишь на данных осетинской мифологии, не было подтверждено в дальнейшем исследователями осетин. Более того, зороастризм, занесенный якобы, по мнению М. М. Ковалевского, благодаря мифам на Северный Кавказ, отсутствует в религии осетин [29, т. 1, с. 65—78, 87—89; 100, с. 7]. Древнеиранскому влиянию М. М. Ковалевский также приписывает один из древних погребальных обычаев горцев — захоронение покойников в специальных усыпальницах — склепах. Однако вопрос о склеповом захоронении, неоднократно рассматривавшийся в кавказоведческой литературе, требует еще дальнейшего исследования.

Как мы уже говорили выше, древнеиранским влиянием М. М. Ковалевский объясняет и распространение на Кавказе, в частности в Дагестане, эндогамного брака, а также некоторых видов очистительной присяги у осетин, балкарцев, ингушей, хевсур и др. Особенности эндогамного брака, говорит он, «одинакового в древней Персии и в современном Дагестане», находят свое объяснение, как и некоторые формы присяги указанных горцев, в Авесте.

Наконец, сходство древнеиранских и кавказских народов, по данным М. М. Ковалевского, обнаруживается в их юридических обычаях, в частности в уголовном праве. «Фраза, — пишет он, — заимствованная персидским анналистом Табари в уста одного из последних представителей династии Сасанидов: „Кто не убьет убийцу своего отца, должен считаться незаконнорожденным“, могла бы как нельзя лучше передать общераспространенное на Кавказе убеждение». Однако он признает, что эти особенности кровной мести нельзя считать заимствованными, так как они присущи любому обществу, развивавшемуся «на почве родового быта». Гораздо большее влияние древнеиранские правовые нормы, по его мнению, оказали на те обычаи горцев Грузии (пшавов, тушин и хевсур), которые относятся к их имущественному праву и сословному устройству [29, т. 1, с. 107, 116—120].

Для нас важное значение имеет определение М. М. Ковалевским времени и путей проникновения древнеиранских культурных черт на Кавказ. Он полагает, что культура иранцев наложила свой отпечаток на кавказскую в две, далеко отстоящие друг от друга эпохи, причем влияние иранской культуры на северном склоне Кавказского хребта сказалось гораздо раньше, нежели на южном. К первому периоду он относит скифо-сарматов, появление которых на Северном Кавказе датируется VII в. до н. э. Но скифы, действительно являясь носителями древнеиранской культуры, оказали влияние почти на весь Кавказ, включая и Закавказье. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические памятники скифской эпохи. Второй период распространения «авестийской культуры», по мнению М. М. Ковалевского, приходится на эпоху господства Сасанидов, известных как ярые ревнители авестийского вероучения. Однако

влияние Сасанидов распространялось исключительно на территорию Закавказья.

Значительную роль М. М. Ковалевский отводит греческому и римско-византийскому культурному влиянию на народы Кавказа. Он отмечает в особенности значение греческих колоний Северного Причерноморья, оказавших, по его мнению, особенно большое влияние на быт горцев Западного Кавказа. М. М. Ковалевский даже считает, что колонии эти «сделались постоянным источником религиозной культуры горцев» [29, т. 1, с. 125]. Из греко-римского пантеона предками современных абхазцев, адыгов и осетин был заимствован ряд таких популярных божеств, как покровитель кузнечного дела, известный у абхазцев под именем Шесту, у адыгов — Тлепса, у осетин — Курдалагона, повелитель громов, властитель вод и т. д. Однако это положение автора нуждается в более солидном обосновании, чем оно дается в рассматриваемой работе. М. М. Ковалевский сам признает, что ему «неизвестен тот путь, каким мифологические верования классических народов проникли» в среду горских племен Кавказа.

Особое внимание им уделено выявлению следов римско-византийского права в древних судебных кодексах Армении и Грузии, а также в адатах горцев Северного Кавказа. Начало воздействия этого права на юридические обычаи народов Кавказа относится, по данным Ковалевского, к XII в. При этом, анализируя сходные черты уголовного права, например, он приходит к выводу о том, что «обычаи кавказских горцев через посредство грузинского и армянского права могли усвоить некоторые воззрения римско-византийского законодательства». Такими являлись некоторые обычаи, выполнявшиеся горцами при заключении брака и во время свадьбы. Нормы римско-византийского права, по мнению М. М. Ковалевского, находят яркое отражение и в семейном быту горцев, особенно в положении женщины. Так, развод у горских народов имеет много сходных черт с разводом, предусмотренным византийским правом [29, т. 1, с. 126—130, 132, 144]. В целом в распространении юридических воззрений римлян и греков среди кавказских народов в древности, по-видимому, немалая роль принадлежала христианским миссионерам.

М. М. Ковалевский посвящает специальную главу христианству на Кавказе, рассказывает о многочисленных памятниках этой религии, найденных им в различных районах края. Он явно преувеличивает значение армяно-грузинского влияния на горцев Северного Кавказа. Он считает, что горцы заимствовали из Грузии не только семейные обычаи, но и сословность и феодальные порядки, т. е. и здесь высказывает ошибочные положения о феодализме у горских народов, считая, что он был занесен к ним извне. По его мнению, осетины, например, восприняли некоторые семейные обычаи (порядок раз-

дела имущества, наделение определенной долей старшего, среднего и младшего братьев и т. д.) у грузин, а последние, в свою очередь, заимствовали эти и другие обычаи у древних иранцев. М. М. Ковалевский полагал даже, что ряд норм семейного права осетин идет непосредственно из Ирана [29, т. 1, с. 146—159, 173, 174]. Он доказывает, что обычное право персов и феодальная система европейцев, нашедшие благодатную почву в Закавказье, были восприняты горцами Кавказа в значительной мере через Армению и Грузию. Таким путем проникли, по его словам, к горцам с Запада и рыцарские порядки, проявлявшиеся особенно ярко в обычном праве хевсур. «В Хевсуретии поединок,— пишет Ковалевский,— доселе не вышел из нравов. Одетые в рыцарские доспехи, в железной кольчуге и рукавицах, с лицом, покрытым подобием шлема, хевсуры дерутся и в наши дни такими же плоскими мечами, какими дрались некогда рыцари времен крестовых походов». Однако он не считал хевсур, вопреки утверждению А. Л. Зиссермана и других исследователей, потомками крестоносцев. По его мнению, многие черты быта этих горцев Грузии, как и других их соплеменников, имели иранскую основу. Вместе с тем он признает наличие в горах Кавказа «рыцарских нравов» и пытается это доказать на материале других горцев, в частности сванов.

Известно, что Северный Кавказ неоднократно являлся объектом нашествий степных кочевников — хазар, гуннов, булгар, половцев (кипчаков) и татаро-монголов. Естественно, каждый из этих народов оставил какой-то след в быту горцев Кавказа. Выяснению этих фактов М. М. Ковалевский посвятил целый раздел в рассматриваемой работе. Однако состояние науки в то время не позволило ему более глубоко и всесторонне осветить этот вопрос. Поэтому в его освещении имеется много спорных и даже ошибочных положений [29, т. 1, с. 181—182, 184—185]. Так, М. М. Ковалевский считает, что гунны внесли в быт горцев такую особенность своего похоронного обряда, как оплакивание, во время которого горцы рвали волосы, царапали лицо ногтями, бились головой и т. д. Однако обычай этот местный и восходит к гораздо более отдаленному периоду, чем появление гуннов. Если горцы и заимствовали этот обычай, то скорее всего, нам думается, у скифов, у которых он был, по описанию Геродота, совершенно аналогичен.

Значительное внимание М. М. Ковалевский уделил и доказательству происхождения современных балкарцев от одной из ветвей древних булгар. Эта мысль была высказана еще В. Ф. Миллером в его «Осетинских этюдах». М. М. Ковалевский, привлекая свои полевые записи по Балкарии, развил дальше версию булгарского происхождения балкарцев [29, т. 1, с. 191—217], хотя дальнейшие исследования показали ее ошибочность. Впоследствии оба ученых установили, что балкарцы — отуреченные осетины. Оттесненные татаро-монголами с равнины в

горы Центрального Кавказа, половцы (кипчаки) смешались с коренным аланским населением, в результате чего и сложилась балкарская народность. Эта точка зрения на происхождение балкарцев поддерживается большинством исследователей.

Говоря об арабском влиянии на Кавказе, и прежде всего в Дагестане, М. М. Ковалевский считал одним из важных его последствий распространение мусульманства, занесенного арабами в эту страну, в период завоевания ими Восточного Кавказа.

М. М. Ковалевский, посвящая этой теме целый раздел, отмечает, что религия эта не сразу утвердилась среди горцев. Раньше всего она была воспринята жителями предгорьев страны и лишь намного позже проникла в высокогорные районы. «В глубоких горных теснинах,— пишет Ковалевский,— христианство продолжало держаться почти до наших дней» [29, т. 1, с. 217]. Из этого можно заключить, что еще в 80-х годах XIX в., в период пребывания ученого на Кавказе, в ряд горных мест Дагестана влияние ислама почти не дошло. В результате этого здесь сохранились не только следы христианства, обратившие на себя пристальное внимание М. М. Ковалевского, но и древние народные верования, особенно в Аварии. Поэтому едва ли М. М. Ковалевский прав, полагая, что уже в конце X в. в Аварском округе «окончательно установилась» мусульманская религия. Тем не менее приведенные им сведения о распространении ислама в целом по Дагестану дают возможность судить о значении в пропаганде ислама таких крупных центров мусульманства, как Дербент, Тарки, Казикумух, Хунзах и др.

Арабы принесли на Кавказ мусульманство суннитского толка. Только жители сел. Мескинджи по р. Самур исповедовали шиизм. М. М. Ковалевский подробно рассматривает историю возникновения и распространения ислама суннитского толка, отмечает, что это направление мусульманства возникло в IX в., в период господства Багдадского халифата. Составленный последователями суннитов еще в XIII в. сборник религиозного и юридического характера «доселе составляет в Дагестане настольную книгу для религиозных судей... является главным источником шариата» [29, т. 1, с. 220]. Сочинения одного из толкователей этого учения, Абу-Ходжи (XI в.), по словам Ковалевского, распространялись в рукописях даже в центральных районах Северного Кавказа.

М. М. Ковалевский подробно рассматривает влияние мусульманства на многие стороны быта горцев. Большой интерес представляет изложенная автором краткая история отдельных феодальных образований (шамхальства Тарковского, уцмийств Кайтагских, султанства Елисуйского и др.), а также характеристика различных социальных категорий в Дагестане. Для освещения этих вопросов широко используются данные известной рукописи Мухаммеда Рафи (XV в.), Кодекса Рустем-хана (XVII в.) и других письменных памятников народов Дагестана

эпохи позднего средневековья. Из анализа М. М. Ковалевским Кодекса кайтагского уцмья Рустема мы узнаем, что, по данным этого памятника, уже в XVII в. шариат оказывал большое влияние на адаты. Однако «полное торжество шариата над адатом» совершилось только при Шамиле [29, т. 1, с. 221—223].

Целый раздел монографии М. М. Ковалевского посвящен воздействию феодальной Кабарды на развитие социального строя соседних горских народов, в том числе осетин и балкарцев. Здесь же ученый касается вопросов горского феодализма. Автор дает очерк социальной организации Кабарды; на основании народных преданий рассматривает происхождение кабардинцев, приводит генеалогию родовитых князей; исследует права и обязанности господствующих феодальных сословий Кабарды, а также положение зависимых от феодалов социальных категорий — крестьян, холопов и рабов. Показав общественный строй Кабарды во всех его аспектах, М. М. Ковалевский делает вывод, что этот строй почти целиком был воспринят как осетинами и балкарцами, так и другими горцами Северо-Западного Кавказа.

Причиной заимствования горцами социального строя кабардинцев М. М. Ковалевский считает длительную экономическую и политическую зависимость их от феодальной Кабарды. «Подражая кабардинцам в их одежде, оружии, домашней утвари, способе постройки жилищ и манере держать себя в обществе, горские народности Западного Кавказа, — пишет он, — усвоили себе также кабардинскую точку зрения на те отношения, какие должны существовать между повелителями и подвластными, между князем и его вассалами» [29, т. 1, с. 245]. Перенесение в Осетию кабардинских сословных порядков, по словам ученого, происходило в период установления в осетинских обществах Тагаурии, Куртатии и Дигории господства местных владельцев над крестьянами «при непосредственном участии кабардинских дружин». Кабарда, стоявшая намного выше соседних горских обществ по уровню социально-экономического развития, действительно оказала определенное влияние на формирование в них феодальных отношений. Однако М. М. Ковалевский слишком преувеличивает это влияние, не признавая самостоятельного развития социальных организаций внутри этих обществ.

Вопрос о горском феодализме рассматривался М. М. Ковалевским еще в 1883 г. в статье «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа» [14]. Известно, что эта статья была встречена на Кавказе резко отрицательно таким знатоком быта горцев Северного Кавказа, как Я. Абрамов, который обвинял М. М. Ковалевского, и, по-видимому, справедливо, в неправильном освещении изучаемого им вопроса, в отсутствии в его статье достаточного конкретного материала. Критика Я. Абрамова справедлива и в оценке взглядов М. М. Ковалевского на роль Кабарды в сложении феодальных отноше-

ний у соседних горцев, которая действительно им переоценивается. Нужно отметить, что критика эта явилась, по-видимому, одной из главных причин того, что М. М. Ковалевский больше уже не обращался к изучению горского феодализма. Уделив основное внимание исследованию институтов первобытного общества на Кавказе, он оставил эту проблему неразработанной. Во всяком случае, ни в одной из последующих его работ по Кавказу, в том числе в таких фундаментальных трудах, как «Современный обычай и древний закон», «Закон и обычай на Кавказе», он не останавливается специально на этом вопросе. Изучая, например, общественный строй народов Дагестана, он даже не упомянул о существовании здесь феодальной системы.

М. М. Ковалевский предполагал наличие развитого феодализма у всех горских народов Северного Кавказа. Однако такой феодализм был характерен только для кабардинцев; у других горцев, в том числе осетин и балкарцев, феодальные отношения находились лишь на стадии созревания. М. М. Ковалевский настолько был уверен в своей оценке уровня развития горского феодализма, что сравнивал его с классическим западноевропейским феодализмом. «Мы рассмотрели,— пишет он,— один за другим важнейшие факторы горского феодализма и обусловленной им сословной системы. В существеннейших чертах эти факторы не отличаются ничем от тех, которые повели к возникновению феодальных отношений на западе Европы». Многие черты социальных категорий горцев он сравнивает с теми, которые были, по его мнению, присущи феодальным сословиям средневековой Европы [29, т. 1, с. 256, 260, 261, 263].

По мнению М. М. Ковалевского, влияние Кабарды на складывание феодальных отношений не ограничивалось пределами Осетии и Балкарии, не меньшее значение оно имело для закубанских черкесов и абазин, якобы заимствовавших у кабардинцев даже наименования социальных категорий. Однако, «чем далее мы удаляемся к Черному морю,— пишет М. М. Ковалевский,— тем свободнее от кабардинцев складывается общественная организация черкесов». Следовательно, под влиянием феодальной Кабарды, по его мнению, формировались социальные организации горских народов в основном Центрального и отчасти Северо-Западного Кавказа. У черноморских адыгов в прошлом М. М. Ковалевский признает только существование родовой демократии [29, т. 1, с. 265].

Как бы то ни было, проблема горского феодализма, поднятая М. М. Ковалевским еще в 80-х годах XIX в., привлекает к себе до сих пор пристальное внимание исследователей, занимающихся вопросами социальных отношений горских народов Кавказа.

Заключительный раздел рассматриваемого труда М. М. Ковалевского посвящен анализу прогрессивного значения присоединения Кавказа к России и деятельности местной царской

администрации. Он справедливо считал главными результатами добровольного вхождения кавказских народов в состав Российской империи отмену домашнего рабства, прекращение племенной и родовой распри между горцами, устранение многих пережитков родового быта. После присоединения народы Кавказа получили возможность самостоятельного развития, были избавлены навсегда от внешних захватчиков, значительно расширились между ними и Россией экономические и культурные контакты. Важным итогом присоединения было переселение значительной части горцев Северного Кавказа на равнину и обеспечение их земель.

Однако наряду с этими положительными актами проводилась жестокая колониальная политика царизма в интересах господствующих классов; эта политика была направлена на угнетение и подавление трудящихся коренных народностей. Ее осуществлением руководила местная царская администрация, на характеристике деятельности которой и останавливается М. М. Ковалевский. Он оценивал ее по-своему. Прежде всего положительным фактором политики царизма на Северном Кавказе ученый считал сохранение у горцев их сословного строя и форм землевладения. Он дал обстоятельную характеристику проведенной среди горцев земельной и сословной реформы. Конечно, в силу своей классовой ограниченности М. М. Ковалевский не мог заметить, что горская феодальная верхушка являлась активной участницей осуществления колониальной политики царизма на местах.

В то же время он считал ошибочными и даже вредными меры царского правительства по восстановлению в Дагестане норм адатов вместо установлений шариата. Он, в частности, отмечал, что отношение царского правительства к горским адатам с самого начала вхождения края в Российскую империю «приняло характер решительного признания и явного покровительства». К сожалению, автор недостаточно раскрыл причины такой политики. Однако хорошо известно, что борьба горцев за свою независимость во главе с Шамилем осуществлялась именно под религиозным знаменем шариата. Не случайно поэтому после окончания Кавказской войны и пленения Шамиля царская администрация, видя в шариате один из главных оплотов ислама, отменила в Дагестане суды по шариату и восстановила судебные разбирательства по адату. «Борьба с шариатом и покровительство адату лежит в нашем интересе,— пишет М. М. Ковалевский,— но, поступая таким образом, мы совершенно упустили из виду, что точное применение правил народного адата является препятствием к поддержанию внутреннего порядка и спокойствия в едва замиренном нами крае». Здесь имеется в виду прежде всего кровная месть, действительно приводившая нередко к истреблению целых фамилий, а также к огромным материальным убыткам. Неограниченная терпимость по отноше-

нию к этому и другим вредным обычаям родового быта со стороны горских судов во главе с царскими чиновниками, по мнению Ковалевского, «подкашивала в корне русскую просветительную миссию на Кавказе, вела к внутренним несогласиям и усобицам» [29, т. 1, с. 280]. Поэтому он считал необходимым сохранить нормы шариата в уголовном праве горцев, поскольку они стояли, по его словам, несравненно ближе к русским юридическим воззрениям.

В целом мы можем отметить, что благодаря огромной эрудиции ученого, глубокому анализу собранного материала, обилию источников немало сложных и важных вопросов социальной истории горских народов Кавказа нашли в трудах М. М. Ковалевского достойное решение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С юных лет и до конца своих дней М. М. Ковалевский самоотверженно и преданно служил науке. У него был необычайно широкий круг научных интересов. Будучи историком, юристом, социологом и этнографом, М. М. Ковалевский разрабатывал сложнейшие проблемы во всех этих областях науки, предлагая новые, оригинальные их решения. Общеизвестны его капитальные многотомные исследования по социальной истории западноевропейских стран, и прежде всего Англии, Франции и Италии. М. М. Ковалевский по праву считается первым исследователем общественного строя средневековой Англии. Почти все его основные работы, посвященные социальной и экономической истории западных стран, написаны в период 18-летнего пребывания за границей (1887—1905). Этот период в жизни ученого был ознаменован выходом в свет многочисленных его произведений, в том числе известной монографии «Закон и обычай на Кавказе».

Плодотворное научное творчество М. М. Ковалевского сочеталось с активной общественной деятельностью. Открытие им в Париже Высшей русской школы общественных наук, где читали лекции лучшие профессора, приглашенные из России и западноевропейских стран, сыграло большую роль не только для обучения общественным наукам политических эмигрантов из России, но и для пропаганды достижений русской науки за границей.

Изучением Кавказа М. М. Ковалевский занялся еще в молодые годы, являясь профессором Московского университета. Неоценимо значение трудов М. М. Ковалевского по Кавказу, актуальность исследованных им вопросов истории общественного строя и обычного права горских народов. Благодаря ему кавказский этнографический материал стал известен широкому кругу отечественных и зарубежных исследователей, вызвал большой интерес ученых, занимавшихся изучением истории докапиталистического общества.

М. М. Ковалевскому принадлежит заслуга разработки на Кавказском материале ряда сложных общих проблем этногра-

фин и кавказоведения. Крупным вкладом ученого в историю исследования доклассового общества было открытие на Кавказе семейной общины, формы семьи, аналогичной югославской задруге и русской большой семье. Известно, что этот материал был использован Ф. Энгельсом в его знаменитом сочинении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [8, с. 66—70, 149, 154, 159]. О значении открытия кавказской семейной общины М. М. Ковалевским пишет М. О. Косвен: «Единственным автором, не только уделившим семейной общине значительное внимание, но и сделавшим эту тему одной из основных в своих исследованиях по истории общественных форм и обычному праву, был выдающийся русский ученый М. М. Ковалевский... Конкретные данные, собранные Ковалевским, далеко не полны, но наука обязана ему тем, что он в свое время вызвал к данной теме интерес и внимание ряда исследователей, преимущественно его учеников, которые дали более или менее основательные описания семейной общины у некоторых народов Кавказа» [114, с. 36, 19].

К изучению семейной общины горцев Кавказа и большой русской семьи М. М. Ковалевский неоднократно обращался в своих общих работах. Он впервые определил историческое место большой патриархальной семьи, доказав, что она более архаична, чем соседская община. В своем «Очерке происхождения и развития семьи и собственности» ученый, в частности, писал: «Общее владение, характерное для семейной общины, где бы она ни существовала еще в наше время, мы находим и в предшествующие исторические эпохи... Такой вывод еще недавно вызвал бы множество возражений, так как древнейшей формой владения все считали сельскую общину... установлено, что земельная община с периодическим переделом земли, какой мы ее знаем в теперешней России, возникла относительно недавно, что в XVI в. ее еще не знали и что самой распространенной формой владения в ту эпоху было семейное владение... Общий вывод из всего сказанного сделать уже легко: древнейшей формой владения недвижимой собственностью было семейное совладение» [35, с. 86—87].

И все же ряд важных положений, связанных с семейной общиной, не получил у М. М. Ковалевского достаточного освещения, а некоторые вопросы решены ошибочно. Однако этот пробел был восполнен его учеником М. О. Косвеном, посвятившим семейной общине специальное исследование.

Особое внимание в своих кавказоведческих работах М. М. Ковалевский уделил изучению родового строя и связанных с ним социальных институтов у горских народов Кавказа. Он считал, что горский родовой строй существует здесь в его классической форме, хотя в 80-х годах XIX в., т. е. в период пребывания автора на Кавказе, родовой строй переживал глубокий распад, вызванный складывавшимися классовыми отношениями.

М. М. Ковалевскому принадлежит заслуга описания пережитков родового быта у народов Дагестана, горцев Грузии, главным образом сванов, пшавов и тушин, а также у осетин и балкарцев. Особый интерес вызывает характеристика М. М. Ковалевским пережитков матриархата и патриархата в первом томе его труда «Закон и обычай на Кавказе». При этом он пытается доказать, что патриархальный род сохранился у горцев в чистом виде, и не замечает его разложения. Из других древних общественных институтов кавказских горцев особое внимание М. М. Ковалевский обратил на аталычество, получившее в это время наибольшее распространение у кабардинцев. Однако этот народ и его обычаи изучались М. М. Ковалевским исключительно по литературным данным, что, возможно, и предопределило ошибочное толкование аталычества в целом. «Дети потому поступают у черкесов на воспитание к постороннему лицу, желавшему вступить по отношению к ним в роль аталыка, что принадлежность тому или другому отцу являлась спорной, очевидно не по иной причине, как по той, что все члены одного братства одинаково могли быть мужьями их матери. Только открытое признание их тем или другим мужчиной обращало их в его детей. Для этого недостаточно было одного рождения в той или другой семье, требовалось еще усыновление — усыновление, принимавшее вышеописанную форму передачи аталыком взрослого сына в руки мужа его матери». М. О. Косвен, критикуя своеобразное объяснение аталычества М. М. Ковалевским, посвящает этому распространенному на Кавказе с древнейших времен обычаю довольно обширную работу, в которой, в частности, показывает, что аталычество кавказских народов местного происхождения, а не воспринято у тюрок или монгольских народов [115, с. 111].

Дагестанский тухум, получивший впервые всестороннее описание в работах М. М. Ковалевского, принимался им за род, хотя тухум представляет собой небольшую родственную группу, названную М. О. Косвеном патронимией. Много неясного в кавказоведческих работах Ковалевского и в определении терминов социальных категорий. «Приходится сказать,— пишет М. О. Косвен,— что не найдем мы в этом отношении должной отчетливости и у М. М. Ковалевского. Употребляя в своих кавказоведческих трудах термины „род“, „община“, „общество“, „кровный союз“, „тухум“, „фамилия“, „братство“ и другие, Ковалевский ни разу не дефинирует и не раскрывает этих понятий, не дает ни одного конкретного, сколько-нибудь развернутого описания этих форм» [115, с. 23, 236—237].

Наряду с разработкой общих проблем этнографии и кавказоведения М. М. Ковалевский изучал общественный строй и быт разных народов Кавказа. Особое внимание заслуживают его исследования по этнографии и обычному праву осетин, которым он посвятил двухтомную монографию — одну из лучших

работ, по оценке современников, в юридической литературе тогдашней России, и ряд весьма содержательных статей, характеризующих различные стороны социальной истории и быта этого народа. М. М. Ковалевский много сделал и для разработки этногенеза осетин на основе сравнительного изучения обычного права осетин и балкарцев, данных топонимики и исторических преданий, а также археологических раскопок аланских памятников, проведенных им на территории исторической Алании. Об обширном круге научных интересов Ковалевского в Осетии и Балкарии можно судить и по его полевым записям. Кроме горцев Грузии (сванов, пшавов, хевсур и др.) М. М. Ковалевский с интересом изучал и горцев Дагестана, исследуя ряд важных проблем, касающихся не только их общественного строя и юридических институтов, но и религиозных воззрений, соотношения шариата и адатов. В этой связи нельзя не отметить весьма важное значение изучения им письменных памятников обычного права народов Дагестана, в частности Кодекса Рустем-хана. М. М. Ковалевский, в отличие от своих предшественников, правильно определил время появления этого памятника и указал на то, что он может служить важным источником для характеристики средневековых юридических обычаев одного из многочисленных народов Дагестана — даргинцев. Рассматривая нормы шариата и адатов в уголовном праве горцев Дагестана, М. М. Ковалевский считал целесообразным сохранить шариатские суды, так как они, в отличие от судов, основанных на обычном праве, были направлены против кровной мести и некоторых других архаических институтов.

Обстоятельно исследует ученый все аспекты иноземных влияний (иранцев, болгар, арабов, половцев и др.) на народы Кавказа в античную и средневековую эпохи. М. М. Ковалевский справедливо подчеркивает, что древнеиранское влияние началось уже со скифо-сарматов вначале на Северном Кавказе, а затем в Закавказье. И тем не менее он в целом преувеличивал значение внешнего влияния на развитие горских народов Кавказа, их социальную организацию, обычаи и нравы, складывание у них феодальных отношений.

М. М. Ковалевский был одним из выдающихся социологов России, внесших крупный вклад в развитие этой науки. В письме к А. И. Чупрову от 9 октября 1894 г. он с гордостью писал: «Знаешь ли, что в Париже был конгресс социологов, что твой покорный слуга читал на нем реферат о работах русских этнографов и историков и что русская наука пожинает лавры. Так что даже в газеты попало, что социология процветает более в России, чем во Франции» [86, с. 29]. На Западе М. М. Ковалевский как крупный социолог вел широкую общественную деятельность; в 1895 г. он был избран вице-председателем Международного института социологии, а в 1907 г. стал его председателем. Он являлся активным членом Общества социологии

В Париже. Вернувшись на родину, М. М. Ковалевский возглавил социологическую науку в России, опубликовал двухтомную монографию «Социология» (1910). Он рассматривал социологию в тесной связи с историей [86, с. 30] и неоднократно указывал, что на помощь истории, этнографии, археологии должна прийти социология, показывающая, «из каких стадий развития складывается прогресс человеческого общества и что управляет сменой их» [47, с. 59].

М. М. Ковалевский был одним из крупных представителей русской и мировой науки. Труды М. М. Ковалевского не потеряли своего значения и в наши дни. Они оказывают большую помощь историкам, социологам, этнографам-кавказоведам и специалистам других дисциплин при разработке многих важных проблем. С развитием общественных наук в национальных республиках Кавказа труды М. М. Ковалевского, посвященные изучению народов этого региона, приобрели особое значение. Поэтому переиздание основных кавказоведческих работ ученого мы считаем необходимым.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И БАЛКАРИИ

1. АЛАГИР — АУЛ САЛУГАРДАН

Местный священник Гатуев¹ жаловался на то, что к нему постоянно обращаются с просьбой взять именную жену. Невозможность иметь ее — одна из причин перехода многих осетин-христиан в магометанство. Нередок также брак вдовы старшего брата со следующим по возрасту братом, но дети от такого брака не считаются детьми старшего. На посиделки девушек во время собирания конопли (тагъгонан — делать конопляные нитки) молодые люди не допускаются. В Туалетах² у южных осетин доселе продолжает держаться обычай гостеприимного гетеризма. Такой обычай не мог быть занесен из Грузии, так как между грузинами такого обычая нет. Туальцы — самые ранние христиане и христианство приняли от грузин.

Дигорцы, большей частью христиане, весьма часто прогоняют законных жен, которые затем выходят замуж, а мужья их берут незаконных жен...

Незаконнорожденные, которых не следует смешивать с детьми от номылус³, получают почти равную часть в наследстве с детьми законными.

В Дигории дети от номылус называются «кумяки». Публичных способов опорочивания девушки, вышедшей замуж не девственницей, у осетин не имеется.

В Алагире⁴ нет и не было сословий. Алдары⁵ Дударовы, они же Слоновы, собственно Слоновы (от слова «самка») ⁶ — выходцы из селения Тра, около Архонского селения в Алагирском ущелье. Алдары Шанаевы из Скаджи-на, около селения Ксурты в Алагирском ущелье. Есеновы тоже алдары из Ногкау Мизурского, тоже Алагирского ущелья. Аликовы тоже алдары из селения Бад, тоже в Алагирском ущелье. Козеровы и Кусовы также алдары из селения Джими, тоже в Алагирском ущелье. Все они называют себя тагнати или тагаурцами⁷, в действительности же они алагирцы.

В Кабарде одна из привилегированных фамилий — Шагеновы⁸, дети или потомки священника.

Слоновы так названы потому, что мать их во время бегства из Алагира с мужем, откуда они были выгнаны, как люди неспокойного поведения, по смерти мужа нанялась караулить телят. Во время сна ее имел один пастух, отчего она забеременела. Когда родился ребенок, она стала утверждать, что он от самца. Зная, от кого он родился, его прозвали Слонов (сын самки).

О фамилиях. В Салугардане старики Абрек Газюмов и Иналико Кулаев, первый лет 75, а второй 63, сообщили мне следующее.

Козеровы и Кусовы, пришельцы в Алагир, находились у алагирцев в некотором подчинении... Алагирские семьи, вышеприведенные Шанаевы, Кусовы, Есеновы, Аликовы, жили неспокойно, почему их и прогнали из Алагирского ущелья. Они поселились по Военно-Грузинской дороге и заняли перевал в Грузию.

Во время учреждения комиссии для разбора сословных прав туземцев ала-дары обратились за расспросом о своем происхождении к старикам алагирцам.

Бадиле⁹ было поручено охранять Урухское ущелье¹⁰. Столкновения между алагирцами и галиатцами¹¹ происходили из-за пастбищ. Суд старейшин (тархон). Обыкновенно дела решались в ауле выборными. По кровным делам выборных было девять; пять из них со стороны потерпевшего, четыре со стороны обвиняемого. Дела кровные оканчивались взысканиями 18×20 туманов (туман — 10 руб.) [Иногда платили] скотом, а не деньгами. При несостоятельности же обвиняемого отдавалась девица с лошадей. Если не было ее в роде, то покупали на стороне; она становилась женой кого-либо из родственников потерпевшего, и между семьями водворялось согласие.

Верховный суд находился в селении Дагом. Судьи этого судилища были выборными от трех ближайших селений — Дагома, Цамата и Урсдопа. Недовольные медиаторским судом обращались с жалобой в суд в Дагом, место, в котором происходил верховный суд, называемый Мадизад — «ангел матери» (вероятно, божьей матери). Судьи верховного суда были не постоянными, а выбирались сторонами из жителей трех селений в числе девяти человек. Депутаты от селений, где жили тяжущиеся стороны, присутствовали только в качестве свидетелей и для оповещения своих аулов о состоявшихся решениях. Все остальные, за исключением дигорцев и туалыцев (следовательно, тагаурцы, алагирцы), одинаково судились судьями в Дагоме. Дагом расположен по Алагирскому ущелью. В нем еще до села виден большой камень на площадке, на котором заседали судьи; местность эта расположена среди двух ущельев, в которых каждая сторона могла скрываться. Стороны являлись вооруженными. От них перед началом дела отбиралось оружие. Если решением какая сторона была недовольна, оружие ей не возвращалось. Вернуться без оружия считалось постыдным, поэтому волей-неволей приходилось согласиться и признать приговор.

При недостатке улики налагалась присяга. Решение постановлялось раньше присяги, на случай отказа от нее, но не объявлялось. Стороны, которые должны были присягнуть... (неразборчиво) обвиняемый не присягал, а присягали соприсяжники — родственники его, люди известной честности. Выбор их принадлежал обвинителю. Число их было до 25; в маловажных делах присяга называется артхорын — [букв.] «есть огонь». Форма присяги: присяжники приходили к назначенному им дзуару (святому месту), снимали шапки и бросали их в дзуар (святилище). Если, говорили им судьи, тот, за кого вы присягаете, прав, то идите в святилище и берите обратно ваши шапки. Была однажды назначена присяга Бепизару Бутаеву в дзуаре Мыкал-габырта. Все знали, что идет он принять ложную присягу. Когда он пошел к дзуару, дорогой дзуар его наказал. Бепизар Бутаев — присяжник — дорогой поссорился с тем, за кого должен был принять присягу. Началось между ними единоборство, и оба они упали и погибли. К дзуару присяжники приносили три чирита (хлебцы) и барашка и при этом произносили следующую молитву: дзуар такой-то, если тот, за кого я принимаю присягу, не прав, в чем его обвиняют, то гнев твой пусть будет на мне. Простая форма присяги без обращения к святилищу была следующая: если я или тот, за кого принимаю присягу, виноват, то пусть покойники мои едят собак. С противной стороны показаниям свидетелей не давали никакого значения (они введены только со времени русского владычества). Письменных доказательств также не было предъявлено. До объявления судебного решения назначались судьями поручители (фидары) из родственников виновной стороны для исполнения приговора. В случае неисполнения последнего ответственность падала на фидара, отвечавшего своим состоянием. Ардат¹² — водный и огненный — не помнят, но есть пословица «Пройду через огонь» в доказательство правоты святого дела. Заочных решений никогда не постановлялось, при неявке одной из сторон отлагалось решение. В поземельных спорах обе стороны выбирали почетное лицо, которое должно было выкопать кусок земли (без травы) и, держа его в руках, обойти с ним границы вспаханного участка и указать, кому принадлежит он.

Гражданское право. О духовном родстве осетины не имеют понятия. По-братимство под названием аемгар (ровесник) заключается клятвой и выпиванием из одного стакана араки, причем произносятся слова: да преследует этот стакан того, кто нарушит между нами это условие. Брак в первой степени (родства) между побратавшимися воспрещается. Посестрие не встречается.

Родной брат — афсымар.

Сын брата — афсымары лаппу.

Отец — фыд.

Дед — фыды фыд.

Прадед — фыды фыды фыд.

Прапрадед — фыды фыды фыды фыд.

Сын — фырт.

Внук — фырты фырт.

Правнук — фырты фырты фырт.

Праправнук — фырты фырты фырты фырт и т. д.

Обыкновенно эти различия не соблюдаются и о праправнуках уже говорят цот — потомство. Сын племянника особенного названия не имеет: о нем сказано цот. Родственники и однофамильцы в брак вступать не могут.

Мать — мад.

Мать матери — мады мад.

Брат матери — мады афсымар.

Брак между двоюродным[и] братом [и сестрой] со стороны матери не дозволяется.

Троюродные братья и племянники со стороны матери особых названий не имеют. На мады мыгкаг — род матери — ничего не получает при уплате за кровь, при уплате калыма же помимо его род матери получает от жениха лошадь, что называется у осетин мады арвады бах — «лошадь брата матери»; у дигорцев же мады арвады гал — «бык брата матери».

Вообще двоюродных, троюродных братьев, как и родных, называют братьями (арвады, или афсымар по-иронски, авсумар по-дигорски). Дядю и тетку обозначают не иначе, как словами брат или сестра отца или матери. На невступление в брак как дигорцы, так и иронцы смотрят с презрением; говорят о безбрачном, что он не мужчина (дзадал — неспособный). Браки детей колыбельных со взрослыми встречались в прежнее время и доселе практикуются в Туалети. В 1881 г. Такоев, священник из Ардона, и Гатуев, тоже священник из Алагира, с трудом убедили одно семейство в Туалети отказаться от такого брака. Г-ну Гатуеву сознавались как старухи, так и молодые женщины, что убивали своих новорожденных детей, преимущественно девочек, оставляя их без корму, сажая нередко в корыто с водою. Особенно часты были эти случаи в 1835 г. во время голода.

Пожилой женщине в 50 лет родить считается стыдом, поэтому нередко женщины в этом возрасте, раз они забеременывают и рожают, убивают новорожденных. Случаи вытравления плода встречаются, по словам священника Гатуева. Против снохачества осетинские общества прибегают к следующему способу посрамления: они сажают виновного на осла лицом к хвосту и возят его по деревне, причем каждому позволено оскорблять его, бросая в него камнями и грязью. Такие же приемы публичного оскорбления бывают в случаях прелюбодеяния по отношению к виновной женщине и в случаях... (неразборчиво).

Мужеложество настолько редко, что св[ященнику] Гатуеву за 15 лет не попадался подобный случай. На сожительство неженатого мужчины с незамужней женщиной осетины смотрят снисходительно. При выборе невесты, по словам священника Гатуева, внимание обращается всего более на красоту. Жених часто видит не более одного разу свою невесту (на свадьбах, на пр.) и посылает затем к ее родственникам почетных людей получить их согласие на брак. В прежнее время похищение невесты было обыкновенным способом заключения брака, особенно в Дигории. За похищением следовала уплата калыма. Браки с свойственницами не возбраняются. Так что, согласно народному обычаю, возможен брак последовательно на двух родных се-

страх. Обыкновенный возраст вступления в брак для жениха 16 лет, для невесты 13. При выдаче дочерей замуж строго соблюдается очередь, т. е. не выдают жениху младшей раньше старшей. Священник Гатуев: есть случаи отдачи вместо... (неразборчиво). На вступление в брак требуется не столько согласие отца невесты, сколько старшего не только во дворе, но даже фамилии. Согласие старшей женщины двора не требуется, а только родной матери... (неразборчиво), а также воспитателей сирот, отнюдь не хозяев. Редки случаи, когда девушки, чтобы заставить родителей выдать их замуж, вступают в сожительство с избранными молодыми людьми. В случае заключения брака убогом калым увеличивается.

Случаи усыновления встречаются при отсутствии прямых наследников, усыновляет кто-либо из родственников или внука, или племянника и т. д. Усыновления неродственников не бывает. Бывают случаи усыновления зятя (мужа дочери). Обыкновенной причиной усыновления было найти того, кто бы по смерти похоронил и устроил хист (поминки). Усыновляют также для того, чтобы по смерти сохранить в целности землю, которая иначе бы пошла в раздел между всеми родственниками. Брак усыновленного с дочерью усыновителя и их детей между собой не дозволяется обычасм. Усыновление совершается в присутствии близких родственников; причем усыновляемый касается груди жены усыновителя, говоря: с сегодняшнего дня я твой сын, а ты моя мать. Она отвечает ему: я твоя мать, ты мне сын.

При браках убогом калым увеличивался тем, что от жениха требовалась лошадь с седлом в удовлетворение родственников за оскорбление. Случаи убога с целью избежать издержек свадебных не знаю. Случаи заключения брака родителями без согласия брачащихся бывают нередко. Род может принудить ко вступлению в брак желающего, но отнюдь не аул. Брачные условия устные. При заключении брака с девушкой своего или другого аула всему аулу жених платит 3,5 или 9 руб., смотря по состоянию. Эта плата называется каувендаг — «путь из деревни».

Некоторые семьи имели обыкновение требовать для аула лошадь (ценой рублей в 25), которую оставляли за собой родственники. Это называлось фатыбах («конь стрелы»). Особых платежей, подобных выводным деньгам, не встречается — ирад уплачивался в размере 250—300 рублей, 30—35 быков (причем вместо трех быков — 30 баранов). Если в калым шла корова, то корова с двумя баранами считалась за быка, если... (неразборчиво) быка не доставало, доплачивали или двух баранов, или деньгами пять рублей. В калым шло крымское ружье ценой в шесть быков; шашка ценой от двух до трех быков, большой пивоваренный котел (в счет 6—8 быков), название ему цачинаг; домашняя цепь шла в счет трех коров. При сожительстве братьев ирад платился всей нераздельной семьей сообща, при раздельной жизни — одним отцом; при невыполнении брачных условий по вине невестинной стороны сверх возвращения калыма следовала уплата неустойки в 50 руб. Если нежелание выражал жених, то из калыма семья невесты удерживала 50 руб. или быка и корову. Оставление 50 руб. из калыма невестинным родителям называлось уадзагхагал и куг (значит «бык» и «корова»). Свадьбы заключаются все чаще в ноябре и январе, в которые народ свободен, и собран хлеб, и бараны в сборе. Если живут несколько братьев и среди них есть неженатые, то при разделе их выделяется из общего семейного имущества каждому калым в том размере, в каком уплатил его старший брат.

Как жених, так и невеста должны прятаться как друг от друга, так и от старших в семье невесты; невеста — от всех членов семьи жениха. Жених собирает своих родственников и входит с ними в дом невесты и является к старшим в доме ее и делает им подарки — дарит лошадь или деньгами 25—30 руб. В былое время при свадьбе на поезжан молодежь невестинной стороны делала нападение, рвала на них черкески, отнимала шапки. Теперь выспрашивают подарки. При выходе из родительского дома невеста прикасается к цепи, обойдя предварительно очаг три раза. Пришедши в дом жениха, невеста кланяется три раза до земли самой старшей женщине во дворе, становясь перед ней на колени, мажет правое колено ее маслом, причем старуха говорит ей: да будет сладко ваше сожительство... (неразборчиво), как то, что

мы вкушаем. Невеста является в дом жениха под покрывалом. На вторую ночь [после свадьбы] снимается покрывало младшим в роде жениха, причем произносится такая молитва: да родятся у тебя девять мальчиков и одна девочка. Этим заявляется о праве их вступить в сожителство... (неразборчиво). В течение ближайшего времени за свадьбой муж не является на глаза своим родителям, к жене крадется только ночью. Когда у него бывает весь день пиршество, то он является торжественно в сопровождении шафера. До этого же времени муж живет в доме шафера; шафер провожает его по ночам к жене; приводит мужа в дом его родителей шафер, произнося слова: благодарить входит в дом.

Религиозный обряд предшествует обряду по обычаю. Брак считается заключенным только по совершению последнего. Приданого осетины не знают. За невестой дают обыкновенно пояс, постель, медный таз и кувган (рукомойник), сундук, зеркало, ножницы, гребешок и т. д. Все это называется чыны-фы фалдыст — экипировка невесты. Все это имущество остается в распоряжении невесты во все время брака. В случае ее смерти все это имущество остается в доме мужа. Вместе с невестой отдавали фасцеуин — женскую прислугу, холопок; земли не давали. Надзарон — развод по несходству характеров, совершаемый по требованию только бездетной жены, ауахта — развод по требованию мужа. Дети всегда остаются при отце. Если развод по требованию мужа, жена получает обратно пояс, одеяло, сундук и т. д. В противном случае — ничего. Все приказания мужа жена обязана исполнять. За всякое ослушание может подвергнуться побоям. В прежнее время мужья имели право на жизнь и смерть [жены]. Жена прежде имела право жаловаться на мужа двоюродным братьям мужа, просить их разбирательства и посредничества. Имущественных сделок между супругами не бывает. Жена не распоряжается своей собственностью без согласия мужа; делать долги, покупать и продавать она может только с его согласия.

Попечение о детях принадлежит одинаково отцу и матери. Распоряжение судьбой детей принадлежит отцу. Право отца на жизнь и смерть детей существовало в прежнее время. Суд (тархон) не вмешивался в дело о таких убийствах. Собственных¹³ детей никуда не продавали, но детей же номылус — холопки — в прежнее время продавали.

Дети могут жаловаться на родителей только близким родственникам, отнюдь не суду. Законные дети одни наследники. Дети же номылус, называемые кавдасард, не получают наследства, им дарят веревку, топор и арбу и т. д., по желанию законных детей. Кавдасарды носят фамилию отца. Чтобы избавиться от позора и не считаться кавдасардами, они принимают нередко фамилию матери или новое фамильное название, произведенное от имени матери. Дети, рожденные после смерти мужа, называются джагалзат и пользуются одинаковыми правами с законными (?) ¹⁴.

В Салугардане встречаются семьи в 40, 50 человек. О больших семьях сообщали то же, что и в Ардоне. Раздоры женщин — причины разделов, которые становятся в последнее время чаще. Все заработанное приносится в общую кассу. Недовольство этим порядком — причина разделов. Об этом сообщали то же, что и в Ардоне. Младший сын и старший сын получают лишнее против остальных. Хистар — лишнее старшего сына — состоит из 30 баранов, быка и коровы, сакли, цепи и котла, а в горах — участка земли.

Кастар — лишнее младшего; прибавляется 25 рублей. Средний сын ничего лишнего против остальных не получает. Право представителя по наследству существует. Оставивший одних дочерей имеет наследниками братьев.

Внук наследует... (неразборчиво) брата, родственники мужского пола самые отдаленные, исключая женщин. Завещаний в прежнее время не было. Вдове, живущей совместно с детьми, выделяют на похороны ее быка, корову, участок земли, пять мер хлеба, пшеницы, а если нет его, то ячменя 10 мер.

Если сыновья разделяются, то вдова обыкновенно остается с младшим. Бездетная вдова, оставляющая семью, берет с собой постель.

Землевладение. От 20 дворов назначается один выборный, который делит по жребью пахотную землю на пять лет, сенокос на один год. На выгон вы-

сылается всякого рода скот. Бедные, не имеющие скота, желают раздела леса — общинного [леса] не имеется. Новые поселенцы принимаются по приговору большинства членов аула с уплатой 200—300 руб. и на этих условиях допускаются к общественному пользованию.

Договоры. Бавстау — договор, по которому берется или деньгами, или скотом на 5 лет, причем заимодавец получает в пользование земельные участки.

Обыкновенная плата за кровь — 18 раз по 18 коров. Из них первые 18 — по 30 руб. каждая, вторые 18 — по 25 руб., третьи 18 — по 20 руб., четвертые — по 19 руб., пятые — по 15 руб., шестые — по 9 руб., седьмые и следующие. Потом лошадь с седлом, пахотных участков столько, сколько вспахать можно в два дня, цыты чызг, — т. е. дочь убийцы или брата его или племянника, которая без калыма отдавалась замуж за кого-нибудь из родственников убитого, женская прислуга из холопов, которая делалась комылус, или 300 руб. деньгами. Сверх того угощение — цыты фынг; на него резали самого жирного быка, пять откормленных баранов, котел пива в 30 ведер.

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Ой люли! Берем невесту,
Ой люли, ой люли!
В добрый день пусть будет,
Ой люли, ой люли!
(Ойалай, ойалай!)
Выраженным (желтым) ... (? ¹⁵)
Ой люли, ой люли!
Наша невеста будет петь,
Ой люли, ой люли!
Наша невеста что принесет?

И т. д.

В одной руке чашу меда,
В другой руке чашу масла,
На одном плече точеную люльку,
На другом плече... (неразборчиво).
Ой люли (повторяется
постоянно)!

Нам наша невеста что принесла?
Семь семириков тюфяков,
Столько же одеял,
Их хозяйке бархат на платье.

Хозяину (наибольшему) бобровую шубу.
Ой люли, ой люли! Берут невесту,
Да будет ей счастливый день.

Договор заключался рукобительем, причем произносили слова: если кто не исполнит договор, то пусть его предки съедят собаку... (неразборчиво); задатка при заключении условий не платили. Не было также условия о неустойке. Подчас обращались к поручительству (фидар) родственников.

При продаже лошади передавали уздечку; при продаже земли покупатель обязан был сделать поминки (хист) тому, кому эта земля принадлежала. В былое время залога не было, а позже... (неразборчиво), так как верили слову.

Бавстау стародавнего происхождения. Делавший бавстау и др. получал... (неразборчиво) вола и корову на два-три года, причем право пользования переходило к другому ¹⁶. Дарение (лавар канын) существовало издревле не только по отношению к движимости, но и недвижимости. У осетин существует различие между хазна — имуществом, доставшимся от предков (ружье, шаш-

ка, пивоваренный котел), отчуждение которых не дозволено, и всяким другим имуществом, которое подлежало отчуждению. Старики нередко отдавали свое состояние при жизни кому-нибудь из родственников, с тем чтобы он его кормил и чтобы по смерти совершил поминки. Завещаний в прежнее время не было; в Салугардане обыкновенны в 30-е годы; в Дигории в 40-е ... (неразборчиво) известны. Отдача с половины под пахоту известна; рабочих нанимают по дням, по неделям (во время сенокоса), по месяцам и годам. Корм, часть одежды, обувь хозяйская. Договор с пастухом на пять лет и менее, причем выделяется 60—80 баранов и хозяин обязуется разделить этих баранов вместе с их приплодом пополам с пастухом. Зимняя шерсть принадлежит пастуху. Такой договор называется ласцеран («взявший баранов часть»).

Уголовное право. Подстрекатель подлежит ответственности за кровь, а не как простое орудие выполнения преступления. Так, нанявший убийцу подлежит ответственности, а не убийца. За ограбление на дому большая ответственность, чем за ограбление на большой дороге. Знают различие между воровством со взломом и без взлома; в последнем случае требовалось только возвращение стоимости вещей втрое, в первом же сверх того фыды фынг (мирное угощение); мошенничество от воровства не отличают.

Растление и изнасилование обыкновенно преследовались личной мстью. Если дело доходило до суда, то в первом случае приговаривали сверх мирного угощения к уплате калыма, а во втором давали женщине шаль и мирное угощение. О случаях кровосмешения слышал... (неразборчиво); побивали камнями. До суда дела о прелюбодеянии не доводили, а убивали на месте и жену и любовника. Во всяком случае муж прогонял жену. Если от раны последовала смерть, следовала плата за кровь. Хозяин скотины, от которой случайно произошла смерть, отвечает за кровь. Покушение с негодными средствами оканчивалось угощением, причем дарилась лошадь и седло тому, кто мог пострадать. При членовредительстве — за отнятие ноги плата, как за кровь (убийство), за отнятие руки — два раза 18 коров, за отнятие глаза — пять раз 18 коров, отнятие уха, как особенно оскорбительное, не доводилось до суда, мстили лично. За простое ранение — издержки лечения и убытки. За кражу цепи из дома обязательно было мирное угощение. Удар плетью имел большее значение, чем пощечина, — мирное угощение и три коровы.

За обиды словом наказаний не полагалось. Преследования самоубийц не было, а только презрительное отношение. Колдунов и знахарей бросали в огонь. За лжеприсягу не было прямого наказания... (далее неразборчиво). Украдший из дзуара (святилища) не был никем впускаем в дома. Кражей у иноплемеников можно было даже похвалиться.

Калым. Первоначальные калымы были 15 коров, 25 коров, 30 коров. Позже по распоряжению русского правительства калым определен был в 100 руб. После народного приговора, которым калым уничтожен¹⁷, уплачивается калым от 300 до 500 руб.¹⁸.

II. ОСЕТИНЫ

*Показания Саввы Васильевича Кокиева¹⁹,
уроженца Терской области,
Новохристиановское селение в Дигории (плоскость).*

В Стырдингори²⁰ с 1862 г. возник спор между простонародьем и царгасатами (привилегированное сословие)²¹ за владение выгонным местом Харис. В 1877 г. [Кокиев] был приглашен как третейский судья в сообществе шести других, тоже дигорцев, как и он, а также одного балкарца и одного тагаурца для решения этого спора. Из свидетельских показаний стариков оказалось, что этим выгоном владеют с незапамятных времен люди простонародья в сообществе с царгасатами. Царгасати (мн. ч.) доставляют каждому пастуху в конце мая, во время выгона скота на Харис, топор, котел, веревку, бурдюк овечий пустой для ... (неразборчиво), кефир (по-осетински капи). Пастух после возвращения с Хариса в августе три ночи вместе с баранами обязан про-

быть на землях царгасата. При неисполнении условия одной из сторон прекращались претензии к другой.

В 1875 г. в Глуели (в Осетии) на плоскости [Кокиев] был приглашен стороной убийцы в сообществе девяти других лиц выпросить прощение ему у семейства убитого. Мать последнего как старшая ... (неразборчиво) объявила виновному, что прощает его, причем ему дозволено было прикоснуться к ее соску обеими руками и губами (делая вид, что сосет ее), после чего он стал в один ряд с прочими сыновьями ее, которые трижды обняли его. С этого времени, сохраняя полную неразделенность имущества с семьею обиженного, он при посещении этой семейной общины... (неразборчиво). Скота дано не было обидчиком обиженной стороне, и все его обязательство, по всей вероятности, свелось к совершению поминок по покойнику. Мать убитого стала называть обидчика сыном, получая взамен от него наименование материю, братья убитого стали именовать убийцу братом, и наоборот.

[Кокиев] помнит, что в 1860—1863 гг. семья его матери Гамуевой составляла одно сообщество; человек до 30 имели один очаг. Главою сообщества был отец (как старший в роду). Без позволения его ничего не могло быть сделано. Носил он название хицау (начальник, хозяин). Его жена распоряжалась домашним хозяйством (хранением припасов, ключей). Название ее было авсин (хозяйка). Ни отец семейства, ни его жена работы полевые не производили. Заведовали кухней поочередно жены сыновей. Очередь исполнения этих обязанностей называлась рада. Общее имущество состояло из усадьбы, земли пахотной и сенокосной, баранов, овец, рогатого скота. Пряжа составляла частную собственность пряжи. Жалованье священника и учителя принадлежит всей семье, если существует сожителство зарабатывающего. Все приобретенное в свободное время от хозяйственных занятий составляет личную собственность зарабатывающего. Подарки также составляют личную собственность и мужчин и женщин. Военная добыча идет в общую кассу.

Выдела при жизни отца сын не имеет права потребовать. В случае смерти отца наступает раздел. Обыкновенной причиной сего являются споры женщин, недовольство небрежным отношением того или другого члена семьи к хозяйству. Раздел происходит между одними мужчинами. Женщины при мужчинах не наследницы. Младший получает усадьбу. При младшем брате продолжает жить мать. Матери выделяется та или другая часть по усмотрению выборных, производящих разделы. При жизни отца сыновья могут потребовать раздела у родственников, соседей, членов одного аула, хорошо знающих их имущественное положение. Число лиц, производящих раздел семьи, зависит от делящихся. Отец получает меньшую долю против братьев (хестар-дигък) и продолжает жить с тем из сыновей, с кем пожелает. Младшему при жизни отца усадьбы не полагается. Она принадлежит отцу, по смерти его переходит к матери и так как с ней обыкновенно живет младший сын, то в конце концов к нему. Сверх того младший получает против остальных братьев так называемый кастарыхай (обыкновенно бараны, лошадь, корова, иногда земля). Одним словом, то, что угодно будет предоставить ему лицом, производящим раздел.

Девушкам приданого не полагается. Незамужние остаются жить при том из братьев, кого они выберут. Право представительства по наследству признается за мужской линией, т. е. дети покойного сына получают все вместе его часть. В случае смерти отца, не оставившего других наследников, кроме жены и дочерей, его имущество поступает к ближайшему родственнику по отцу, в случае смерти бездетной [жены] также к ближайшему родственнику. Если отец при своей жизни усыновит мужа своей дочери, то имущество перейдет к нему. Усыновление производится только отцом. Усыновление матерью (тещей) мужа дочери (зятя) считается богохульством, и вот почему. В течение известного срока после свадьбы (двух и более лет) ни дочь, ни зять не должны появляться в доме тещи. Для дочери срок запрета прекращается с момента рождения ребенка. Кокиева в течение чстырех лет выделась с матерью не иначе, как вызывая ее для свидания за порог дома. Теперь она, как имеющая детей, входит в дом матери беспрепятственно.

Целомудрие ценится весьма высоко. Посрамления публичного девушки нецеломудренной по выходе замуж не бывает ввиду редкости самих случаев. Брак эндогамно-экзогамический, т. е. жених и невеста могут принадлежать к одному или к двум разным аулам. Бывают, но в наше время редко, браки малолетних (пяти, шести лет) детей при жизни родителей, даже нередко при рождении. Причем заключается словесный договор при свидетелях; отцом жениха дается при этом небольшой задаток деньгами или предметами. Неравенство [в возрасте] между брачащимися встречается нередко (на два, три, четыре года). Желающий вступить в брак обращается по выбору к тому или другому лицу, обыкновенно неродственнику — почетному мужчине, который и является сватом. (Осетины называют его миновар, в переводе «посланный», «посредник».) Обращение к миновару происходит с ведома и согласия родителей. Миновар является не к невесте, а к ее родителям, одинаково к отцу и матери, и, заручившись их согласием, возвращается с благоприятным известием в семью жениха. По общему уговору обеих семей определяется время совершения свадьбы. Платят за невесту калым постоянно один и тот же, до 100 руб., чаще предметами, а не деньгами. Осетины называют его прада; уплата его предшествует свадьбе. Ирад поступает в общую собственность нераздельной семьи. При разделе же последней между членами он делится, как и всякое другое имущество. Случаи похищения невесты женихом встречаются редко.

Дружок жениха — кухолхацек («руку держащий») — является за невестой в дом ее родителей, в сопровождении молодых людей — приятелей жениха одного или разных аулов, сверстников жениха по летам. Жених же все это время скрывается. Являются они обыкновенно конными и в оружии. Невеста, окруженная дружками, поджидает их и в сопровождении их с ведома родителей отправляется в церковь, где и совершается христианский обряд.

Жена переходит в тот же вечер в дом жениха, куда не являются ни мать, ни отец. Г. Кокиеву не пришлось видеть случая, в котором бы родители невесты присутствовали в храме при совершении обряда. Взаимных подарков родственников не бывает. Г. Кокиев не слышал ничего об утреннем даре. Жених вводит невесту в общую саклю своей семьи, заставляет ее три раза обойти очаг и поцеловать цепь, висящую над очагом (название ей рахис), затем подводит ее к своей матери, которой она бросается в ноги и целует ее в ногу. По окончании всего этого начинается пир. Молодые люди по целым ночам подслушивают молодых, желая узнать время осуществления ими цели брака. Каждая пара живет в отдельной комнате, в общей сакле лишь принимая пищу и храня в ней свое частное достояние — оружие, одежду и пр.

Пахоты и сенокосы составляют семейную собственность. Пастбища и лес принадлежат обыкновенно всему аулу. Продажа земли совершается путем словесных сделок в присутствии свидетелей, выбор и число которых зависят от общего согласия сторон. Продаваемый участок предлагается ближайшему родственнику, прежде всего брату... (неразборчиво). В случае его нежелания купить допускается продажа посторонним. Права родового выкупа проданного имущества за ближайшим родственником не признается. Наем земли также происходит словесно в присутствии свидетелей — условного числа лиц, причем наниматель принимает обязательство ежегодной уплаты зерном, сеном или деньгами. Дарение недвижимой собственности семьи главою ее не допускается. Дарение движимой дозволено. Залог у осетин является характерным. Кредитор приобретает право пользоваться заложенным участком до уплаты долга. Проценты допускаются в неопределенном размере.

Все имущественные сделки происходили до последнего времени на словах, в присутствии свидетелей. Завещание бывает, но редко. С. Кокиев помнит случай кончины одной старухи в 1880 году, не оставившей по себе родственников (родственники эти вымерли во время холеры). Старуха эта усыновила одного молодого человека и оставила в его пользу по завещанию все имущество. Завещание было письменное, [подтвержденное] рукой христианского священника. Против прав наследника заявлена претензия Заурбековым, доказывающим, что первый муж вдовы был кавдасардом Заурбекова и, следовательно, все имущество, завещанное старухой, принадлежит ему. Спор по-

ка не решен. Кавдасарды — дети от второй и следующих жен и любовниц. Они в наследовании не участвуют. Оставленное ими наследство поступает к детям и родственникам от первой жены (хистар), что в переводе значит «старшая».

Права первородства в рядах высшего сословия алдаров не встречается. Саулаг — это свободный человек, владеющий чужой землей и платящий за аренду зерном и деньгами. Алхад или кусог — это холоп — несвободный работник, не имеющий права перейти к другому господину и не владеющий землей. Алхат значит купленный, кусог — работник. Саулаг — букв. «черный человек».

СТЕПЕНЬ РОДСТВА

Мать — мад.

Сын — фирт.

Дочь — чисг.

Внук — фирты фирт (сына сын).

Правнук — фирты фирты фирт.

Внучка — чисги чисг.

Правнучка — чисги чисги чисг.

Дед, отец отца, — фыды фыд.

Отец отца моего отца (т. е. прадед) — фыды фыды фыд.

Бабка — мады мад.

Прабабка — мады мады мад.

Брат — афсымар (от одного отца и матери).

Брат от одного отца и разных матерей — арвад.

Сестра от одного отца и матери — афсымары хо.

Сестра от разных матерей — хо.

Племянник, сын брата, — афсымары фырт.

Племянник, сын сестры, — хон фырт.

Племянница, дочь брата, — афсымары чисг.

Племянница, дочь сестры, — хон фырт.

Двоюродные братья по отношению друг к другу — афсымарты лоппута.

Двоюродная сестра — амхарафырт.

Свекровь — авсин.

Свекр — хицау.

Теща — усы мад.

Тесть — усы фыд.

Сноха — чиндз, носта.

Дсверь — тиу.

Зять — снахс.

Золовка — файнус²².

III. ОСЕТИЯ

[Показания] Брека Карнаева
(Новохристиановское селение), 86 л.

В Дигории жило пять дворов, когда к ним приехал Бадила из Маджар. Прежде он жил в Венгрии, откуда прибыл в Маджар, а оттуда в Дигорию. С ним был товарищ Ако. Когда Бадила прибыл в Дигорию, он был приглашен на кувд (пиршество) в один дом и на праздник в честь святого как гость. Когда Ако и Бадила ехали вместе, Ако сидел на лошади, а Бадила на катере (муле). Когда Бадила и Ако увидели издали селение, где был кувд, тогда Бадила обратился к Ако и сказал ему: «Ты садись на моего катера, а я на твою лошадь. Катер тебя лучше донесет». Ако согласился. Когда они прибыли к селению, то вышли им навстречу. Прежде всего осетины подошли к Бадиле, так как он сидел на лошади. Они пригласили его служить им. Ако это предпочтение не понравилось; он ничего не сказал, но ворчаньем выразил свое неудовольствие, почему доселе потомков Ако называют Гургурота.

Когда дигорцы узнали правду насчет обмена катера на лошадь, то дали Аю участок земли. Бадиля же не дали участка.

В то время дигорцы были во вражде с донифарцами²³, уводили у последних скотину. Дигорцы наняли Бадилю стражем своего скота. Дигорцы того времени еще не имели понятия о ружье. Бадила принес с собой ружье огневое. Дигорцы вместо ружей употребляли фати²⁴. Когда однажды из Донифарса молодые люди увели мальчика, украденного в Дигории, Бадила дал по ним выстрел, чем привел в ужас похитителей, которые вообразили, что против них воюют и небо и горы. За эту услугу Бадила от дигорцев получил участок, принадлежавший потомкам Астана. Участок этот три сына Астана никак не могли поделить между собой, почему и оставили его, ища новых поселений, один в Урскау, другой в Камунти, третий в Уакаце²⁵. Бадила стал жить в Дигории, женился и наплодил детей.

Ближайшим селением к Дигории было Уаллагком. В Уаллагкоме и в Астане было в каждом три двора. Оба эти селения вместе составляли Дигорию и [были] разделены небольшим расстоянием в одно ущелье. Вот имена их владельцев: один Алуан, другой Булат, третий Галаон и Басил. Остальные трое — сыновья Астана. Потомки этих лиц составили коренное население Дигории. К ним со временем стали переселяться из других местностей. В горах доселе видны развалины укрепленных жилищ, занятых коренными родами. Переселенцы шли из Балкарии (именуемой осетинами Асия); другие, восставшие целыми селениями и не имевшие постоянного жилища, — номады. Откуда вышли первоначальные переселенцы Дигории, предание не говорит. Семьи первых поселенцев вели между собой постоянные войны. Размножались эти семьи не только путем установления постоянных браков, но и тем, что брали себе именных жен (номылус) из бедных семейств иронов. Дети этих номылус, пока жив был отец, жили с ним; по смерти же его отделялись, не получая ничего из общего состояния. Название им было кумаян.

Когда Бадила прибыл в Дигорию, дигорцы были христианами, сам же он был магометанином и женился на магометанке из Донифарса. В это время уже начались враждебные столкновения осетин с Кабардой. Кабардинцы уже в это время старались ввести магометанство в Дигории. Бадилю же, как магометанина, они поддерживали. Когда началось выселение дигорцев на низменность, последняя была занята кабардинцами, так что им пришлось платить дань по барану от двора. Каждый двор в это время обрабатывал земель, сколько ему было нужно. Кабардинцы продолжали поддерживать бадилят, убеждая дигорцев принять магометанство. Кабардинцы увозили детей осетин, их войска нередко разграбляли селения осетинские. Бадилята обыкновенно приглашали кабардинских князей, указывая им на добычу. Осетины стали отождествлять их с кабардинцами и исполнять их требования. Когда кабардинцы и бадилята стали слишком теснить нас, мы обратились с просьбой о помощи к русским. Ермолов завоевал эти местности. Бадилята стали ходатайствовать у русского правительства о том, чтобы земли были признаны их собственностью, как купленные у Таусультановых, Мулдарат и Бнаслановых, тогда как на деле осетины заняли эти места раньше бадилят. Было это при Воронцове в Тифлисе и эриставе здесь. Эристав потребовал от осетин свидетелей, которые бы доказали, что земля прежде всего занята ими. Выбрали свидетелей из иронов — Всайхо Коголук, Казн Бутаев. Они приняли присягу в том, что земли не куплены бадилятами у Таусультановых. Другие два свидетеля — Гаги Габути, Саханби Агнати — доказывали, что бадилята переселились к дигорцам, а не наоборот. Русское правительство отобрало земли у бадилят и предоставило их осетинам.

Царгасати пришли из Грузии в Туалию, т. е. в Южную Осетию. Один из братьев доселе остается в Туалети. Имя его Гавис Царазонти. Остальные же выселились в Стыр-дигор. Как они в Стыр-дигоре стали возрастать в значении, он не знает. В Стыр-дигоре они приняты были дигорцем Хамидца. Он им дал землю на окраине Стыр-дигора в местности Харювс. Об этой земле доселе спорят царгасати со стыр-дигорцами. Последние доказывают, что они общинные, первые — что они их частная собственность.

Убийство новорожденных девочек, а не мальчиков практиковалось до усиления русских в Зарамаге. [Одно] семейство — это 23 и около этого человек. Семейные разделы приостановились ввиду недостатка земель. Вся пахотная и сенокосная земля состоит в частной собственности, пастбища — в общем владении. О гостеприимном гетеризме не слыхал. Брак второго брата со вдовой старшего бывает, но дети от такого брака остаются детьми старшего. Дети от номылус называются кавдасарды.

Сидамоны и царазоны²⁶ прежде были алдарами. Они выходцы из Алагира. Калым прежде платили в 60 туманов. Потом решено было взимать калым в 100 руб., теперь он хотя отменен, но все же взимается. Бавстау — договор займа с обеспечением землей двора. При продаже недвижимый участок предлагается сперва родственникам и только при их отказе постороннему, который совершает хист предкам продавца. При заключении брака роль посредника — миновара — принимает отец. Свадебный ритуал несколько проще алагирского. Молодая с шафером обходит три раза очаг в доме отца своего и в доме жениха своего, но не прикасается к цепи и только в пояс кланяется... (неразборчиво), не намазывая ее колена маслом и медом за недостатком последнего. Обряд усыновления требует прикоснуться к соску или капнуть каплю молока в араку или на хлеб. При споре о границах также обходят последние с куском земли... (неразборчиво). Приданого нет, а, как и у алагирцев, экипировка невесты поясом и пр.

Форма присяги. Оспаривающий берет палку, очищает ее от коры и передает ответчику; тот относит ее к дзуару (в святилище) и всаживает в землю. Когда истец личным осмотром убеждался в том, дело тем и оканчивалось. Было, как в Алагире, бросание шапок дзуару — как форма присяги. Местом суда был Узаг²⁷. Он служил центром для обоих ущелий (их населения — Мамисона и Нара).

Дочери не наследницы. Вдова, соглашавшаяся жить с сыном, пользовалась частью сына. Вышедшая здесь замуж ничего не получала. Старший сын получал излишек, меньше излишек получал младший и еще меньше средний сын. Остальные получали равные доли.

Дзагалзадом назывался сын, рожденный от вдовы после смерти ее мужа, от постороннего лица. Он имел равное с законными сыновьями участие в наследовании. Кавдасардов — холопов, рожденных от номылус — холопок, законные сыновья делили между собой. Холопы всего чаще были грузинами, алагирцами и дигорцами, как в Дигории [кавдасардами] были обыкновенно туалыцы. Русских холопов не было.

Договоры заключаются рукобительем, причем произносится обычная формула: «Пусть мои предки едят твоих собак, если я не исполню слова». Аулы при заключении брака ничего не дают, кроме угощения. В былое время детей продавали бедные родители. За выкол глаза получали 400 руб., за отнятие руки — столько же, за отнятие ноги — больше третьей части платы за кровь.

Примирение в случае убийства сопровождалось выдачей замуж без калыма девушки из рода убийцы за юношу из рода убитого. (Примечание: обыкновенно когда не хватало средств для уплаты сполна за кровь.) У туалыцев имеется следующая пословица: «Какая ты женщина, когда стену твоей спальной комнаты никто не отмочил?» (свящ. Г. из Алагира²⁸).

Воровство на дому наказывается строже, чем воровство на большой дороге. Воровство со взломом наказывается строже, чем без взлома. Наказания за воровство в дзуаре не было, но к виновным относились с презрением²⁹.

Новохристиановский аул

Лет двести, как выселились из Стыр-дигора, Тапан-дигора³⁰ и Галиати. В горах пахотная и сенокосная земля была разделена в частную собственность. Лес и выгон были общими. Всех дворов в ауле 600. Они назначают

трех доверенных на год на полном аульном сходе (амбурт). Доверенные (кауон-килак) не получают вознаграждения, но освобождаются от подворной повинности. Земли всего 3000 десятин. Пахотной землей пользуются следующим образом. Доверенные делят участок целины под пахоту на столько паев, сколько в ауле дворов. Жребий решает, кому должен достаться какой пай. Частный обмен паями дозволен. В нынешнем году на каждый двор приходилось по 1½ десятины земли. Этой землей каждый двор владеет 3—4 года, после чего землю бросают и занимают новый участок целины, который делят, как и прежний, на пай. Сенокосы делят на пай каждый год тоже доверенные. Общий выпас как для крупного, так и мелкого скота. Весь скот, все равно, служит ли он для собственного употребления или идет в продажу, высылается на общее поле. Валежника из лесу берет каждый двор, сколько ему нужно, строевого леса отпускается по десяти брусьев на двор. Пришельцы селятся в ауле не иначе, как с согласия всего аула, даваемого на сходе (амбурт). Они платят за усадьбу в 300 сажен в длину и 20 в ширину 15 руб., за право выпаса крупного скота — по 50 коп. за штуку.

Муж имеет полное право прогнать жену, причем из калыма ему возвращают одного быка. Жена не может ни в каком случае уйти от мужа. За уход, если не последовало убийства со стороны мужа, присуждали 12 быков.

Более 25 человек не встречается в семействе. Причиной семейных раздоров являются прежде всего ссоры между женщинами. Все приобретенное кем-либо из членов семейства на стороне должно быть предоставлено им в общую собственность семьи. Утайка считалась бы воровством. Семейей распоряжается старший по возрасту. В случае его смерти — следующий за ним. Никто отдать всего состояния семьи в дар не может. Отец может сделать частный подарок, брат же — только самый незначительный, для других же подарков спрашивается согласие. Покупку и продажу, не очень ценные, совершает один, значительные — с согласия всех, не простого большинства членов семьи.

С мелкого скота (телята и т. д.) по 25 коп. за сотню, за сапетку (пчел) — 5 руб., за баранов и коз — по 3 коп.³¹. Каждый двор платит правительству 2 руб. Аул отвечает за своевременное поступление. На содержание троек все дворы вместе платят 320 руб.³², на содержание фельдшера — 90 руб.

Аул затрачивает средства на содержание школы (по 300 руб.), на содержание бедных и больных — ничего. Желания произвести разделы в ауле не заметно. Дорожат общинным владением. Бедные, не имеющие скота, желали бы произвести раздел земель подушно.

По недостатку земли нанимают землю у Тугановых (соседних помещиков), у казаков Николаевской, Архонской и Александровской станиц. Наем кого-либо производится частными лицами и несколькими сложившимися дворами. За десятину платят обыкновенно 11 руб., причем весной сеют просо, а осенью пшеницу на той же десятине. Половничество встречается, именно с половины, причем житель аула только производит вспашку, после чего делится пахота пополам; выбор половины принадлежит собственнику. Общинные земли и пай неотчуждаемы. Мирских запашек нет.

Договоры заключаются путем рукобитья (божья рука — хуцаукух); после этого договор не может быть разрушен. Нередко договор заключается при свидетелях (авдесан), но самым крепким считается договор, заключенный рукобитьем. Свидетель не обязательно должен быть родственником. Договоры заключаются не раньше как по достижении 16—17-летнего возраста. Малолетние приглашают для совершения сделки старшего родственника. Сделки, даже денежные, могут быть словесными. При спорах назначается аульным судом присяга отказывающемуся исполнить условия. При заключении условия дают задаток (саклад), поручительство (фидар), заклад движимости и залог недвижимости, одинаково называемые цинди; неустойки не знают, отступного не знают.

Договор, заключенный в пьяном виде и умалишенным, считается недействительным. Потерпевший от неисполнения договора вправе искать [возмещения] убытков (зиан). Земля, принадлежащая [переходу] в частную собственность, при отчуждении предлагается прежде всего ближайшему родственнику

со стороны отца и затем последовательно всем родственникам со стороны отца, а не со стороны матери. Из всежливости предлагается и последним. Если братья все вместе пожелают приобрести землю, то им дастся предпочтение перед каждым в отдельности. Права родового выкупа не знают. Запродажи, отличной от продажи, не знают. В прежнее время купля-продажа в присутствии родственников и посторонних свидетелей заключалась путем рукобיתья, теперь письменно. Купля-продажа считается законченной окончательно с момента рукобיתья... (неразборчиво). Продажа называется уайя, мена — айевун. Права предпочтительной покупки для соседей не знают. При отчуждении усадьбы земли допускается продажа только жителю одного с продавцом аула. Обман покупателя продавцом считается основанием к недействительности продажи, если были свидетели, заявляющие суду о характере проданной вещи.

Сдача на хранение называется гауайганаг (караул), делается обыкновенно без вознаграждения, при недостатке родственников — постороннему, на этот раз с вознаграждением. При продаже вещей как родственник, так и посторонний обязаны вознаградить. Заем называется австау под условием возмещения не только деньгами, но и работой без процентов... (неразборчиво). Обыкновенно размер — процентов 30. Проценты — цауат. Евреев-ростовщиков нет. Проценты на проценты — цауат-цауат. Заклад движимости не дает лицу, в пользу которого он сделан, права пользования до срока прекращения займа; наоборот, залог недвижимости сопровождается правом пользования получившего залог. Заклад и залог безразлично называются цинди. Общинный надел можно заложить на один год. Личный наем называется цхорст. Различия между наймом и подрядом не знали.

Амгуст, или амгосина, — совместная работа при вспашке, уборке хлеба и т. д.

Вспашка производится несколькими сложившимися дворами, а также уборка хлеба и сена, причем, если какой двор поставит меньше пар волов, то должен возместить соответственно большим числом рабочих.

Когда несколько человек отправляются на охоту, то одни лишь головы животных принадлежат убившим их, остальное же делится по числу участников охоты³³.

IV

Дела канцелярии начальника Терской области по судному столу об утверждении общественного приговора осетинского народа Владикавказского округа 28 июля 1880 г.

1879 г., 20 декабря, мы, нижеподписавшиеся представители осетинского народа Владикавказского округа, придя к убеждению, что многие из наших народных обычаев и верований не только вредны и разорительны для народного хозяйства, но и служат важнейшим препятствием к успешному развитию народа, признали необходимым искоренить их нижеследующим постановлением:

1. Ирад (калым). В Осетии издавна укоренился вредный обычай платить за невесту ирад (выкуп), принявший в последнее время никогда прежде небывалые размеры, истощающие материальные средства, доводящие до крайней нищеты и противные духу христианской религии и вообще европейской цивилизации. При этом существует еще обычай, так называемый снахсыццд, предшествующий самой свадьбе, тоже не менее разорительный. Заключается он в том, что нареченный жених до совершения венчания со сверстниками своими, числом не менее 20 душ, отправляется в дом невесты, где угощение их сопряжено с большими напрасными расходами для родителей невесты. У магометан же кроме калыма и снахсыццда существует еще так называемый накиях — брачный обряд, обязывающий жениха уплачивать условную сумму. Накиях имеет смысл гражданского брака: он обеспечивает женщину-магометанку в том случае, когда муж незаконно прогоняет ее от себя. Именно

оскорбленная и униженная жена, как бы в удовлетворение ее чести, получает от мужа весь накийя. Ирад и снахсыцъд, как темные и даже безнравственные обычаи, отныне вовсе отменить. Накийя же, как обеспечивающий прочность магометанского брака и религиозный обряд, оставить нетронутым, но с тем, однако, чтобы он отнюдь не имел характера калыма, и не пользовались бы им преждевременно родители невесты, и служил бы лишь обеспечением жены в случае развода по вине мужа.

Примечание: при разделе же братьев, а также после смерти мужа магометанка от сего времени не имеет права требовать накийя, а лишь только может искать удовлетворения по общедействующим гражданским законам или по шариау. Виновных в нарушении сего постановления подвергать денежному штрафу в размере 200 руб., каковые и обращать в общественную сумму, за исключением 10%.

2. Хист (поминки). У осетин по умершим делаются поминки в больших размерах, и притом несколько раз в продолжение года, которые, истощая материальные средства, доводят их до крайней нищеты. Все существующие виды поминок отныне отменяются, уничтожаются и по указанию священника и муллы устанавливаются: для христиан — в день похорон ольмарт харнаг, размеры которого не должны превышать одного быка или пяти баранов, и сорокадневные поминки (дуисадзам боны хист), на которые расходуется только один баран с соответствующим количеством национальных напитков каждый раз, кроме пива; для магометан же — поминки в дни байрама, рамазана и курмана по одному каждый раз. Нарушители штрафуются денежной суммой в размере 100 руб., которую обращают также в общественную сумму, за исключением 10%.

3. Кроме того, у осетин существует нелепый обычай приезжать даже из дальних местностей оплакивать покойников. Он известен под названием мардма-цауан. При этом мужчины не наносят еще большого убытка семейству покойника, но приезжающие женщины крайне стесняют и разоряют семейство покойника, оставаясь там десятками на содержании родных покойника и наполняя двор притворным плачем и рыданием, причем дело часто доходит до безобразия, бьют руками по лицу и голове, рвут на себе волосы, царапают себе лицо (ногтями). Воспрещаются вовсе подобные дикие самоистязания по умершим, хотя бы самым близким родным покойного, равно и обычай мардма-цауан, исключая самых ближайших родственников покойного, а именно: родной сестры, племянницы, дочери и родной тетки, с двумя, и никак не больше, спутницами. Нарушившие сие постановление штрафуются 25 руб. в пользу общественной суммы, за исключением 10% в сельскую кассу.

4. Скачки — [один из похоронных обрядов], как-то: стыр-дуг, фисы-дуг, алам — вовсе воспрещаются. [Виновные в нарушении этого подвергаются] денежному штрафу в пользу общественной суммы: за стыр-дуг — 100 руб., а за каждую из остальных — 30 руб. серебром. Под страхом такого же штрафа (30 руб.) воспрещается ставить по дорогам покойникам памятники, а также кабак — шест, на вершине которого прикреплена серебряная монета (15, 20 коп.), в который стреляют, как в цель, раскачивая его.

5. Строго воспрещается насильственный увоз девицы, ибо подобные поступки вызывают фамильные ссоры, а иногда и убийства. Участвующие в увозе девицы сверх назначенного судом наказания подвергаются штрафу в пользу общества в следующих размерах: жених — в размере 200 руб., а каждый из соучастников — 100 руб.

6. Изобличенные и наказанные судом члены осетинского общества за преступления: кражу, разбой, грабеж, мошенничество, подрезание хвоста у скота, поджог сена, всякого рода зданий и тому подобные преступления, подсудные общим судебным и мировым учреждениям, сверх определенного судом наказания подвергаются денежному штрафу в размере 50 руб., каковые обращаются в общую сумму. Кроме того, преступников, изобличенных в воровстве, поджогах всякого рода и подрезании хвоста у домашнего скота, высылать административным порядком из края навсегда.

Примечание: в случае сделки потерпевшего с вором оба сверх определенного судом наказания подвергаются денежному штрафу каждый по 100 руб.

В. Чегем³⁴. Али Мурза Балкаруков о канавах. Канавы для провода воды проведены с самого начала. Канавами этим при недостатке воды пользуются попеременно. За аулом лежат пахотные (участки), принадлежащие 30 семействам. Вода проводится из речки Зелы (по-осетински Зила — «извивающаяся»), она проходила прежде через земли владельца мельницы. Все соседние владельцы платили ему, вероятно, в вознаграждение за первые затраты по проведению воды. Каждый хозяин платил чинака (чашку) ячменя. Обычай этот теперь оставлен, так как воды много, но такого строгого распределения воды, как в Хуламе или Урусбиеве, не имеется. В Хуламе одной канавой пользуются семей двадцать, каждая семья в году один раз в течение двух суток. Если одна из семей, имеющих право на канаву, пахотной земли не имеет, то она за вознаграждение отчуждает ее нуждающимся (за сено или солому и т. д.). Есть предание, что в башне, в которой спасалась одна... (неразборчиво) княжна от Тимура, вода проведена была через турий рог и рога воловыи.

О первоначальном заселении края. Предание, дошедшее до нас, не восходит далее появления множественного рода Балкаруковых, пришедших с севера, из абазехов (адыгское племя). Их предок происходит из семейства Болотуковых, до сих пор существующего в Абазехи³⁵. Из этого семейства некто Анфако, не ужившись с братьями, решившись выселиться, прибыл прежде всего в Баксанское ущелье у верховьев реки Баксан, где в то время жили сванеты. В стычках с ними он был убит, оставив после себя двух сыновей — Бай-Мурзу и Джан-Мурзу. Приблизительно это будет десять поколений назад (более 350 лет).

Дети выгнали из ущелья сванетов благодаря приведенному с собой Анфако отряду человек в 150 из абазехов. Могильный памятник Анфако находится возле верхнего Наурузовского аула пирамидальной формы (известный под названием Кишене) при самом входе в Баксанское ущелье. Недавно разрушен при расчистке места под сенокос. Бай-Мурза и Джан-Мурза, не оставаясь более в Балкарском ущелье и отослав свои войска назад в Абазехию, с двумя своими аталыками (воспитателями) переправились в Чегемское ущелье (имена аталыков — Андрухай и Гемншры — абазехи) и прибыли в местечко Актопрак («Белая глина», которой там много). В реке Чегем они увидали плавающие щепки, из чего заключили, что у верховьев Чегема живут люди. Узнав это, они направились в аул, который уже тогда назывался Чегем, в котором жил какой-то народец с князем Берды (Бердыбей — князь Берды). Рассказчик предполагает, что народец этот были осетины. Возле аула находится камень, доселе называемый камень Бердыбея. Когда братья прибыли в Чегем, они были приняты радушно Бердыбеем. Как умные люди, они понравились ему. По смерти Бердыбея остался его малолетний сын Рачкау. Благодаря малолетству Рачкау оба брата успели снискать расположение аула и захватили власть в свои руки. От народца, здесь жившего, остался ли кто до нашего времени, неизвестно. Народец, здесь живший, распадался на два поселка: на левой стороне Чегема жил Бердыбей, у подножия скалы — Бетичогер. Сохранились следы башен, в которых они жили. Башни сложены с помощью цемента.

На правой стороне Чегема был другой поселок, который до сих пор называется Бердыбей. Оба поселка принадлежали Бердыбею. Во время покоса каждый двор должен был приносить Бердыбею одного барана; были ли какие другие обычаи, рассказчику неизвестно. Бердыбей и его семья составляли высшее сословие; (низшие — слуги), называвшиеся уздени, обязаны были сопровождать Бердыбею. Право давать титул уздения принадлежало Бердыбею. Подразделения чагаров и фигда явились только впоследствии. Тогда их не было, а был только низший класс. Пахотные места уже встречались при Бердыбее на обеих сторонах Чегема; где ныне сенокосы, стоял лес.

У Рачкау был сын Ак-Мурза (Белый князь), а у этого двенадцать сыновей. Княжеская власть наследникам Бердыбея, раз уже аул выбрал на их место род пришлого, не принадлежала, так как была захвачена Бай-Мурзой и Джан-Мурзой. Двенадцать сыновей Ак-Мурзы начали буйствовать и обращаться деспотически с населением. Когда хлеба поспевали, сыновья выбирали

лучшие нивы и насильствовали, собравши женщин, заставляли жать чужое поле, так что хозяин только напрасно затрачивал свой труд. Когда кто-нибудь варил пиво, собрав буйную молодежь, они отправлялись к нему пить пиво. Напившись допьяна, они делали метку для оставшегося пива на котле и, обращаясь к хозяину, говорили, что, если будет выпита хоть одна капля, они отрубят ему голову. По отношению к женщинам они позволяли себе всякого рода безобразия.

У Джан-Мурзы был сын Балкарук; сыном Балкарука Ахтуганом и была построена башня, принадлежавшая Балкаруковым; сыном Ахтугана был Келимет. Во время правления Келимета между ними и двенадцатью братьями установились самые враждебные отношения из-за княжеской власти.

Так как поколение Келимета отличалось более искренним и хорошим отношением к населению, то весь аул стал на сторону Келимета и все двенадцать братьев с их детьми и женами были перебиты в течение одних суток. Враждебные отношения Келимета и двенадцати братьев установились по следующей причине. Келимет распоряжался всеми землями — пахотными и сенокосными. Земли эти распределялись им во временное пользование ежегодно. Все дворы, пользовавшиеся отведенной им землей, обязаны были отдавать Келимету по одному барану ежегодно. Но двенадцать братьев силой остановили этот платеж. Продолжал платить один только двор, члены которого были аталыками Келимета. И вот однажды, когда аталык этот по имени Тичинов собрался отвести этого барана, явились эти двенадцать братьев к нему и начали уговаривать его, чтобы он тоже прекратил платеж. Когда он не согласился, его избили. Избитый аталык явился с жалобой к Келимету, который сделал братьям запрос, как они смели губить его аталыка. В ответ они промывчали, подражая мычанию коров, для оскорбления его. После такого оскорбления завязался палочный бой между оскорбителями и оскорбленными, и объявили им, что до следующего понедельника (дело происходило в понедельник)... (далее неразборчиво). Келимет собрал в здание вроде часовни, именуемой Байрам (Майрам — мать Мария), весь аул и заставил принять присягу в повиновении ему. Собравшиеся порешили тайным образом убить каждого из двенадцати братьев в отдельности так, чтобы об убийстве одного не знал другой.

Эти двенадцать братьев в это время разделились на две партии — одна в семь, другая в пять человек, [одна] в местечке Гестенты, где они производили покос, другая партия в Кому (где баранта) на расстоянии четырех часов езды от Чегема. Келимет отправился в Гестенты со своими приверженцами. Косарем был один человек из Балкарии. Келимет подкупил его в свою пользу, и тот пообещал выдать все тайны своих господ и вступить с Келиметом в заговор. Он предложил такой план: «После того как я уложу своих господ спать, когда они заснут, я вынесу все их оружие из сакли и, взяв свирель (сыбызги), удалившись из сакли на некоторое расстояние, буду наигрывать на ней. Тогда вы можете ворваться в саклю». Так и сделали. Ворвавшись в саклю, Келимет со своими приверженцами убил всех семерых братьев. Два брата с отцом оставались в ауле. Келимет поручил, отправляясь в Гестенты, убить их несколькими горцам, что и было сделано. Три остальных оставались в Галыгурджи (по-осетински «крысиный луг»; сусликов действительно там очень много и теперь; галы — «крысы», гурдан — «луг»). Келимет посылает убить их. Приказывал, чтобы незаметным образом по сторонам каждого брата (встаю) по два человека и чтобы они по уговору в один момент схватили их руки. Когда они будут связаны, другие горцы должны умертвить их. Таким образом погибли эти три. Все это было сделано в одну и ту же ночь. До рассвета Келимет и его сообщники вернулись в аул.

Когда Келимет возвратился в аул, оказалось, что старший из двух оставшихся братьев еще не был убит. Убить его было поручено Келиметом своему родственнику Джану, но тот по трусости своей не исполнил приказания. Тогда Келимет Чотанов (ближайший советник Келимета) взял на себя убийство. Келимет Чотанов [сначала] убивает младшего брата, который отличался наиболее безобразным поведением по отношению к женщинам. Младший брат отправился утром на рассвете привязать арканом свою лошадь для пастбы,

за ним отправился и Чотанов, скрывая под буркой шашку. Чотанов сказал ему: «Теперь ты уничтожаешь овес, и если зимой тебе понадобится буза (брага из овса), где ты найдешь ее?» — «Разве нет в Чегеме другого овса?» — отвечал ему младший брат, продолжая вбивать кол в землю, чтобы привязать к ней лошадь. В это время Чотанов шашкой отсек ему голову. Убить старшего брата по имени Кучук поручено было холопу Келимета Джан-Мурзе Эндругову. В это утро Кучук отправился на чужую пашню; за ним отправился холоп с Келиметом Чотановым. Когда они приблизились к старшему брату, Чотанов, как шутник, должен был подъехать прежде и начать с ним заигрывать; во время игры он схватил его за шею и качнул в одну сторону. В это время с другой стороны подъехал холоп и ударом меча отсек ему голову.

Убить отца — Ак-Мурзу — было поручено старику холопу, родом сванету. Холоп-сванет собирает холопов и говорит им, что Балкаруковы заставляют их слишком много работать. Как бы посланный от собравшихся холопов, холоп-сванет отправляется к Ак-Мурзе с предложением защитить холопов. Придя к Ак-Мурзе, просит его выглянуть из окна, чтобы выслушать эту просьбу. Ак-Мурзе такое обращение очень понравилось. Он выглянул из окна... (далее неразборчиво). Холоп-сванет громадной палкой с шаром на конце (все из дерева) убивает его ударом по голове. Оставался еще в живых сын старшего брата Кучука у своих аталыков Калибековых в Чегеме. После убийства отца Келимет Чотанов и Эндруговы отправились в дом аталыка, где жил сын Кучука, передали мамке, что Келимет желает видеть мальчика. Мамка выносит младенца. Пришедшие передают его из рук в руки и в конце концов ударяют его о камень. Таким образом (был) истреблен весь род, и земли их раздаются Келиметом в частную собственность всем участникам безвозмездно. Келимет не оставляет себе ничего. Из всего рода двенадцати братьев оставалась одна беременная женщина — жена одного из братьев, причем беременность ее не была заметна, иначе она бы была убита. Она была урожденная Карабугаева (из Дигории). По истреблении всего рода она уезжает к Карабугаевым, родит мальчика. Весть о том доходит до Чегема, где его прозвали Тууду («родился»). Тууду этот остается жив, и от него пошло поколение, которое до настоящего времени живет в Чегеме (семейство Туудуевых).

Построение башни. Ахтуган поехал к кумыкам и у Шамхаловых похитил девушку таким образом. Она в числе других присутствовала на играх конных... (неразборчиво). В то время, когда она любовалась ими, Ахтуган, ворвавшись в толпу, схватил дочь Шамхаловых и увез ее на лошади. Имя ей Керимхан. Похититель привез... (неразборчиво) в Чегем. В продолжение двух лет имя похитителя не было известно Шамхаловым. По прошествии этого времени Ахтугану явилось желание выяснить, что за родственники Шамхаловы. С этой целью он, взяв с собой одного товарища, отправился к Шамхаловым (в Шамхальское владение) и остановился у аталыка Шамхаловых Абдул-Ариса, кузнеца по профессии, весьма искусного. Он открылся ему вполне, говоря ему, что он похитил девушку не из желания оскорбить Шамхаловых, а с целью завязать с последними родство. По его просьбе аталык дает знать обо всем Шамхаловым... (далее фраза неразборчива). Шамхалов гневно обошелся со своим аталыком за прием похитителя его дочери и потребовал от него выдачи Ахтугана. Аталык передал ответ Шамхалова своему гостю, говоря: «Я должен тебя выдать поневоле». Гость ответил на это: «Не беспокойся, веди меня прямо к Шамхалову, но пока устрой так, чтобы мы зашли в дом его с двух разных сторон, и укажи, что ты привел своего гостя. С этого момента вся ответственность с тебя снимается». Они отправились; когда они вошли, аталык сказал Шамхалову, как было условлено, и вышел... (неразборчиво). Своего товарища Ахтуган оставил в ста шагах от кунацкой, приказав ему держать наготове лошадь. Ахтуган, чтобы несколько пояснить, что он начал говорить с Шамхаловым, но тот прервал его и поставил у дверей кунацкой вооруженных людей. Тогда Ахтуган сказал: «Я искал не вражды, а родства; я не тот человек, который переходит из рук в руки с веревкой на шее (т. е. холоп)», и, сказав это, он вынул меч и на месте умертвил нескольких приближенных Шамхалова. Таким образом ему удалось вырваться из кунацкой и направиться к лошадям, сесть на них и ускакать. За ним пустились в по-

тоию. Шамхалову удалось дать знать вперед и устроить так, чтобы Ахтугана схватили в одной горной теснине. Так как Ахтуган прекрасно владел стрелой, то, убив нескольких, ему удалось вырваться и ускакать.

Вернувшись в Чегем, он стал... (неразборчиво) беспокоиться. Будучи уверен, что Шамхалов не оставит его в покое, он позаботился приискать мастеров в Сванетии для постройки башни. По мере того как башня росла, устраивали соответственно высокий мост по направлению гор. По этому мосту приучили быка на рогах доставлять материал для постройки. Башня эта была трехэтажная. Кругом она обнесена большой каменной стеной. Маленькая башня налево (была) не более как ворота. Когда башня была готова, Шамхалов подступил к ней с большим войском. В теснине около Чегема произошла стычка. Ахтуган расставил свое войско по обеим сторонам теснины, приказал убивать лошадей, а не людей, надеясь на восстановление со временем родства с Шамхаловым. Поехал к самому Шамхалову, который был в красном одеянии, в длинной шапке, наподобие персидской. Ахтуган приказал прострелить... (неразборчиво) шапку. Когда увидел Шамхалов, что силой ничего не сделаешь, что враги разбили его окончательно, он открыл мирные переговоры через посланцев, и в конце концов был заключен мир. Теснина получила название Капчеккай (капчек — нечто вроде бурдюка, кай — скала, ущелье столь же узкое, как шея бурдюка).

О религии, которую исповедовал народец, в который пришли Балкаруковы. У народца этого пелась песня Чоппа. На правой стороне речки Джелги был построен домик шагах в 300 от нее по названию Нафтрик. В этом домике силами всего аула откармливали одного быка по имени Хыцауаг («достойный для бога» по-осетински). Этого быка откармливали в продолжение года, до месяца, называемого месяцем хцаумон — божий месяц (по-осетински хыцауы бон — «божий день»). У них существовало такое поверье: когда приближался хцаумон, быка выводили в поле. Если бык, обратившись вверх, мычал, то говорили, что «хордар перевелось» (хордар по-осетински «хлебообильный»); если же бык мычал, опустив морду вниз, то плодородие... (неразборчиво). Божий день и есть пасха. Убивали этого быка в месяц хцаумон. К этому времени каждый двор обязан был приготовить лепешки (хычин) и припасти в доме; такие же лепешки они готовили и для себя, последние были меньше первых (круглой формы), хычауан хычин («божий хлеб», «достойный бога хлеб»). Затем собирался весь аул и пировал. На правой стороне Чегема против домика была ровная площадка (теперь пашня). На ней пели песню Чоппа, откуда и называется местечко Чоппа чела («Люди, поющие песню Чоппа»). Ту же песню Чоппа поют, когда человека молнией поражает. Обычай этот исчез с прибытием сюда дочери Шамхалова, которая была мусульманка. Мусульманские имена остаются с этого времени. Внуки дочери Шамхалова назывались Али и Омар. Али отправился учиться к Шамхалову арабскому языку и мусульманской вере, изучению Корана. По возвращении в Чегем Али стал распространять мусульманство, привез одну рукопись Корана на синева-той бумаге, которая хранится до настоящего дня (бумага XIV века). От Али-рассказчика прошло три поколения. Али — прапрадед. Али жил в половине XVII века. Основатель рода в XVI веке.

Названия месяцев те же, что у осетин ³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. прим. 1 к стр. 54.

² Имеется в виду Туалта — территория проживания туалъской этнической группы осетин, располагавшаяся между Северной и Южной Осетией в центре Главного Кавказского хребта; М. М. Ковалевский ошибочно причисляет к туалъцам южных осетин, живущих, как известно, на южном склоне этого хребта.

³ Неясно, о каких незаконнорожденных детях идет речь. О номылус см. прим. 1 к стр. 55.

⁴ Имеется в виду Алагирское ущелье по р. Ардон — самый большой район

в горной Северной Осетии. Здесь действительно отсутствовало феодальное сословие.

⁵ Так называли феодалов, живших в Восточной Осетии.

⁶ По-осетински «сыл» — самка, особь женского пола.

⁷ Тагаурское общество находилось между Гизельдоном и Тереком.

⁸ «Шагенов» происходит от осет. «сауджин» — священник.

⁹ Бадила — родоначальник дигорских феодалов.

¹⁰ Т. е. Дигорское ущелье — территория проживания дигорской этнической группы осетин.

¹¹ Галиат — главное село в Уаллагкомском ущелье Дигории.

¹² Ард — «клятва» (осет.).

¹³ Имеются в виду законные дети.

¹⁴ Это сведение, видимо, вызвало у М. М. Ковалевского сомнение.

¹⁵ Смысл этой строки неясен.

¹⁶ Смысл фразы неясен.

¹⁷ Начиная со второй половины XIX в. осетинские общества часто выносили на своих сходах специальные решения, запрещающие исполнение ряда обычаев, в том числе выплату калыма. Однако, как свидетельствуют и приведенные здесь данные, решения эти не выполнялись.

¹⁸ Печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве АН СССР [137, ед. хр. 312, л. 1—20].

¹⁹ См. о нем стр. 54.

²⁰ Имеется в виду сел. Стыр-Дигор — одно из высокогорных селений Дигорского ущелья.

²¹ Царгасат — общее название феодальных фамилий в Дигории.

²² Печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве АН СССР [137, ед. хр. 326, л. 1—12].

²³ Сел. Донифарс находится в нижней части Дигорского ущелья на левом берегу Уруха. Жители этого села составляли отдельное общество.

²⁴ Фат — «отдача» (осет.).

²⁵ Урсау, Камунта, Уакац — селения в Уаллагкоме.

²⁶ Сидамоны и царазоны — древние осетинские роды.

²⁷ Узаг — название местности, букв. «возвышенное место».

²⁸ По-видимому, имеется в виду этнограф Гатуев. Сообщаемый им обычай отражает пережиток группового брака.

²⁹ Печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве АН СССР [137, ед. хр. 324, л. 20—25, 30—35].

³⁰ Центральная часть Дигорского ущелья.

³¹ Эти суммы платили так называемые временно проживавшие жители за пользование общественной землей.

³² Этими тройками распоряжалось сельское правление.

³³ Печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве АН СССР [137, ед. хр. 327, л. 1—12].

³⁴ Сел. Верхний Чегем находится в Чегемском ущелье Балкарнии.

³⁵ Имеется в виду территория Адыгейской автономной области.

³⁶ Печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве АН СССР [137, ед. хр. 329, л. 20—25, 30—33]. В тексте на стр. 58 приведен другой вариант.

ПИСЬМА М. М. КОВАЛЕВСКОГО К В. Ф. МИЛЛЕРУ¹

№ 1

Эскуриал, 28 февраля 1880 г.

Дорогой мой Всеволод Федорович!

Спасибо за хлопоты и прошу не посылать меня к дьяволу. Деньги Ваши не только получил, но уже наполовину истратил, что значит дважды получил. Поздравляю себя с таким председателем, как Вы, и удивляюсь только одному, почему о Веддах читает Михайловский², который их не знает, а не Вы, который в них сидите. Уже не потому ли, что для оживления общества нужно именно говорить о том, что не знаешь? Вы прекрасно сделали, что согласились написать «Историю Востока», и не ввиду одних 1800 руб. Это не значит, что я многого жду от предприятия. Рассчитываю даже, что в целом оно останется не более как проектом, и лично для него ничего не собираюсь сделать. Не скрою Вам настоящей причины.

При всей своей глуповатости Трачевский³ не без хитрости, так что о нем можно сказать то, чего обыкновенно не говорят: «хитрый дурак». План принадлежит не ему, а Карпову⁴; он долго путал, плел неистовую белиберду, плакался, ломался и вылупился в конце концов в редакторы, не довольствуясь этим; он... (неразборчиво) выставил разные имена по своему усмотрению, моего имени там не было: я принимаю это за выражение нежелания с его стороны и очень этому рад. Между нами, я готовлю работу по средним векам, но далеко не компиляцию. Мой план сводится к тому, чтобы для Франции, Испании, Италии и Германии дать то же, что дано было мною для Англии, частью в диссертации, частью в курсе. Заглавие будет то же, что и Галла... (неразборчиво) в средние века и программа та же, только материал другой, положения иные и размеры далеко не те, четыре, пять томов, не менее. Экономический строй, общественный и политический. Религия. Наука. Искусство. Я уже много сделал в смысле приготовления материала. Но сделать осталось, разумется, вдвое, если не втрое больше. Если даже план останется планом, отдельные части его настолько могут быть цельны, что пройдут не бесследно и сами по себе. Не знаю только, выполню ли по-русски или по-французски. То, что Янжул⁵ пишет о сбыте своей книги, не дает охоты запружать рынок. А пока скажу Вам, что и для России у меня собрано в Испании немало материала: и о русских рабочих на Средиземноморском побережье, и о пребывании Петра в Париже, и о первых замыслах России. Нашел три итальянских и испанских диплом[атических] донесения, которые дадут мне возможность сделать то же по истории общ[ественного] быта Англии в XVI в., что сделано мною для XV в. А какое богатство по части «реляций» об Италии, Фландрии, Голландии (!). И все это так... лежит запыленным и нетронутым. Все хорошо. Одно только может доконать меня. Это монастырское затворничество, это полное одиночество, это отсутствие... (неразборчиво), без которого для меня жизнь не жизнь...

Смейтесь, но в меру. Кланяйтесь Евп[ении] Викторовне и Михайловскому и пришлите мне аккуратную мерочку «емкости» Ниночки. Мне хочется наряжать ее андалузкой.

Ваш Ковалевский

16 июля [1880 г.]

Мой милый друг!

Если бы мне ждал Ваш адрес, то, паря держу, пришлось бы ждать до осени. Предпочитаю поэтому адресовать письмо по-прежнему в Машков пер., будь с ним что будет. Я выслал корректуры на имя Вашего отца, что случилось с ними, не знаю. Когда Вы думаете внести залог для журнала? Нужно ли выслать Вам 200 рублей, или Вы пополните разницу и недостачу из моего жалованья?

Скажу Вам, что я весьма озабочен успехом нашего журнала⁶. Вы, вероятно, согласитесь со мною, что обзор текущей литературы во Франции был бы весьма желателен. Я нашел человека, способного и готового делать такой обзор два, три раза в год. Это не кто другой, как автор... (неразборчиво), с которым я сошелся за последнее время.

Как-то проводите время в Финляндии? Небось блаженствуете в обществе очаровательной, несравненной и неподражаемой Евгении Викторовны?

Ваш Ковалевский

№ 3

Альпы, 26-го августа [1880 г.]

Дорогой Всеволод Федорович!

Глас вопиющего в пустыне издавна глас пророка. Не удивляйтесь и не огорчайтесь поэтому, если по Вашему совету я не сделался сестрой милосердия в русском лазарете, а превратился временно в туриста, да притом еще в альпийского. Две недели, как я живу чисто растительной жизнью, прерывая ее лишь на несколько часов для одуряющей работы в общинных архивах. Сказать, чтобы я находил в этом удовольствие, было бы уклонением от истины. Лучшее доказательство того, что я чистосердечно скучаю этой жизнью, то, что я на днях намерен прекратить ее так же самопроизвольно, как и начал. Но если она более или менее томительна, то зато крайне полезна. На меня нашел буквально какой-то умственный столбняк; ем, пью, купаюсь, хожу и целый день думаю о том, как бы скорее лечь спать. Не думайте, что я один претерпеваю временное притупление, мой товарищ — человек совершенно иного характера, нежели я, позитивист, не только в области науки, но и в практической деятельности, положительно в том же состоянии, так губительно или, если хотите, благотворно действует на умственные способности швейцарский воздух и жизнь туриста. В накладе от всего этого окажутся только мои слушатели, которые необходимо придут к нелестному для меня заключению, что их профессор поглупел.

Обрадуйте меня известием о себе и всем Вашем семействе, включая в него восходящих, нисходящих и боковых. Уведомите также, что делают общие приятели.

Весь Ваш Ковалевский.

Адрес мой по-прежнему... A Monsieur Paul Corries, Paris, Rue des Missions, 37.

№ 4

Италия, 27 февраля 1881 г.

Дорогой Всеволод Федорович!

Только что узнал о постигшем Вас горе из письма Веселовского⁷, которое дошло ко мне бог знает как поздно ввиду моих постоянных переездов. Я знаю, как Вы были привязаны к Вашему отцу, и понимаю, как сильно должна была

поразить Вас его неожиданная кончина. Прошу Вас передать Вашей многоуважаемой матушке выражение моего искреннего участия. Мне пишут из Парижа, что получили какое-то страховое письмо на мое имя от Миллера и, не зная моего постоянного адреса, не решаются переслать. Сегодня же напишу, чтобы выслали мне его в Рим.

Хотя соваться со своим мнением, когда его не просят, и не следует, но я так искренне люблю Вас, что полезу с ним не спросясь. Если в семье Вас станут убеждать сделаться редактором «Развлечений»⁸, откажитесь не по какой другой причине, как по той, что это не Ваше дело. Вам хорошо известно, как высоко я ставлю Вас как ученого. Но не знаю, известно ли Вам также, что как практического человека я ставлю Вас невысоко. Возьметесь за редакцию этой газеты, отвлечетесь от Вашей настоящей цели, никаких великих благ земных не достигнете, наживете себе врагов и недоброжелателей и нехотя замараетесь чужой грязью.

Пишу Вам так открыто, потому что считаю себя настолько Вам близким, что никаких недомолвок и неискренности не допускаю в наших отношениях.

Несколько дней как я в Риме, куда попал в самый разгар масленицы, это в невыносимейшее время в году. С утра до вечера шум и гул. Ни красоты, ни изящества, зато грубости песть конца. Меня два раза сшибли с ног, проломали мне шляпу, забросали конфетами, похожими на камни, и заставили в конце концов искать спасения в бегстве. Несмотря на отменную погоду, мне в Риме как-то не по себе, чувствую какое-то лихорадочное состояние, жар без озноба, головную боль и новый припадок моей почечной болезни. Осмотрел все достопримечательности болес или менее лениво. Пробуду, вероятно, с месяц, если только добьюсь разрешения работать в Ватикане. Хлопочу чрез посольство.

Ваш Ковалевский

P. S. Поклон мой Евгении Викторовне. Ниночку, Бореньку и крестника поцелуйте.

№ 5

Via Vittoria, Рим, 26 марта [1881 г.]

Дорогой Всеволод Федорович!

Или мои письма не дошли до Вас, или я в чем-нибудь нехотя Вас разгневал. Вот три, если не более месяца, как я не имею от Вас ни строчки. Остается еще одно объяснение, но оно для меня слишком обидное, да и не для меня одного: с глаз долой и... Чтобы дать Вам предлог написать мне, прошу Вас узнать, утвержден ли я или нет.

Мне нужно знать это для дальнейшего распоряжения моим временем. Не мешало бы также Вам подбить кого-[нибудь] (зачеркнуто) дать мне сколько-нибудь обстоятельное описание общего настроения и так наз. «веяний», будь уже Вы сами не захотите этого сделать. Странное поведение русских приятелей: пишут письма, когда им сказать нечего, и молчат, когда всего желательнее получить от них весточку. Живу я здесь в совершенном одиночестве и занят с утра до вечера. Еще месяца три принужден буду вести такую жизнь, а там, покончивши с собиранием материалов, займусь более занимательной и не очень поглощающей время работой обращения материала в книгу. Думаю написать для Италии XIII и XIV вв. нечто подобное моей работе об Англии, только с присоединением не изданного еще для Англии политического отдела. Просил Стороженко⁹ прислать мне книгу Виноградова¹⁰: ни ответа, ни книги не получил. Пожалуйста, исполните мою просьбу: книга эта мне нужна для моей теперешней работы. А долги по «Критическому обзору»¹¹ не мешало бы заплатить всем, без изъятия, в том числе Боборыкину¹¹ и Иванюкову¹². Боборыкин не отвечал мне на письмо — верный признак того, что негодует; за что — не знаю. Вообще надо сказать правду: болес свободного отношения с приятелями, как... (неразборчиво), ни-

где нет. Я получаю письма из Парижа, Лондона, Болоньи и ни одного из Москвы, и в такое время, когда письмо оттуда не может не быть крайне интересным. Мои ближайшие планы следующие: пробыть еще несколько месяцев в Италии, затем чрез Испанию проехать в Париж и Лондон, а затем в Америку. К тому времени Вы, вероятно, будете в состоянии раздобыть отданную в залог сумму. При теперешнем безденежье она мне будет нелишней для поездки в Америку. Как распорядились Вы с «Развлечением»? Хотелось бы мне, чтобы редактором его был кто-нибудь другой, а не Вы. Поклон мой Евгении Викторовне.

Ваш Ковалевский

№ 6

Нью-Йорк, 5 июня 1881 г.

Дорогой Всеволод Федорович!

Писать, зная, что ответ не дойдет ранее 7 недель, если еще дойдет, согласитесь сами, необходимо парализует всякую энергию в борзописании. Не удивляйтесь поэтому, если до сих пор не получили ни словечка от меня... (неразборчиво), не столько для того, чтобы получить от Вас известия (последние при Вашей русской аккуратности дойдут до меня тогда, когда меня, вероятно, уже не будет в Америке), сколько для того, чтобы не дать Вам повод жаловаться на меня, пишу Вам второпях несколько слов. Хотел бы поделиться своими впечатлениями, но этого на двух четвертушках не сделаешь. Ограничусь поэтому только намеками на то, о чем можно было бы писать много. В Вашингтоне я несколько раз был в Конгрессе, но не слышал ни одной маломальски выдающейся речи. Посредственность господствует. Посредственность и непорядочность. Председатель постоянно грозит призвать... (неразборчиво) и вывести чересчур болтливых членов, и эти угрозы пугают их так же мало, как и постоянный стук его молотка по мраморному столу, который один страдает от этого. Что поистине любопытно, так это внимание, с которым негры, занимающие большую часть стульев на галерее, следят за препирательствами, нередко громко высказывая свое одобрение или порицание. Благодаря Адамсу я перепознакомился со многими из депутатов и, за двумя, тремя исключениями, нашел их неизмеримо ниже среднего уровня в любой из европейских палат. Крайне поразило меня узнать из разговора с ними, что карьера депутата не поднимает общественное положение преследующего ее индивидуума...

В Ричмонде я весь вошел в изучение современного положения негров. Они составляют здесь чуть не половину населения (35 из 80 тысяч). В воскресенье, которое белый человек проводит дома, на улицах только и встретишь что негров. Они большие любители всякого рода религиозных митингов и проповедей. Вчера я прослушал одну из таких проповедей в церкви методистов, содержимой неграми за собственный счет. Из всех присутствующих я один был белый. Вообще белые и черные отделены стеною веками сложившихся предрассудков. Белые имеют свои школы, черные свои (содержание, однако, за счет белых, которые одни составляют зажиточный класс), белые и черные больные, белые и черные помешанные и преступники размещены в особых госпиталях, тюрьмах и сумасшедших домах. Черные имеют свои пивные и свои гостиницы. Ни под каким видом уважающий себя хозяин не примет негра на почлег в гостиницу белых...

В Вашингтоне я познакомился с директором Этнографического музея «Raubell». Он высказал желание установить обмен изданий с Антропологическим обществом в Москве. Я дал ему Ваш адрес. Их издания, насколько я познакомился с ними, заслуживают обмена.

Кланяйтесь Вашей жене, поцелуйте дорогую троицу и верьте неизменной дружбе.

Ковалевский

Если вздумаете ответить, пишите в 5-ю авеню, Хоутел.

Я буду в Нью-Йорке на обратном пути. Теперь же двигаюсь во Флориду и Луизиану.

25 сентября [1881 г.]

Дорогой Всеволод Федорович!

Не писал Вам все это время, не зная Вашего адреса, и теперь отправляю письмо на авось. Где Вы? На Кавказе, в Москве, в Пушкино? Я ждал Вас от 8 до 12 и 12-го в ночь выехал. Харьков мне надоел до того, что, останься еще день-другой, я бы, несомненно, заболел. Тетка пишет мне, что Вы были в Харькове, заезжали за мной. Правда ли это, если да и Вы меня считаете сколько-нибудь виноватым, то примите все мои извинения. В Париже я с месяц и уже три недели в постели и с больной ногой, изрезанной хирургическими пожняцами. Нужно нечеловеческое терпение, чтобы не упасть духом и бессмысленно проводить время на пятом этаже, нюхая запах кухни и отхожих мест за невероятно высокую цену. Сколько время еще продлится моя мука, я не знаю, только едва ли уеду в эту осень в Америку; вероятнее всего, что проведу зиму в Италии и Испании.

Дайте весточку о себе, о Евгении Викторовне, о Ниночке, Бореньке и моем крестнике.

Неудобно писать в постели.

До свидания, вероятно не скорого.

Ваш Ковалевский

[1881 г.]

Всеволод Федорович!

О дружба, это ты! Вот шесть месяцев как не имею от Вас известий. Если Вам все равно, жив я или мертв, то не могу сказать, чтобы это было очень утешительно. Тем не менее пишу Вам в надежде, что авось откликнитесь, авось между изучением осетинского языка и исполнением супружеских обязанностей Вы найдете четверть часа, чтобы Вашим размашистым почерком намалевать мне четвертушку. Я как Ванька-дурачок: еду, еду, а все не доеду.

В Барселоне я нашел два архива: архив Арагонии и архив города Барселоны, оба в отличном порядке. К тому же в окрестных городах, как, например, в Героне, два, три архива. Много также подготовительных работ, богатых материалами и бедных идеями,— из всего этого воспоследовало, что вот уже второй месяц, как я никак не могу двинуться отсюда, несмотря на то что жизнь здесь мне вовсе не по вкусу. Вероятно, пробуду еще два месяца в Испании. Для средних веков архивы в Мадриде представляют, как мне говорят, довольно мало, а в других городах почти все выкрали французы.

В Героне видел нечто, что, по всей вероятности, заинтересует если не Вас, то Буслаева¹³. Апокалипсис IX века... Видел также преинтересный ковер, вывезенный из Византии, с изображением сотворения мира и человека. Выпросил для Вас литографию, которую и прилагаю при этом письме. Все это чтобы сказать Вам, что Вы большой свинтус, если совершенно забыли Вашего друга Ковалевского.

[1881 г.]

Забыл сказать Вам, дорогой Всеволод Федорович, что Вырубову¹⁴ и Минцлову¹⁵ уплачено и что я бы просил Вас для точности в счетах выслать мне следуемые им сто рублей, раз таковые окажутся у Вас в сборах. Далее я поручил Тансееву¹⁶ выслать мне по десяти экземпляров как «Общ[инного] землевл[адения]», так и «Англ[ийского] общ[ественного] строя»¹⁷, так и двух моих брошюр, а также один экземпляр Кантона Ваадт. Он до сих пор не

сделал этого. Будьте так добры, сделайте это. Пришлите мне также корректуры, не вошедшие в книгу, и в частности... (неразборчиво). Не забудьте также ответить на запрос, сделанный Вам Куликовским¹⁸. Скажите, идет ли в продажу моя книга и если нет, то сделайте новые публикации. Знаю, что надоедаю Вам всем этим, но что же сделать, когда нельзя иначе. Сергей, которого Вы нехотя оклеветали, просит и денежной помощи. Передайте ему при случае 25 рублей сами или через Стороженко. Книги и корректуры вышлите на имя Корриез, улица Миссьон, 37, так как я могу уехать, не дождавшись их. Просьба передать кому следует. В Париже благодать, сидишь на воздухе и чуть не без пальто, а у Вас, вероятно, морозно. Люблю я этот город, хотя для меня он и стал Капуя¹⁹. Отовсюду могу выехать, но отсюда ох как нелегко... А все-таки хорошо — и работается недурно, и расположение духа не то, что в Москве.

Ваш Ковалевский

№ 9

[1881 г.]

Дорогой Всеволод Федорович!

Спешу уведомить Вас, что присланными Вам пятьюстами рублями Вы можете свободно располагать для целей журнала. Я напишу в деревню о высылке мне непосредственно нужных для прожития денег. Вы, по-видимому, печалились, что никого из юристов нет для загромождения журнала скучными и малонаучными статьями, — велика беда; да хоть бы их и совсем не было, мало им гадить «Юридический вестник». Постараемся лучше выезжать на историках, я все более и более начинаю пристращаться к чисто монографической работе по историческим вопросам. Или я поглупел, но синтез в последнее время мне что-то не дается, скептицизм начинает заедать каждый раз, как влезешь по горло в сырье, как это я делаю последние четыре месяца. Поспешу приехать, если мое присутствие действительно нужно... Как видите, не особенно утруждаю свои мозги перепиской, пишу что взбредет, а когда писать нечего, кончаю, не в пример Вам, который три дня пишет счет двум тысячам рублей.

Душевно Ваш Ковалевский

№ 10

[1886 г.]

Дорогой Всеволод Федорович!

Благодарю Вас за поздравление, хотя, поистине говоря, я был бы не то что рад, а в результате доволен забаллотировкой. Меня напугали медики, меня продолжает пугать моя ежечасная дряблость, и я бы не прочь был провести последние годы своей жизни лучше прежних... (неразборчиво). Но видно, мне придется покончить мои дни в Москве за приготовлением лекций или, что еще хуже, в заботах Юридического общества. Вы писали, что собираетесь за границу. Скоро ли? Без преувеличения, но если мне здесь чего и недостает, так это наших ежедневных свиданий, наших споров, особенно в первый год моего пребывания в Москве, когда я занимался археологией права, а Вы историей Востока.

Не вернетесь ли к прежним занятиям, пока я теперь возвращаюсь к ним, — вы знаете по какому поводу? В Париже в русской колонии, с Трачевским и Каресвым²⁰ в том числе, возник план издания всеобщей истории в двадцати томах. Этот план встретил сочувствие в Петербурге. Нашелся издатель, если верить Трачевскому. На Вас рассчитывают как на историка древнего Востока. Вы пишете, что кончаете Ваш труд об осетинах. Если так, то что же может мешать Вам исподволь подготавливать ту работу, которой от Вас ждут и кото-

рую; кроме Вас, сделать никто из русских не может? Если Вас затрудняет Египет, которым Вы не занимались, то не поручите ли его Михайловскому или кому другому? Такое сотрудничество допускается нашим проектом. Мне выпало в удел две работы: во-первых, том по истории происхождения основ: семьи, собственности, рода, племени, государства. Я думаю озаглавить его именем, впервые введенным Мэном, «Общественная эмбриология»; во-вторых, второй пересвод средних веков с исключением спора императоров с папами. Я думаю озаглавить его «Сословная монархия и городская республика средних веков». Серьезно я еще не стал готовить ни одного из них, так как... (неразборчиво) выговорить себе четырехгодовой срок. Хочу покончить прежде все начатые работы; почти покончил уже с подготовкой главы по истории землевладения во Франции и в Ирландии, останется Англия, для которой достаточно нескольких месяцев, и Германия с Швейцарией, которые потребуют более продолжительных занятий. Занимаюсь аккуратно, но не спеша же почитываю и кое-что другое, и знаете что: разные вещи по истории религии. Начал с «Threle Manuel de l'histoire des religions»²¹, недавно переведенный на французский из M. Vernes, Etudes hebraïques... (неразборчиво)²², перешел теперь к чтению «L'histoire des religions» Верна и «Revue de l'histoire des religions»²³. Заменяю этим чтение романов, которые в последнее время стали что-то очень плохи. Знаете ли Вы, что Vernes издает целую «Revue de l'histoire des religions...»? Хотите вышло, только сделайте так, чтобы не захватили на дороге. Антонович²⁴, который только что выехал отсюда, пришлет Вам платице для моего крестника, давно уже заказанное в Magasin de Bon Marché²⁵... по которое я не мог переслать за недостатком оказии. Был ли у Вас Таңесв и передал ли Вам письмо Кулаковского²⁶, который хочет держать у Вас экзамен по санскриту и хотел бы поскорее узнать Ваши требования? Благодарите Евгению Викторовну за память и передайте ей мой поклон, а Ниночку и Бореньку непременно поцелуйте.

Сердечно Ваш Ковалевский

№ 11

[1887 г.]

Дорогой Всесвлод Федорович!

Вы, конечно, удивитесь, получивши от меня так скоро длинное послание и из такого странного места. Дело в том, что со времени нашего свидания времени, по-видимому, прошло немного, а воды утекло много, и есть о чем сообщить для сведения. Во-первых, ничто не излечивает так от нервного возбуждения, как ежедневное накопление новых причин к раздражению. В последних недостатка не было, а потому я в настоящее время совершенно спокоен, могу благоразумно, хладнокровно и беспристрастно отнестись как к проекту будущего журнала, так и к предполагаемым сотрудникам. Очень они меня уж разобидели своими величавыми приемами, ну да черт с ними. Денег у меня в октябре будет 2600, кроме жалованья, из коих тысячу надо оставить на прожиток, а 1600 могут пойти на уплату гонорара. В Харькове мне обещали свое сотрудничество Сокольский, Цехановецкий, Гаттенбергер; все три пойдут и за плату в 35 рублей, и даром, в случае крайности. Гаттенбергер даст ст[атью] о кризисах, Сокольский — статью по истории сельской общины в Англии, Цехановецкий — неизвестно о чем. Цитовичу поручил пригласить Леонтовича²⁷ по истории русского права. Из остальных профессоров не виделся ни с кем.

Для смеху расскажу Вам о моем свидании с Стояновым²⁸. Оно было для обоих нас совершенно неожиданным и приняло поэтому необыкновенно комический оборот. В первый раз в жизни Стоянов захотел пооткровенничать, но, увы, неудачно, трех минут не выдержал, схватился за шляпу и исчез. Встреча у Цитовича, временно приехавшего в Харьков. Стоянов, помахивая руками: «Максим Максимович, откровенность прежде всего; сознаюсь, я Вас ругал».

Я: «Благодарю Вас, Андрей Николаевич! Мне это тем более приятно слышать, что из Ваших слов я убеждаюсь, что поступил осторожнее Вас, предоставляя ругать Вас другим; в последнем, впрочем, недостатка не было. Полагаюсь на Вашу откровенность, позвольте узнать, довольны ли Вы исходом, какое приняло дело? Дело прошлое, сознайтесь, что довольны. Ведь Вы очень не хотели иметь меня Вашим товарищем». Стоянов: «Максим Максимович, согласитесь сами, в настоящую минуту мне нет цели Вас хвалить, тем не менее скажу Вам, мы сильно чувствуем Вашу утрату». Я: «Которой Вы прямой виновник». Стоянов распинается в уверениях противного: «Согласитесь, я как декан должен был, напротив, заботиться о пополнении факультета новыми силами. Да кто же будет читать теперь государственное право?» Я: «Вы, Андрей Николаевич, ведь это будет только четвертый предмет». При этих словах Стоянов хватается за шляпу и, ссылаясь на сильное волнение чувств, исчезает, оставляя хозяина в немалом затруднении. Как неглупый человек, он со следующего же дня переменил тон и стал уверять направо и налево, что переход Ковалевского — незаменимая потеря для факультета! Каков гусь!

Сегодня целый день шатался по городу в сопровождении... Кребса, который показал мне город, его обитателей и обитательниц, со стороны, недоступной женатым туристам. На горе Костюшко встретил сентиментальную немку, из числа тех, о которых бы Щедрин сказал: «мужа хочется»... (неразборчиво), говорила она и, видимо, подбирала рифму, но, увы, не подобрала. Прибавлю от себя: Кребс доказал мне с очевидностью справедливость утверждаемого, за что получил приличное вознаграждение.

Завтра спускаюсь в соляные копи, для чего, собственно, и остановился в Кракове. Часа три рылся в каталоге библиотеки, но для себя любопытного ничего не нашел.

Очень и очень кланяйтесь Вашей жене. Простила ли она мне привоз конфет? Хотя Евг[ения] Викт[оровна] и уплетала их исправно, тем не менее она находит в моем поступке нечто предосудительное. Что скажут? Скажут, что конфеты у Альбера хорошие, а у ней недурной аппетит!

Краков. Отель «Дрезден».

Весь Ваш Ковалевский

№ 12

[1888 г.]

Дорогой Всеволод Федорович!

Не знаю, кто из нас двух более ленится писать письма. Вы или я? Склонен думать, что Вы. Отзовитесь наконец хоть словечком, а то я начну думать, что меня совсем забыли даже самые близкие мне люди. Скоро месяц, как я в Италии, переезжаю из города в город, собирая в архивах и библиотеках материал для истории итальянских республик XIII и первой половины XIV в. Нахожу пропасть интересного. Удивляюсь тому, как это я раньше не задался такой работой. Богатство данных неимоверно. Доступ к ним самый легкий. Обязательность архивистов и библиотекарей не имеет границ. Меня даже несколько стесняет щедрость, с которой здешние ученые дарят свои нередко весьма дорогие издания. Хотелось бы чем-нибудь отдарить их: послать бы им свои книги, да никто здесь не читает по-русски. Не в состоянии ли Вы будете раздобыть издание А. М. Евренновой «Далматские статуты»? Если найдете, купите их и вышлите в Публичную библиотеку Пармы. Заведующий рукописями этой библиотеки подарил мне целый ряд св[ойх] изданий, я, в свою очередь, обещал прислать ему что-нибудь для библиотеки. В месяц сделаешь немало. Я объездил пока лишь Парму, Модену и Болонью. Двинусь через Равенну в Рим, а на обратном уже пути объезжу Тоскану и Ломбардию. Рассчитываю пробыть в Италии с полгода. Не соберетесь ли и Вы? Хорошо бы было встретиться и провести вместе время вдали от университетских историй и всякой другой скверны, которой так богата Москва.

Не напрасно ли я даю Вам поручения, тем более что Вы не исполнили ни одного из прежних? Я дождался с месяц высылки книг и не дождался. Маркс и Зибер²⁹ до сих пор не имеют моего «Общ[ественного] строя Англии». Вышлите им, пожалуйста: Форнивал, 3, св. Георгий, сквер Реджет, Парк Роуд; Марксу — Эдвиа Виллес, 41, Майлэнд Парк Сресцент. Получили ли Вы платице для моего крестника? Заказывала его Адлериха. Взялся доставить Антонович через Киев и Котляревского.

Ехал я в Италию, имея, между прочим, в виду светлое небо и теплый климат. Не нашел ни того, ни другого. Мерзну, хотя и разоряюсь на топливо. От снега разболелись глаза. Кашляю и чихаю по неделям. Положительно, климат в Харькове лучше, и итальянцам следует ездить туда для поправления здоровья. Что касается до общества, то оно состоит из меня одного, и я пока им очень доволен...

Кланяйтесь общим приятелям, что нетрудно, так как их немного. Евгении Викт[оровне] мое нижайшее, а крестника поцелуйте, если он не слишком капризничает. Что Ниночка милейшая?

Ваш Ковалевский

№ 13

Село Кут, 17 августа 1889 г.

Дорогой Всеволод!

Посылаю тебе рекомендации для Стокгольма: к Монтелиусу, Гильдебранду, Норденшельду. Этих трех будет достаточно. К С. В. Ковалевской³⁰ можешь предстать и без письма от меня.

Если найдется у тебя оттиск твоей статьи о Прометее на Кавказе, одолжишь присылкой. Я занят теперь окончанием большой работы под заглавием «Закон и обычай на Кавказе»³¹. Для «Этногр[афического] обозрения» могу дать статью под заглавием «Кавказская lex bagbagit» (разбор постановлений кайтагского уцмня Рустема³² и ругня с Леонтовичем).

Мой сердечный привет Евгении Викторовне. Крестника и прочих твоих умников, пишущих экстемпорали лучше меня, включаю в мои обширные объятия.

Ты спросишь, что я делаю? Хандрю, даю себя обкрадывать и подчас ругаюсь.

Твой М. Ковалевский

№ 14

Лондон, Оксфорд Рондольф, 28 мая 1890 г.

Дорогой Всеволод!

Два слова, чтобы сказать тебе, что я готовлю для «Этнографического обозрения» перевод статьи Тэйлора³³ о новом методе в этнографии с приложением списка вопросов, который сделан был им при мне, и личным обращением его к русским этнографам; я попрошу тебя отпечатать на мой счет 300 оттисков этой статьи и разослать их всем тем местным исследователям, от которых можно рассчитывать получить ответы.

Лекции мои идут успешно пред немногочисленной, но избранной аудиторией с Тэйлором, Фриманом³⁴ и Максом Мюллером³⁵ во главе. Но здоровье плохо, и недавно я опять лежал плашмя четыре дня подряд в припадке каменной болезни.

Поклон Евгении Викторовне и поцелуй детям.

Твой М. Ковалевский

Посылаю тебе экземпляр моих стокгольмских лекций.

9 апреля 1891 г.

Дорогой Всеволод!

Твой невозможный питомец повстречался мне два раза в Ницце. Я приглашал его наилучшим образом посетить меня. Но он и глаз не показал, и наконец сегодня, 9 апреля, я через третьи руки, после отъезда питомца, получил твое послание.

Ты пишешь о промахах в моей книге; их, вероятно, многое множество, так как я уже таков: переврал бы и год рождения Иисуса Христа, если бы это было только возможно. Ты оказал бы мне дружескую услугу, обратив мое внимание на эти погрешности. Я делаю теперь французское издание моей книги³⁶, первого тома только, рад бы был избежать этих погрешностей, но здесь, очевидно, о Кавказе посоветоваться не с кем. Не поленись же, дружнше, и черкни страничку-другую.

Я издал свои оксфордские лекции³⁷ и прислал бы их тебе охотно, но они в России запрещены; укажи путь и средства. Я это сделаю тотчас же.

Вопросные пункты и предисловие Тэйлора высылаю тебе для напечатания в «Этнографическом обозрении». Нельзя ли выслать мне его? Деньги можешь взыскать при свидании или с Муромцева, расписавшись в получении. Он мне кое-что должен.

Дамам я на их злость отвечал умиленно, после чего они замолчали.

Не соберешься ли весной ко мне с Евгенией Викторовной? Очень бы обрадовал.

Твой старый и неизменный друг М. Ковалевский

16 марта 1892 г.

Дорогой Всеволод!

Спасибо за подарок. Я читаю его с большим интересом, пораженный разнообразием твоих знаний и увлекаемый оригинальностью и смелостью твоих обобщений. Не хотелось мне отправлять этого письма, не приложив к нему статьи для «Этнографического вестника»; но у меня накопилось столько писательских обязанностей, что не решаюсь взяться ни за что новое, не окончив предварительно начатого. К тому же хотелось бы сперва получить от тебя указание о том, какую желаешь от меня статью. Ты знаешь, что нового этнографического материала у меня нет под рукой. Могу поэтому только служить общими рассуждениями, критическими статьями или обзором старой этнографической литературы о России. Хочешь, извлеку то, что имеется в старых итальянских путешествиях о нравах москвитян, хочешь, поговорю о новейшей литературе по материнству. Во всяком случае, исполни обещание и вышли «Этнографический вестник». Я имею только первые три книжки. А когда же ты пришлешь мне заметки о моей книге? Знаю, что ты очень занят, но знаю также, что ты настоящий друг и верный обещаниям немец.

А потому надеюсь и уповаю. Мое настроение может быть передано словами: тяжело болеть даже на лоне самой дивной природы. Я провалялся месяца два, запустил занятия и теперь работаю усиленно при содействии секретаря-студента.

Кланяйся всем общим приятелям, начиная от Евгении Викторовны. Слышал от Боборыкина, что Ниночка совсем красавица, не хуже своей мамашки.

Твой М. Ковалевский

16 января 1893 г.

Дорогой Всеволод!

Заваленный работой, я не писал тебе все это время. Но из нашего обоюдного продолжительного молчания не следует, разумеется, что каждым из нас

утрачена способность взаимной оценки, быть может несколько пристрастной, ввиду старой дружбы. И вот почему, незабвенный товарищ, я приветствую тебя на твоём новом посту³⁸, вполне уверенный, что тебе удастся внести, занимая сего, немалую пользу предмету.

Мое недостаточное знакомство с и[сторией] русс[кой] лит[ературы] (оно никогда не шло далее Галахова)³⁹ может быть причина тому, что эта «наука» кажется мне только *im Werden*⁴⁰. Есть материал, но где обобщения? Темы, разумеется, интересные, заняться бы ими мне, и тем большую пользу обещает работа над ними ученого-филолога, знатока санскрита, сравнительного языкознания и мифологии. Мне одновременно и приятно и совестно было читать твою оценку моих литературных занятий. Они далеко не так успешны, как ты думаешь. Я все еще не кончил затеянных мною томов и только через несколько месяцев в состоянии буду выслать рукопись для набора. Подчас даже жалею, что взялся за труд, который отымет у меня многие и многие годы и помешает сотрудничать в ученых журналах, откуда сыплются приглашения. У тебя едва ли есть время прочитывать статьи в «Вестнике Евр[опы]» и «Северном вестнике». Иначе мне было бы очень интересно знать твоё мнение об отрывках, напечатанных мною при готовящемся труде. Не поленись написать, где будешь весной и летом. Я собираюсь в Россию и хотел бы повидаться с тобой и твоими. Передай мой привет Евгении Викторовне, Викт[ору] Мих[айловичу] Михайловскому и расцелуй за меня детей.

Твой М. Ковалевский

№ 18

4 мая [1898 г.]

Дорогой Всеволод!

Целая вечность, как я не писал тебе: болел, ждал затем твоего приезда, негодовал, что ты не приехал, готовил лекции по-английски, а теперь уезжаю читать их в Оксфорд. Куда только не забрасывает судьба этого выродившегося представителя некогда храброго казацкого войска!

Получишь на днях из Стокгольма мое «*Tableau des origines de famille et de la propriété*»⁴¹, а летом мой «Закон и обычай на Кавказе». Отдельные экземпляры будут присланы в Этнографический отдел и в Археологическое общество. Харузин⁴² обещал прислать свою книгу. Я послал ему мою благодарность, а книги не получил. Нельзя ли напомнить ему о ней? Я интересуюсь обычным правом кочующих племен России и если еще напишу книгу по русской этнографии, то именно по этому предмету.

А ты что поделываешь и что пишешь, где собираешься провести лето?

Конец лета и осень думаю провести в Италии.

Поклон Евгении Викторовне и четыре поцелуя детям.

Твой М. Ковалевский

№ 19

[Ок. 1898 г.]

Дорогой Всеволод!

Откладывал писать тебе, зная, что ты оценишь мою прозу гораздо больше, если письмо будет сопровождаться статьей для «Этнографического журнала». Но статьи не написал, так как книги мои еще не пришли, и я поэтому был в невозможности заниматься чем другим, как пересмотром своего французского перевода.

На этот раз я пробыл в Париже всего две недели, простудился, болел и уехал лечить бронхит под благословенным небом Юга. Со мною Джаншбев, который значительно поправился и вернется в Москву через месяц. Что бы и тебе с Евгенией Викторовной приехать на праздник в Бельвю! Я бы без труда мог устроить тебя на вилле.

Народу в Ницце многое множество, но я никого не вижу не по причине занятий, впрочем, а так как предпочитаю деревенский образ жизни и длинные прогулки по горам или на берегу моря. В рулетку не играю.

Не поленись уведомить, что творится в Москве и в Вашем Этнографическом обществе. Я видел в «Фигаро», что Вы выбрали в ваши почетные члены монашеского принца. Быть может, Вы сделали что-нибудь еще более достойное? Как поживает вся твоя семья? Не откажись написать, можно ли выслать Вам цветов из Бельвю, или затруднений с таможней будет столько, что и от подарка откажешься?

Твой М. Ковалевский

Нижайшее Евгении Викторовне, крестника целую. А что Боря и его морганне?..

№ 20

[1898 г.]

Дорогой Всеволод!

Меня очень обрадовало известие, что ты президент. Скромничать нечего, и Общество, в особенности же наш отдел, много выиграет от твоего присутствия. Разумеется, я буду очень рад прислать даром статейки для покровительствуемого тобой журнала. Подпишись за меня на один экземпляр. Адрес — Харьков до 1 сентября, затем Франция. Я вышлю деньги немедленно, раз узнал, сколько стоит журнал и кому высылать. У меня теперь по этнографии нет ничего маленького, а есть только большущая статья о законе и обычае в Дагестане. Статью эту я хочу обратить в книгу и издать осенью⁴³. Хорошо бы тебе выслать на мое имя открытый лист на путешествие на Кавказ, в Закавказье и Закаспийский край. Я собираюсь сделать его в конце лета и начале осени, если только продлят сроки выставки.

Если Боренька только немногим сильнее меня в экстермпоралях, то это очень печально. Ну а Витенька? Ты что-то молчишь. Уж не пошел ли он в этом отношении в крестного батюшку?⁴⁴

Поклон мой Евгении Викторовне, а Ниночку поцелуй, если это еще возможно.

Твой М. Ковалевский

№ 21

Ул. Ришелье, отель «Горные Альпы». Париж [1898 г.]

Дорогой Всеволод!

Не писал тебе в уверенности, что ты мне за это будешь очень благодарен, так как мое молчание оправдывает твое собственное. Ошибся ли? Слышу от Сергея, что ты выразил желание переслать мне причитающуюся часть гонорара по адресу, какой я тебе укажу; намерение доброе. Вот тебе мой адрес: Париж, ул. Ришелье, отель «Горные Альпы».

Чтобы не слишком тревожиться с высылкой денег, купи перевод у Юнкера и вышли его мне по адресу.

Как-то ты и Евгения Викторовна проводили лето? Я недурно, и, вероятно, так потому, что занят с утра до вечера. Пишу второй выпуск «Общ[инного] землевлад[ения]». Мне кажется, я буду чувствовать себя лучше, когда сдам эту обузу со своих плеч. Наша общая статья понравилась тем, кто прочел ее в Оксфорде и Париже. Каково твое окончательное решение насчет Одессы; едешь ты или не едешь? В последнем случае, вероятно, и я предпочту не ехать. Научиться у одесситов ничему не научишься: только время потеряешь.

Если ты не настолько занят, чтобы не читать романов, то прочти «Зарю» Альфонса Доде. Вроде «Нана», но несравненно выше ее!

Что тебе сказать о своей жизни? Ты, кажется, и так хорошо помнишь

ее: утром библиотека, днем писание, вечером театр или чтение, изредка званые обеды, вечера в обществе и французов, и англичан, и русских. И так день за днем, без сердечных приключений, ибо стар и толст.

Театральная новинка в Париже: «Макбет», в переводе, с Саррой Бернар в роли Макбет. Знаменитая сцена сумасшествия производит впечатление потрясающее. Остальное идет вяло. В Париже я всего четвертый день. Пробуду недели две, не более, а там опять в Лондон.

Поклон мой Евгении Викторовне и общим знакомым.

Твой М. Ковалевский

№ 22

22 января 1904 г.

Дорогой Всеволод Федорович!

Рекомендую тебе сына ректора в Чикаго, г-на Гарнера. Он готовится быть профессором русского языка в Чикаго. Был учеником Бояе⁴⁵, желает быть тебе представленным и познакомиться также с Николаем Ильичом Стороженко и Алексеем Николаевичем Веселовским. Прими его с твоей обычной любезностью.

Твой старый друг
М. Ковалевский

Познакомь г-на Гарнера с Стор[оженко] и Веселовским.

№ 23

13-я улица Обсервасьон. Париж, 11 октября 1904 г.

Дорогой Всеволод Федорович!

Позволь напомнить о себе по следующему поводу. Д-р Дм. Плетнев, лечивший меня в Карлсбаде и пользующийся в Москве хорошей известностью (спроси о нем Стороженко), желал бы занять открывающуюся вакансию врача в Лазаревском институте⁴⁶. Он полагает, что моя рекомендация может быть для него полезной. Я знаю его благодаря почти ежедневным свиданиям на водах. Он показался мне человеком ученым и в высшей степени порядочным. Спешу прибавить, что он не разделяет никаких лжеучений, в каких меня обвиняют с таким основанием. Обрати на него твое благосклонное внимание и, если место не обещано, устрой его в Институт. Жалеть об этом не будешь, так как люди честные и порядочные всюду редки, а он к тому же еще человек знающий и работающий. Адрес его: Девичье Поле, Клиника д-ра и проф. Метропольского. Пользуюсь случаем, чтобы передать поклон Евгении Викторовне и мои лучшие пожелания. Недавно прочел с удовольствием ст[атью] Бориса Всеволодовича о карачаевцах⁴⁷ и воспользовался ею в моей новой работе о родовом быте. Она выйдет в «Приложении к самообразованию» за 1906 г.

Сердечно твой М. Ковалевский

№ 24

Моховая, 31. 10 октября 1909 г.

Дорогой Всеволод Федорович!

Полагаю, что ты узнал о помещении твоей статьи получением гонорара. Если нет, то поспеши уведомить. Премного обяжешь. Ты, разумеется, волен воспроизвести статью в сборнике, и никто тебе в этом препятствовать не будет. Оттиск получишь. Скажи Евгении Викторовне, что ее брат посадил меня в Государственный совет⁴⁸ и что я этим очень доволен.

Сердечно твой М. Ковалевский

[Ок. 1911 г.]

Дорогой Всеволод!

Посылка статьи докажет тебе, что я не имел в помыслах «водить редакцию». На съезд археологов в Москве мне тем труднее явиться, что никто и не думал прислать мне приглашения. Ни статьи твоей, ни второго выпуска «Этн[ографического] сборника» я еще не получил. Осуществится ли твое намерение навестить меня в Бельвю вместе с Евгенией Викторовной? Погода стоит превосходная, и Батавский пустынножитель был бы тебе несказанно рад⁴⁹.

Твой М. Ковалевский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Ф. Миллер (1848—1913) — выдающийся русский ученый, иранист, кавказовед, автор знаменитых «Осетинских этюдов». Был профессором Московского университета и в течение многих лет возглавлял Лазаревский институт восточных языков.

² К сожалению, нам не удалось установить, кого М. М. Ковалевский имеет в виду.

³ А. С. Трачевский (1838—1906) — профессор Новороссийского (Одесского) университета, автор многочисленных трудов по всеобщей истории.

⁴ По-видимому, Г. Ф. Карпов — профессор историко-филологического факультета Харьковского университета.

⁵ И. И. Янжул (1846—1914) — один из близких друзей М. М. Ковалевского, профессор Московского университета, ординарный академик, крупный представитель экономической науки России.

⁶ Имеется в виду «Критическое обозрение».

⁷ А. Н. Веселовский (1838—1906) — историк литературы, ординарный академик с 1881 г., один из основоположников историко-сравнительного метода изучения литературных явлений и теории заимствования.

⁸ Газета хроникального направления, которая издавалась в Москве.

⁹ Н. И. Стороженко (1836—1906) — профессор Московского университета, филолог, член-корреспондент Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

¹⁰ П. Г. Виноградов (1854—1925) — русский историк средних веков. Автор многочисленных трудов по социально-экономической истории Англии.

¹¹ Боборыкин П. Д. (1836—1921) — писатель и издатель журналов, почетный академик по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности, автор книги «За полвека» [53].

¹² О нем см. с. 23 данной книги.

¹³ Ф. И. Буслаев (1818—1897) — профессор Московского университета. С Ф. И. Буслаевым связана целая эпоха в изучении русского языка и русской литературы. Одним из его учеников был В. Ф. Миллер.

¹⁴ Г. Н. Вырубов (1843—1913) — русский философ-позитивист, химик, жил и работал в Париже. В Женеве под его редакцией вышло первое собрание сочинений А. И. Герцена в 10 томах.

¹⁵ По-видимому, имеется в виду Р. И. Минцлов (1811—1883), историк, занимал должность библиотекаря Императорской Публичной библиотеки Москвы, автор ряда библиографических работ.

¹⁶ По-видимому, речь идет об известном московском адвокате Танееве (1840—1921), брате композитора С. И. Танеева. Он выступал защитником в ряде политических процессов. К. Маркс в письме к М. М. Ковалевскому назвал его преданным другом «освобождения народа» [4, с. 185].

¹⁷ Речь идет о ранних трудах ученого: «Общественное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения». Ч. 1. «Общественное землевла-

дение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение». М., 1879; «Общественный строй Англии в конце средних веков». М., 1880.

¹⁸ К сожалению, не удалось установить, кто имеется в виду.

¹⁹ Так назывался древний город в Италии.

²⁰ Н. И. Кареев (1850—1931) — известный историк, член-корреспондент Академии наук с 1910 г. М. М. Ковалевский, в частности, отмечает, что он видел в библиотеке К. Маркса книгу Кареева «Крестьянский вопрос во Франции XVIII в.» [40].

²¹ Имеется в виду учебник Треля по истории религии.

²² Из книги М. Верна «Исследования по гебраистике». Название неполное, ибо у автора здесь неразборчиво.

²³ «Истории религий» М. Верна и «Журнала по истории религий» (фр.).

²⁴ В. Б. Антонович — историк, профессор Киевского университета, автор ряда работ по русской истории.

²⁵ В магазине по сниженным ценам (фр.).

²⁶ Ю. А. Кулаковский (1855—1919) — филолог-классик и византист, археолог. В 1906 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук по ряду классической филологии и археологии. Значительное внимание Ю. А. Кулаковский уделил изучению алан.

²⁷ Ф. И. Леонтович (1833—1911) — профессор Одесского университета, видный ученый, историк права, составитель сборника «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Ч. 1—2. Одесса, 1882—1883.

²⁸ А. Н. Стоянов — декан юридического факультета Московского университета, один из активных участников увольнения М. М. Ковалевского в 1886 г. из этого учебного заведения.

²⁹ Н. И. Зибер (1844—1888) — русский экономист, один из первых популяризаторов и защитников экономического учения К. Маркса. Труды его оказали большое влияние на русских марксистов.

³⁰ Подробнее о С. В. Ковалевской см. с. 25—26 данной книги.

³¹ См. [29].

³² См. с. 52 и 124 данной книги.

³³ По-видимому, Э.-Б. Тэйлор — знаменитый антрополог и этнограф, автор многочисленных трудов по антропологии и древней истории.

³⁴ Э. Фриман (1823—1893) — известный английский историк, профессор Оксфордского университета.

³⁵ М. Мюллер (1823—1900) — английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

³⁶ Речь идет об известной монографии М. М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» [20]. В 1893 г. первый том этого труда вышел в Париже в переводе на французский язык.

³⁷ Имеется в виду «Современный обычай и древний закон России». Ф. Энгельс в письме к Полю Лафаргу писал 10 февраля 1891 г.: «Ковалевский опубликовал свои оксфордские лекции. Доисторическая часть слаба, историческая часть, о России, представляет интерес» [9а, с. 23].

³⁸ Возможно, здесь имеется в виду вступление В. Ф. Миллера на пост заведующего кафедрой русской словесности в Московском университете вместо ушедшего Ф. И. Буслаева.

³⁹ Н. Д. Галахов — историк литературы, составлял пособия по истории русской литературы. Его «Русская хрестоматия» выдержала 22 издания.

⁴⁰ В процессе становления (нем.).

⁴¹ «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», см. [35].

⁴² См. с. 18—19 данной книги.

⁴³ Такой работы написано не было. Исследование о Дагестане было включено в монографию «Закон и обычай на Кавказе» [29].

⁴⁴ Речь идет о детях В. Ф. Миллера. Боренька — Б. В. Миллер (1877—1950), окончил юридический факультет Московского университета в 1900 г. и Лазаревский институт восточных языков в 1904 г. Под влиянием своего отца, а также М. М. Ковалевского занялся этнографией Кавказа, результатом чего

явились его работы о карачаевцах, татах и талышах [см. с. 70, с. 239]. Б. В. Миллер известен как крупный специалист по иранским языкам, ему принадлежит, в частности, составление объемного русско-персидского словаря.

⁴⁵ По-видимому, имеется в виду крупный датский писатель, драматург К.-Л. Бойе, умерший в середине XIX в.

⁴⁶ Лазаревский институт восточных языков, основанный в начале XIX в., был единственным учебным заведением в Москве для подготовки специалистов-востоковедов. С 1897 по 1911 г. его директором был В. Ф. Миллер.

⁴⁷ Речь идет о сыне В. Ф. Миллера. См. прим. 44.

⁴⁸ М. М. Ковалевский был членом Государственного совета с 1907 г. от академической курии.

⁴⁹ Печатаются по оригиналам, хранящимся в Отделе письменных источников ГИМ [139, ф. 451, ед. хр. 229].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Классики марксизма-ленинизма¹

1. Маркс — Энгельсу. Лондон. 11 декабря 1876. — Т. 34.
2. Маркс — Петру Лавровичу Лаврову. Лондон. 7 октября 1876 г. — Т. 34.
3. Маркс — Петру Лавровичу Лаврову. Лондон. 21 октября 1876 г. — Т. 34.
4. Маркс — Максиму Максимовичу Ковалевскому. Лондон. 9 января 1877 г. — Т. 34.
5. Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону. Лондон. 15 ноября 1878 г. — Т. 34.
6. Маркс — Максиму Максимовичу Ковалевскому. Лондон, апрель 1879 г. — Т. 34.
7. Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону. Лондон. 19 сентября 1879 г. — Т. 34.
8. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21.
9. Энгельс. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Т. 22.
- 9а. Ф. Энгельс — Полю Лафаргу. 10 февраля 1891 г. — Т. 38.
10. В. И. Ленин. Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания. — Т. 11.
11. В. И. Ленин. Кадеты и националисты. — Т. 22.
12. В. И. Ленин. Национал-либералы. — Т. 22.

2. Труды М. М. Ковалевского по Кавказу²

13. Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. — «Известия Кавказского отдела Русского географического общества». Т. 8. Вып. 1, 1883 (в соавторстве с В. Ф. Миллером).
14. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. — «Русская мысль». 1883, № 12.
15. В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всева Миллера и Макс. Ковалевского. — «Вестник Европы». 1884, кн. 4.
16. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин. — «Юридический вестник». 1884, № 6, 7.
17. В Сванетии. Из путешествия И. Иванюкова и М. Ковалевского. — «Вестник Европы». 1886, кн. 8, 9.
18. У подошвы Эльбруса. Очерк И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского. — «Вестник Европы». 1886, т. 1, кн. 1, 2.

¹ Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

² В разделах 2 и 3 систематизация основана на хронологическом принципе.

19. Древности брачного права преимущественно арийских народов.— «Труды VI археологического съезда (1884 г.)». Одесса. 1886, т. I.
20. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1—2. М., 1886. Французский перевод первого тома этой монографии: «Coutume contemporaine et loi ancienne. Droit coutumier ossetien, éclairé par l'histoire comparée». P., 1893; английский реферат: «The customs of the Ossets and the light they throw on the evolution of law compiled from professor Maxim Kovalevskys russian Work on «Contemporary custom and ancient law» and translated with notes by E. Delmar Morgan».— «Journal of the Royal Asiatic Society». 1883, № 20.
21. Первобытное право. М., 1886. Вып. I. Род; вып. II. Семья.
22. Труды Этнографического отдела (Имп.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Протоколы заседаний. Кн. 7. М. 1886 («Известия (Имп.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 48, вып. 1).
23. Заметки о юридическом быте татов.— «Труды Этнографического отдела (Имп.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Кн. 8. М., 1888 («Известия (Имп.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 48, вып. 2).
24. Пшавы.— «Юридический вестник». 1888, № 2.
25. Древности. Труды (Имп.) Московского археологического общества. Т. 12. Вып. I, 1888.
26. Труды (Имп.) Московского археологического общества. Т. 12. Вып. I, 1888.
27. Родовое устройство Дагестана.— «Юридический вестник». 1888, № 12. Итальянский перевод статьи: «L'organizzazione del clan nel Dagestan».— «Revista italiana di sociologia». 1893, № 7.
28. Сельская община в Закавказье. Разбор известного исследователя С. А. Егiazарова.— «Исследования по истории учреждений в Закавказье». 1889, № 6, 7.
29. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, 2. М., 1890; французский перевод главы «Матриархат»: «La famille Matriarchale en Caucase».— «Anthropologie». 1894, № 7.
30. Дагестанская «Народная правда».— «Этнографическое обозрение». 1896, т. 4. Английский перевод этой статьи: «The lex barbarorum of the Daghestan».— «Journal of the Anthropological Institute». 1905, № 25.
31. Поклонение предкам у кавказских народов.— «Вестник всемирной истории». 1902, № 3; Перепеч.: «Кавказ». 1902, № 107, 108 и «Терские ведомости». 1902, № 138.
32. Армянский вопрос.— «Вестник Европы». 1913, кн. 12.
33. Армянский вопрос.— «Вестник Европы». 1915, кн. 6.

3. Кавказ в трудах М. М. Ковалевского

34. Мое научное и литературное скитальчество.— «Русская мысль». 1895, № 1.
35. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Лекции, читанные в Стокгольмском университете. Пер. с фр. М. Иолшина. СПб., 1895 (Популярно-научная библиотека Ф. Павленкова); М., 1939 г., пер. с фр. С. П. Моравского, под ред. с пред. и прим. М. О. Косвена.
36. Русская высшая школа общественных наук в Париже.— «Т-во „Наука и жизнь“». Ростов-на-Дону, 1903, вып. 8 (в соавторстве с Ю. С. Гамбаровым).
37. Международная школа Парижской выставки.— «Русские ведомости». 1904, № 295, 300.
38. Русская высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров РВИ в Париже. Под ред. профессоров Е. В. Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского. СПб., 1905.
39. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в об-

- ласти сравнительной этнографии и истории права. Вып. I—II. Прилож. к журналу «Вестник и библиотека самообразования», февраль и март 1905 г., СПб., 1905 (Брокгауз и Ефрон. Библиотека самообразования).
40. Две жизни.— «Вестник Европы». 1909, кн. 6, 7.
 41. Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Личные воспоминания.— «Вестник Европы». 1910, кн. 5.
 42. Родовой быт. СПб., 1911.
 43. И. И. Иванюков. Некролог.— «Записки жизни». 1912, № 14.
 44. Памяти Всеволода Федоровича Миллера.— «Вестник Европы». 1913, кн. 2. Перепеч.: «Этнографическое обозрение». 1914, № 3, 4.
 45. Д. И. Каченовский. Характеристика Д. И. Каченовского в связи с личными о нем воспоминаниями.— «Памяти Дмитрия Ивановича Каченовского». Харьков, 1905.
 46. Этнография и социология. М., 1904.
 47. Социология. Т. I. СПб., 1910.

4. Литература о М. М. Ковалевском¹

48. Абрамов Я. М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа.— «Отечественные записки». 1884, № 2.
49. Авалиани С. Заслуги М. М. Ковалевского в изучении обычного права народностей Кавказа.— «Журнал Министерства юстиции». 1916, № 7.
50. Анучин Д. Н. Памяти М. М. Ковалевского.— «Этнографическое обозрение». 1916, 1—2.
51. Арсеньев К. Максим Максимович Ковалевский.— «Вестник Европы». 1916, кн. 4.
52. Бабинцев М. А. Проблема рода и общины в экономических исследованиях М. М. Ковалевского. М., 1947.
53. Боборыкин П. Д. За полвека (мои воспоминания). М.—Л., 1929.
54. Боголепов А. А. М. М. Ковалевский как историк политической мысли. Пг., 1916.
55. Виноградов П. Г. М. М. Ковалевский. Пг., 1916.
56. Грацианский Н. М. М. Ковалевский как историк средневековья.— «Вестник Европы». 1916, кн. 6.
- 56а. Дворкина М. Русская библиотека Карла Маркса.— «Книжное обозрение», 5.V.1978, № 18(624).
57. Дейч Л. Плеханов Г. В. Материалы для биографии. Вып. I. М., 1922.
58. Дерман А. Первая лекция.— «Вестник Европы». 1916, кн. 5.
59. Ивановский И. М. М. Ковалевский. Биографический очерк. Пг., 1916.
- 59а. Из переписки членов семьи К. Маркса с русскими революционерами и общественными деятелями.— «Вопросы истории КПСС». 1975, № 9.
60. Измайлов А. М. М. Ковалевский.— «Биржевые ведомости». 1916, № 15164.
61. Калосов Б. А. М. А. Ковалевский (К 50-летию со дня смерти).— «Советская этнография». 1966, № 6.
62. Кареев Н. М. М. Ковалевский в своих исторических работах.— «Право». 1916, № 13.
63. Кареев Н. М. М. Ковалевский как историк.— «Речь», 24.III.1916.
64. Кареев Н. М. М. Ковалевский как историк французской революции.— «Вестник Европы». 1917, кн. 2.
65. М. М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. статей. Пг., 1917; с приложением списка трудов М. М. Ковалевского.
66. Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1951.
67. Ковалевская С. В. Воспоминания и повести. М., 1977.

¹ В разделах 4 и 5 систематизация основана на алфавитном принципе.

68. Кондратьев Н. М. М. Ковалевский как учитель.— «Вестник Европы». 1916, кн. 5.
69. Конн А. Ф. М. М. Ковалевский в законодательной деятельности.— «Вестник Европы». 1916, кн. 4.
70. Косвен М. О. М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед (к 100-летию со дня рождения).— «Советская этнография». 1951, № 4.
71. Котляревский С. Памяти М. М. Ковалевского.— «Юридический вестник». 1916, кн. 19(2).
72. Кузьмин-Караваев В. Д. Вопросы внутренней жизни. Черты общественно-политического облика М. М. Ковалевского.— «Вестник Европы». 1916, кн. 4.
73. Лаптин П. Ф. Проблемы общины в трудах М. М. Ковалевского. 1955, № 9.
74. Луппол И. К. Из переписки К. Маркса с М. М. Ковалевским.— «Летопись марксизма». М., 1928, т. 6.
75. Максимов А. Н. Работы М. М. Ковалевского в области первобытного права.— «Этнографическое обозрение». 1916, № 1/2.
76. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Ч. II. 1917.
77. Мошкович Г. Г. Проблема западноевропейского средневекового города в трудах М. М. Ковалевского.— «Исторические науки». Сб. Краснодарского государственного педагогического института. Краснодар. Вып. 103, 1969.
78. Нечаев В. М. М. М. Ковалевский.— «Журнал Министерства просвещения». 1916, № 4.
79. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пг., 1923.
80. Омаров А. С. М. Ковалевский как исследователь обычного права народов Дагестана.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР». 1957, т. 3.
81. Ольшевская М. И. М. М. Ковалевский о некоторых вопросах истории осетинского народа.— «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института». Орджоникидзе. Т. 28, 1970.
82. Покровский В. С. Социально-политические и правовые взгляды М. М. Ковалевского.— «Советское государство и право». 1957, № 4.
83. Полянский Ф. Я. Проблема общины в работах М. М. Ковалевского.— «Вестник Московского университета». 1952, № 7.
84. Русанов М. С. Памяти М. М. Ковалевского.— «Русские записки». 1916, № 3.
85. Савин А. М. М. Ковалевский как историк.— «Исторические известия». 1916, № 1.
86. Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960.
87. Сватиков С. Г. Опальная профессура 80-х гг.— «Голос минувшего». 1917, № 2.
88. Сорокин П. Ковалевский и его западные друзья.— «Биржевые ведомости». 1916, № 15529.
89. Струве П. М. М. Ковалевский.— «Русская мысль». 1916, кн. 5.
90. Танеев С. И. Материалы и документы. Т. I. Переписка и воспоминания. М., 1952.
91. Тарновский Ф. В. М. М. Ковалевский как историк права.— «Вестник гражданского права». 1916, № 5.
92. Тарновский Ф. В. Незабвенной памяти М. М. Ковалевского. «Право». 1916, № 13.
93. Трунов Д. Русские ученые в Дагестане. Исследования М. Ковалевского.— «Дагестанская правда», 7.XII.1952, № 240.
94. Тимирязев К. А. Памяти друга.— «Летопись». 1916, № 8.
95. Фатеев Ар. Максим Ковалевский (К годовщине смерти), 1851—1916. Харьков, 1917.
96. Филиппов А. М. М. Ковалевский как ученый исследователь обычного права.— «Юридический вестник». 1916. Кн. 15(3).

97. Чеботаревская А. С. В Парижской школе.— «Биржевые ведомости». 1916, № 15164.
98. Чубинский М. П. М. М. Ковалевский.— «Биржевые ведомости». 1916, № 15164.
99. Щетинин Б. А. М. М. Ковалевский и Московский университет (страничка из воспоминаний).— «Исторический вестник». 1916, № 5.

5. Общие труды

100. Абаев В. И. Дохристианская религия алан.— «Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов». М., 1960.
101. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., 1949.
102. Богданов Вл. Вл. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848—1948). Очерки из истории русской интеллигенции и русской науки.— Архив Института этнографии АН СССР, ф. 561, л. 117.
103. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967.
104. Древности. Труды (Имп.) Московского археологического общества. Т. 9. Вып. I, 1885.
105. Императорский русский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893.
106. Ионе Г. И. Верхние чегемские памятники VI—XIV вв.— «Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ». Нальчик. Т. 14, 1962.
107. Ионе Г. и Опришко О. Памятники рассказывают. Нальчик, 1965.
108. Калоев Б. А. В. Ф. Миллер-кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе, 1962.
109. Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
110. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- 110а. Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели.— «Советская этнография». 1972, № 3.
111. Косвен М. О. Пережитки матриархата у народов Кавказа.— «Советская этнография». 1936, № 4—5.
112. Косвен М. О. И. Я. Баховен и русская наука.— «Советская этнография». 1946, № 3.
113. Косвен М. О. Матриархат. М.— Л., 1946.
114. Косвен М. О. Семейная община.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. III. Вып. 4, 1946.
115. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
116. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— «Кавказский этнографический сборник». Вып. I, 1955; вып. II, 1958; вып. III, 1962.
117. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
118. Ладыженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа. М., 1946.
119. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народа (22—26 июня 1959). Нальчик, 1960.
120. Мизисев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII—XVIII вв.). Нальчик, 1970.
121. Миллер В. Ф. В горах Осетии.— «Русская мысль». 1881, кн. IX.
122. Миллер В. Терская область. Археологические экскурсии.— «Материалы по археологии Кавказа». М., 1888, кн. I.
123. Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— «Материалы и исследования по археологии СССР». 1951. № 23.
124. Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Дзауджикау, 1947.
125. «Советская этнография». 1936, № 4—5.
126. Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

127. Труды VI археологического съезда (1884). Одесса, 1886, т. I.
128. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды.— «Терский сборник». 1903. Вып. 5.
129. Труды Этнографического отдела (Имп.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Протоколы заседаний. Кн. 8. М., 1888 («Известия (Имп.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 48, вып. 2).
130. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татаров Пятигорского округа Терской области.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». 1881, вып. I.
131. Харадзе Русудан. Грузинская семейная община. Т. II. Тбилиси, 1960.
132. Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки.— «Вестник Европы». 1888, кн. 10, 11.
133. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
134. Цаголов Г. Охотничий язык и обряды у осетин (этнографические заметки).— «Терские ведомости». 1895, № 53.
135. Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин.— «Сборник сведений о кавказских горцах». 1870, вып. IV.
136. Янжул И. И. О пережитом и виденном в 1864—1909. М., 1929.

6. Архивные материалы

137. Архив Академии наук СССР. Л., ф. 103, ед. хр. 311, 312, 324, 327, 329, 342—345, 347.
138. Архив Института этнографии Академии наук СССР. М., ф. 66, ед. хр. 1.
139. Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников. М., ф. 104, ед. хр. 24; ф. 451, ед. хр. 229.
140. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина. М., ф. Ю. С. Гамбарова, В. А. Гольцева, Н. И. Кареева.
141. Центральный государственный архив литературы и искусства. М., ф. 8, ед. хр. 119; ф. 323, ед. хр. 119, 221; ф. 1691, ед. хр. 269.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В. И. 31, 59, 60
 Абаевы 98
 Абазадзе Н. Л. 19
 Абдул-Арис 174
 Абрамов Я. 145
 Абу-Ходжа 144
 Аглинцев 46
 Агнати Саханби 167
 Адамс 180
 Азамат 47, 49, 50
 Айбедуловы 98
 Аймыш, легенд. 67
 Ак-Мурза (Белый князь) 172, 174
 Ако 166, 167
 Али 175
 Аликовы 157
 Алуан 167
 Амбалов Цоцко 31
 Андрухай 172
 Антонович Б. В. 20, 68, 183, 185, 191
 Анучин Д. Н. 19, 20
 Анфако 58, 172
 Апсаты, легенд. см. Афсати
 Аренский А. С. 43, 46
 Арсеньев К. 30
 Астан 167
 Афсати, легенд. 65—67
 Ахтуган 173—175

 Бадила, родоначальник дигорских
 феодалов 59, 71, 158, 166, 167,
 176
 Бадрашвили Урдзмук 52
 Бай-Мурза 58, 172
 Бакунин М. А. 13
 Балкарук 173
 Балкаруков А.-М. 42, 172
 Балкаруковы 58, 174, 175
 Барастыр 75
 Баснат, родоначальник балкарских
 феодалов 59, 98
 Басил 167
 Бахофен (Баховен) И. Я. 140
 Безнерчин 6
 Берды 58, 172
 Берды-бей (Бердыбей) 58, 172

 Беренштам 20, 68
 Бернар С. 189
 Бетичогер 58, 172
 Биаслановы 167
 Боборыкин П. Д. 27, 179, 186, 190
 Богданов В. В. 18
 Богословские 45
 Бойе 189, 192
 Болотуковы 58, 172
 Бруннер К.-М. 9
 Булат 167
 Буслаев Ф. И. 181, 190, 191
 Бутаев Бепизар 158
 Бутаев Казн 167

 Вагнер А. 9
 Верн М. 189, 191
 Веселовский А. Н. 28, 29, 178, 189,
 190
 Виноградов П. Г. 13, 179, 190
 Вис 10
 Волков Ф. К. 29, 32
 Вольтер 7
 Воронцов М. С. 167
 Вырубов 181, 190

 Габути Гаги 167
 Гагкстгаузен А. 55
 Газюмов Абрек 157
 Галаон 167
 Галахов Н. Д. 187, 191
 Гамбаров Ю. С. 18, 23, 30, 32
 Гамуева 164
 Гарнер 189
 Гаттенбергер 8, 183
 Гатуев А. Г. 40, 54, 157, 159, 160, 176
 Геловани 108
 Гемишры 172
 Геродот 143
 Герцен А. И. 33, 190
 Гильдебранд 185
 Гнейст Г.-Р. 9
 Гольцев В. А. 30, 32
 Гранат, братья 34
 Гранжан И. М. 5
 Гургурота 166

Давыдовский И. М. 11
Дадешкелиани 46, 50, 103, 108, 109
Далгат Б. К. 19, 129, 135
Даниельсон Н. 11, 12
Делянов И. Д. 24, 25
Демент 50
Дерюжинский 14
Джан-Мурза 58, 172, 173
Джанхотовы 98
Джаншбев 187
Добролюбов Н. А. 48
Доде А. 188
Дударовы 157

Евреинова А. М. 184
Егiazаров С. А. 19
Емс 46, 47
Ермаков Д. И. 46
Ермолов А. П. 167
Есеновы 157

Заточник Даниил 7
Заурбеков 165
Зибер Н. И. 12, 185, 191
Зиссерман А. Л. 143

Жаклар Виктор 25
(Жаклар) Анна Васильевна, сестра
С. В. Ковалевской 25
Жермен 9

Иванюков И. И. 23, 43, 45—47, 49,
50, 98, 179
Иловайский Д. И. 7

Кайтукины 69
Калибековы 174
Карабугаевы 174
Кареев Н. И. 11, 12, 182, 191
Карнаев Брек 166
Карпов Г. Ф. 177, 190
Каченовский Д. И. 7, 8
Келимет 173, 174
Ковалевская С. В. 25, 26, 185, 191
Ковалевский В. О. 25
Ковалевский Е. П. 26, 36
Ковалевский М., отец М. М. Кова-
левского 4
Ковальский Я. И. 8
Коголук Всайхо 167
Козеровы 157
Кокиев С. В. 19, 39, 40, 54, 163—165
Кокиева 164
Комаров А. В. 136
Кони А. Ф. 27, 33
Корриез 182
Корсаков С. С. 22
Косвен М. О. 132, 150, 151
Котляревский С. 20, 185
Кребс 184
Кулаковский Ю. А. 183, 191

Кулиев Иналико 157
Куликовский (?) 182
Кундухов 86
Курдалагон 73
Кусовы 157
Кучук 174

Лавров П. Л. 10, 35
Лассаль Ф. 8
Лафарг П. 191
Лашатр 10
Лебедев П. Н. 22
Ленин В. И. 31, 32
Леонтович Ф. И. 136, 183, 185, 191
Луппол И. К. 11

Мак-Леннан Дж.-Ф. 10
Маркс К. 10—14, 32, 185, 190, 191
Метропольский 189
Мечников И. И. 24, 30, 37
Миллер Б. В., сын В. Ф. Миллера
189, 191, 192
Миллер В. Ф. 3, 4, 12, 14, 16, 18—
21, 23, 24, 26—28, 35, 39—43, 55—
57, 59, 61, 68, 74, 102, 103, 143,
177—192

Мицлов 181, 190
Михайловский В. М. 177, 183, 187
Михайловский Н. К. 22
Моисей Хоренский 102
Монтелиус 185
Морган Л. Г. 10, 29
Морфилг 28
Мулдарат 167
Муромцев С. А. 18, 22, 24, 186
Мхитар Гош 53
Мысакс 98
Мюллер М. 185, 191
Мэн Г. 9, 10, 14, 183

Нерсесов Н. О. 18
Нитч А.-Р. 9
Норденшельд 185

Овсяннико-Куликовский Д. Н. 35
Омар 175
Омаров А. С. 139
Оса-Багатар 71
Оуэн 8

Пантелеев Л. Ф. 29
Петр I 177
Плетнев Д. 189
Плеханов Г. В. 31
Постников А. С. 24
Прудон П.-Ж. 8
Пфаф В. Ф. 55

Раздевич 52
Разикашвили 52
Рафи Мухаммед 144

Рачкау 58, 172
Руссо Ж.-Ж. 7
Рустем-хан, уцмий 52, 124, 136, 138,
144, 145, 152, 185

Салтыков-Щедрин М. Е. 22, 184
Самуэлян Х. С. 19
Сафа, легенд. 63, 73, 76
Семеновский В. И. 24
Семирадский Г. И. 6
Сен-Симон А.-К. 8
Сеченов И. М. 22
Сизов 20
Сикоев Битар 40, 168
Слоновы 157
Смит Адам 8, 46
Снарс В. И. 20
Сокольский 7, 183
Сорокин П. 13
Спеноф 140
Стеббс 14
Столетов А. Г. 22
Стороженко Н. И. 179, 182, 189, 190
Стоянов 111
Стоянов А. Н. 183, 184, 191

Табари 141
Такоев 159
Тамашев В. М. 32
Тамбиев 45
Танеев П. И. 11, 22, 181, 183, 190
Танеев С. И. 22, 43, 45, 46, 48—50, 98,
102, 190
Таусультановы 167
Тимирязев К. А. 6, 22, 24, 31, 34
Тимур 172
Тичинов 173
Толстой Л. Н. 22, 33
Трачевский А. С. 177, 182, 190
Тугановы 169
Тульчинский Н. П. 66
Тургенев И. С. 22, 35
Тууду 174
Туудуевы 174
Тэйлор Ф. 185, 186, 191

Уварова 55
Усов С. Н. 20

Успенский Г. И. 22, 43
Урусбиев Изманл (Исманл) 41, 46—
49, 53, 62
Урусбиев Магомед 48
Урусбиев Сафар-Али 41, 46

Фриман Э. 14, 185, 191
Фурье Ф. 8

Хамзат 41
Хамидца 167
Хан-Магомед-уцмий 136
Хансен Г. 10
Харузин Н. Н. 18, 19, 187
Хатисов 52, 53
Хаханов А. С. 19

Царазонти Гавис 167
Цехановецкий 183
Цитович 8, 183

Чайковский П. И. 22
Чеботарева А. 32
Чотанов Келимет 173, 174
Чупров А. И. 18, 22, 23, 152

Шагенов 176
Шагеновы 157
Шакманов Джарахмат 42
Шакмановы 98
Шамиль 130, 138, 145, 147
Шамхалова Керимхан 174
Шамхаловы 174, 175
Шанаев Гацыр 40
Шанаев Гуцыр 40
Шанаевы 69, 157
Шах-Аббас 136
Шиллер Ф. 6

Щетинин Б. А. 17

Энгельс Ф. 10—13, 32, 38, 150, 191
Эндрогов Джан-Мурза 174

Якушкин Е. И. 18
Янжул И. И. 10, 22, 23, 177, 190
Ярошенко Н. А. 43

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Жизнь и научная деятельность	4
Глава II. Поездки по Кавказу	38
Глава III. Исследование горцев нагорного Кавказа	54
1. Этногенез осетин и балкарцев	54
2. Исследование общественного строя и обычного права осетин	69
3. Балкарцы	97
4. Горцы Грузии (сваны, пшавы, тушинны, хевсуры)	103
5. Народы Дагестана	123
6. Общие проблемы кавказоведения	139
Заключение	149
Приложение	155
Полевые записи М. М. Ковалевского в Северной Осетии и Бал- карии	157
Письма М. М. Ковалевского к В. Ф. Миллеру	177
Библиография	193
Именной указатель	199

Борис Александрович Калоев

**М. М. КОВАЛЕВСКИЙ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА**

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
Академии наук СССР
и Северо-Осетинским НИИ истории,
экономики, языка и литературы*

*Редактор Т. М. Шаецова
Младший редактор И. И. Исаева
Художник И. М. Мерзеевский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковника
Корректор Л. С. Кузнецова*

ИБ № 13359

Сдано в набор 31/VIII 1978 г. Подписано
к печати 16/I 1979 г. А-02717. Фор-
мат 60×90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 12,75.
Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 4000 экз.
Изд. № 4177. Зак. № 632. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

20 руб.

~~Цена 1 р. 50 к.~~